THE BOOKER PRIZE 2003

ПРЕМИЯ БУКЕРА

ЛОНГ-ЛИСТ БУКЕРОВСКОЙ ПРЕМИИ 2003 ГОДА

THE CURIOUS INCIDENT OF THE DOG IN THE NIGHT-TIME

Марк Хэддон

ЗАГАДОЧНОЕ НОЧНОЕ УБИЙСТВО СОБАКИ

«РОСМЭН»

Загадочное ночное убийство собаки

Марк Хэддон

Аннотация
Марк Хэддон. Загадочное ночное убийство собаки
2
3
5
7
11
13
17
19
23
29
31
37
41
43
47
53
59
61

67
71
73
79
83
89
97
101
103
107
109
113
127
131
137
139
149
151
157
163
167
173
179
181
191
193

197
199
211
223
227
229
233
ПРИЛОЖЕНИЕ

Аннотация

Марк Хэддон — английский писатель, художник-иллюстратор и сценарист, автор более десятка детских книг. «Загадочное ночное убийство собаки», его первый роман для взрослых, вошел в лонг-лист премии Букера 2003 года, в том же году был удостоен престижной премии Уитбреда, а в 2004 году — Литературного приза Содружества.

Рассказчик и главный герой романа — Кристофер Бун. Ему пятнадцать лет, и он страдает аутизмом. Он знает математику и совсем не знает людей. Он не выносит прикосновений к себе, ненавидит желтый и коричневый цвета и никогда не ходил дальше, чем до конца улицы, на которой живет. Однако, обнаружив, что убита соседская собака, он затевает расследование и отправляется в путешествие, которое вскоре перевернет всю его жизнь. Марк Хэддон с пугающей убедительностью изображает эмоционально разбалансированное сознание аутиста, открывая новую для литературы территорию.

Лонг-лист Букеровской премии 2003 года.

Марк Хэддон
Загадочное ночное убийство собаки

Посвящается Сос

Благодарю Кэтрин Хейман, Клэр Александер, Кейт Шоу и Дейва Коэна

2

Было 7 минут после полуночи. Собака лежала на лужайке перед домом миссис Ширз. Глаза ее были закрыты. Она выглядела так, будто бы бежала лежа на боку, как бегают собаки, когда им снится, что они гонятся за кошкой. Но эта собака не бежала и не спала. Она была мертвая. Из тела собаки торчали садовые вилы. Зубья вил, должно быть, проткнули ее насквозь и еще глубоко ушли в землю, поскольку вилы стояли и не падали. Я решил, что эти-то вилы и убили собаку, потому что не видел на ней больше никаких ран. И я сомневался, что вилы воткнули в нее после смерти — смерти по какой-то иной причине, вроде болезни или дорожно-транспортной катастрофы. Однако я не был уверен в этом до конца.

Я прошел через калитку во двор миссис Ширз, шагнул на лужайку и опустился на колени перед собакой. Протянул руку и тронул собачью морду. Она была еще теплой.

Собаку звали Веллингтон. Она принадлежала миссис Ширз, с которой мы дружили. Она жила на противоположной стороне улицы, через два

дома от нас.

Веллингтон был пуделем. Но не таким миниатюрным пуделем, которым делают всякие стрижки, а крупным пуделем. У него была вьющаяся черная шерсть, но если подойти ближе, то можно было увидеть, что сквозь нее просвечивает кожа — бледно-желтая, как у цыпленка.

Я погладил Веллингтона и задумался, кто его убил и почему.

3

Меня самого зовут Кристофер Джон Френсис Бун. Я знаю все страны мира, и их столицы, и все простые числа до 7507.

Когда мы впервые встретились с Шивон, она показала мне вот такую картинку:

И я знал, что это означает печаль. То, что я почувствовал, когда обнаружил мертвую собаку.

Потом она показала мне другую картинку. Вот эту:

И я понял, что это обозначает счастье. То, что я испытываю в те моменты, когда читаю о космических миссиях «Аполлона» или когда просыпаюсь в три-четыре часа утра, выхожу на улицу и представляю, будто я единственный человек во Вселенной.

Потом она еще рисовала другие картинки:

Но я не могу сказать, что это значит.

Я однажды попросил Шивон нарисовать много-много таких лиц и потом приписать под каждым, что оно точно обозначает. Я носил эту бумажку в кармане и вынимал ее, когда не понимал, что же именно человек чувствует. Но было очень трудно решить, которая из схем больше подходит к его настроению, потому что на самом деле лица людей очень быстро изменяют выражение.

Когда я рассказал Шивон, что я это делаю, она взяла карандаш и еще один листок бумаги и сказала, что мои действия, скорее всего, заставляют людей чувствовать себя очень

А потом стала смеяться. Тогда я разорвал первый листок и выкинул его. А Шивон попросила прощения. И теперь, если я не могу понять, что человек имеет в виду, я уточняю у него самого или просто ухожу.

5

Я вытащил вилы из тела собаки, взял ее на руки и крепко обнял. Из дырок, оставленных вилами, еще сочилась кровь.

Я люблю собак. Всегда можно понять, о чем собака думает. У нее есть четыре настроения: счастливое, грустное, сердитое и сосредоточенное. И еще собаки преданные и никогда не лгут, потому что они не умеют говорить.

Я держал собаку 4 минуты, а потом послышался крик. Я поднял глаза и увидел миссис Ширз. Она бежала ко мне со стороны дома. На ней была надета пижама, а сверху халат. Ногти ее были выкрашены в ярко-розовый цвет, а на ногах не было никакой обуви.

Она кричала:

— Черт побери! Что ты сделал с собакой?

Я не люблю, когда люди на меня кричат. Я от этого пугаюсь, потому что они могут ударить меня или ко мне притронуться. И я не знал, что мне делать дальше.

— Отпусти собаку! — кричала она. — Ради Христа, отпусти эту гребаную собаку.

Я положил собаку на землю и отступил на два метра.

Она наклонилась, Я подумал, что миссис Ширз хочет взять собаку сама, но она этого не сделала. Может быть, она заметила, что на теле слишком много крови, и побоялась испачкаться. Потом миссис Ширз снова принялась кричать.

Я закрыл уши руками, зажмурил глаза и стал клониться вперед, пока не согнулся так, что лоб коснулся травы. Трава была холодной и влажной. И мне сразу сделалось лучше.

7

Это детектив про убийство.

Шивон сказала, что я должен написать такую книгу, которую стал бы читать сам. Я в основном читаю разные научные книги, например по математике. Я не люблю выдуманных романов. В них люди говорят всякие вещи, вроде: «Я испещрен прожилками железа, серебра и полосами обыкновенной грязи. Я не могу сжаться в кулак, как те, кто не зависит от стимуляторов».[1] Что это должно означать? Я не знаю. И отец не знает. И Шивон тоже не знает. И мистер Дживонс. Я их спрашивал.

У Шивон длинные светлые волосы, и она ходит в очках, которые сделаны из зеленого пластика. А мистер Дживонс пахнет мылом и носит ботинки, на каждом из которых сверху примерно по 60 крошечных дырочек.

Но детективы мне нравятся. Так что я пишу детектив.

В детективе кто-нибудь проводит расследова-

---

[1] Примечания: 1

Эту книгу я видел в городской библиотеке, когда мать однажды водила меня с собой в город.

ние и выявляет преступника, чтобы его можно было поймать. Там есть загадка. Если загадка загадана хорошо, то можно самому вычислить ответ еще прежде, чем закончится книжка.

Шивон сказала, что книга должна начаться с яркого эпизода, который сразу привлечет внимание. Вот почему я начал с собаки. Я выбрал событие, которое случилось со мной, поскольку я не могу представить того, чего со мной на самом деле не происходило.

Шивон прочла первую страницу и сказала, что у меня все не так. Она сказала, что в детективах обычно убивают людей. Я ей ответил, что в «Собаке Баскервилей» погибли целых две собаки: сама собака Баскервилей и спаниель Джеймса Мортимера. Но Шивон мне на это ответила, что они не были жертвами преступления. Жертвой был сэр Чарльз Баскервиль. Она сказала, что так происходит, поскольку читателей люди интересуют больше, чем собаки. То есть, если в книге умрет человек, это скорее привлечет внимание тех, кто будет ее читать.

А я объяснил, что хотел написать правдивую историю. Я знал разных людей, которые сейчас уже умерли, но я никогда не был знаком ни с кем, кто погиб, за исключением разве что мистера

Паулсона, отца Эдварда из нашей школы. Но это было не преступление, а несчастный случай, да и потом, я его почти не знал… И еще я объяснил, что люблю собак, потому что они преданные и честные и некоторые собаки умнее и интереснее, чем многие люди. Например, Стива, который приходит в школу по четвергам, приходится кормить с ложечки, и он даже не способен принести палку. Шивон попросила меня не говорить ничего такого матери Стива…

11

А потом приехала полиция. У них была униформа и значки, и было ясно, зачем они здесь. Их было двое: женщина-полицейский и мужчина-полицейский. У полицейской женщины на левой лодыжке была небольшая дырка в колготках, а посреди этой дырки — красная царапина. А у мужчины-полицейского к подошве ботинка прилип большой оранжевый лист; он торчал с одной стороны и немного топорщился.

Полицейская женщина обняла миссис Ширз за плечи и повела ее к дому.

Я оторвал голову от травы.

Полицейский мужчина присел на корточки рядом со мной и сказал:

— Не будешь ли ты так любезен объяснить, что тут произошло, молодой человек?

Я сел. И ответил:

— Собака умерла.

— Это я понял, — отозвался он.

Я сказал:

— Я думаю, что собаку кто-то убил.

— Сколько тебе лет? — спросил он.

Я ответил:

— Мне 15 лет, 3 месяца и 2 дня.

— А что именно ты делал в саду? — спросил он.

— Я взял собаку на руки и так держал, — сказал я.

— А зачем ты держал собаку? — спросил он.

Это был сложный вопрос. Я это сделал потому, что мне так хотелось. Я люблю собак. И мне стало очень грустно, когда я понял, что собака умерла.

Полицейских я тоже люблю, и поэтому я хотел объяснить все как можно точнее, но полисмен не дал мне достаточно времени, чтобы обдумать ответ.

— Так почему ты держал собаку? — повторил он.

— Мне нравятся собаки, — сказал я.

— Это ты ее убил? — спросил он.

А я сказал:

— Нет. Я не убивал.

— Это твои вилы? — спросил он.

Я сказал:

— Нет.

— Кажется, тебя все это очень расстроило, да? — сказал он.

Полицейский задавал слишком много вопросов. И он это делал слишком быстро. Мне это

показалось похожим на буханки хлеба с фабрики, где работает дядя Терри. Эта фабрика — такая большая пекарня, а дядя Терри оперирует хлеборезкой. И иногда так бывает, что хлеборезка работает недостаточно быстро, а хлеб продолжает поступать, и получается закупорка. Я иногда представляю свой разум в виде машины, хотя это не обязательно хлеборезка. Но так проще объяснить другим, что со мной происходит.

Полицейский мужчина сказал:

— Ну? Что тут приключилось?…

Я отвернулся от него и снова упал лицом в траву. А потом издал звук, который отец называет стенаниями. Этот звук у меня вырывается, когда из внешнего мира приходит слишком много информации разом. Так бывает, например, когда я огорчаюсь. Тогда я подхожу к радиоприемнику и ставлю его на промежуточный канал между двумя станциями. Из него начинает вырываться шипение, которое называется "белый шум". Если сильно отвернуть громкость, то, кроме него, ничего не слышно. И когда я его слушаю, я чувствую себя в безопасности…

…Тем временем полицейский взял меня под локоть и поднял на ноги.

А я не люблю, когда люди ко мне прикасаются.

И потому я его ударил.

13

Моя книга не будет смешной. Я не могу рассказывать шутки, потому что я их не понимаю. Вот шутка, например. Одна из отцовских.

Хорошее дело браком не назовут.

Я знаю: предполагается, что это смешно. Я спрашивал. Это потому, что слово «брак» имеет два значения: 1) брак — это женитьба и семейная жизнь; 2) брак — это плохая работа и ее результат, то есть негодные вещи. И кажется, что речь идет о значении 1, а на самом деле — о значении 2.

Если я пытаюсь произнести шутку сам, заставляя слово обозначать две разные вещи в одно и то же время, мне начинает казаться, что я слышу две разные мелодии, которые не сочетаются друг с другом и совсем не так хороши, как белый шум. Или у меня возникает чувство, что два разных человека пытаются одновременно говорить со мной на две разные темы.

Вот почему в этой книге нет никаких шуток.

17

Полицейский посмотрел на меня. Некоторое время он молчал, а потом сказал:

— Я арестую тебя за нападение на полицейского.

И мне стало гораздо спокойнее, поскольку он сказал то, что полицейские обыкновенно говорят на телевидении и в кино.

Потом он еще сказал:

— И настоятельно тебе советую лезть в машину, потому что, если ты, дерьменыш, еще что-нибудь выкинешь, я окончательно потеряю терпение. Это понятно?

Я пошел к полицейской машине, стоявшей перед калиткой. Он открыл заднюю дверь, и я забрался внутрь. А он сел на водительское сиденье и связался по рации с полицейской женщиной, которая все еще была в доме. И сказал:

— Этот клоп только что двинул мне в морду, Кейт. Ты можешь побыть у миссис Ш., пока я отвезу его в участок? Я скажу Тони, чтобы он заехал и подобрал тебя.

А она ответила:

— Не вопрос. Увидимся позже.

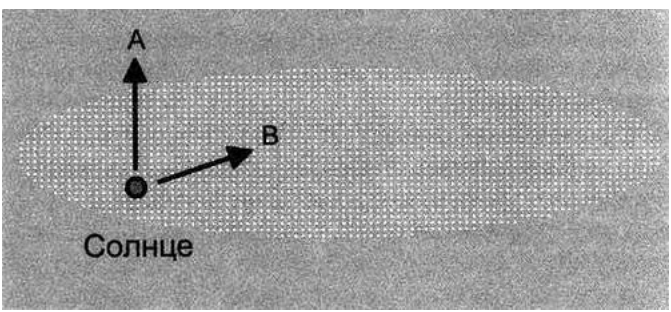
Полисмен сказал:

— Лады. — И мы поехали.

В полицейской машине пахло горячей пластмассой, лосьоном для бритья и чипсами.

Пока мы ехали к центру, я смотрел в небо. Ночь была ясная, и потому я отчетливо видел Млечный Путь.

Некоторые люди думают, что Млечный Путь — это просто длинная вереница звезд, но они неправы. Наша Галактика представляет собой огромный диск размером в 100 000 световых лет, а Солнечная система находится где-то неподалеку от его наружного края.



Когда вы посмотрите в направлении A под углом 90° к диску, вы увидите совсем немного звезд.

Но если вы глянете в направлении В, то звезд будет гораздо больше, потому что вы смотрите в центр Галактики. А так как Галактика — диск, то вам видно длинную полосу звезд.

И потом я задумался о том, что ученые долгое время недоумевали, почему небо по ночам темное. Ведь там, во Вселенной, находятся миллиарды звезд. Звезды есть повсюду, куда бы вы ни посмотрели, во всех направлениях. Так что небо должно быть озарено звездным светом, поскольку свет движется очень быстро и рано или поздно должен достигнуть Земли. И мало что может остановить его движение.

Но потом ученые выяснили, что наша Вселенная постоянно расширяется и звезды отдаляются друг от друга. Это явление называется Большой взрыв, и чем дальше от нас находятся звезды, тем быстрее они движутся. Некоторые — так же быстро, как и сам свет, и вот почему их собственный свет никогда не доберется до нас.

Мне нравятся такие факты. Это нечто такое, что можно осмыслить у себя в голове, просто глядя на небо по вечерам, размышляя и никого ни о чем не спрашивая.

А когда Вселенная закончит взрываться, все звезды станут замедляться, как мяч, подкину-

тый в воздух. Потом их движение полностью остановится, и они опять начнут падать в центр Вселенной. И тогда можно будет увидеть все звезды в мире, потому что они будут двигаться по направлению к нам — все быстрее и быстрее. И это будет означать, что скоро настанет конец света. И тогда, если посмотреть ночью в небо, там уже не будет темноты, а только пламенеющий свет миллиардов и миллиардов звезд, которые все падают вниз. Только никто этого не увидит, потому что на Земле уже не останется людей. Они к тому времени все вымрут. А если даже какие-то люди еще будут здесь жить, то они все равно ничего не смогут увидеть, потому что этот свет будет таким ярким и таким горячим, что просто сожжет их всех до смерти, даже если они будут жить в подземных туннелях.

19

Во всех книгах главы имеют порядковые номера 1, 2, 3, 4, 5, 6 и так далее. Но я решил придать моим главам значения простых чисел 2, 3, 5, 7, 11, 13 и так далее, потому что мне нравятся простые числа.

Вот как можно понять, что такое простые числа: сначала вы пишете все положительные целые числа, которые только существуют в мире.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
21	22	23	24	25	26	27	28	29	30
31	32	33	34	35	36	37	38	39	и т.д.

Потом вы убираете те из них, которые делятся

на 2. Потом убираете все числа, которые делятся на 3. Потом убираете все числа, которые делятся на 4, на 5, на 6, на 7 и так далее. Числа, которые остаются, — это простые числа.

	2	3		5		7			
11		13				17		19	
		23						29	
31						37			
41		43				47			и т.д.

Выявлять простые числа совсем нетрудно, но никто до сих пор не сумел вывести формулу, которая показывала бы, является ли очень большое число простым или нет и какое будет следующим. Если число действительно очень-очень большое, то даже компьютеру придется работать годы, чтобы выяснить, простое это число или нет.

Простые числа очень удобны для записи кодов, и в Америке они используются для военных целей. Если вы найдете новое простое число длиной хотя бы в 100 цифр, вы можете сказать об этом ЦРУ, и они купят его у вас за десять тысяч долларов. Но это не лучший способ заработать на жизнь.

Простые числа — это то, что остается, когда вы убираете все классификации и шаблоны. Я думаю, что простые числа похожи на жизнь. Они очень логичные, но вы никогда не сможете выработать для них правила, даже если будете постоянно думать только об этом.

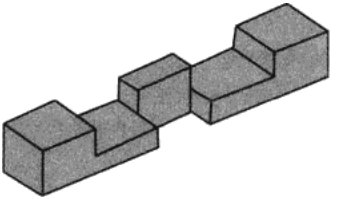
23

Когда я оказался в полицейском участке, мне велели вынуть шнурки из ботинок, вытащить все, что у меня было в карманах, и положить на стол — на тот случай, если бы у меня там были вещи, которые можно использовать для самоубийства, или для побега, или для нападения на полицейского.

У сержанта, сидевшего за столом, были очень волосатые руки, а ногти обкусаны чуть ли не до крови.

Вот что лежало у меня в карманах:

1. Швейцарский армейский нож с тринадцатью лезвиями, включая устройство для зачистки проводов, пилку, зубочистку и пинцет.
2. Кусок веревки.
3. Деталь деревянной головоломки, которая выглядела так:



4. 3 шарика крысиной еды для Тоби, моей крысы.

5. 1,47 фунта (монета в 1 фунт, монета в 20 пенсов, две монеты по 10 пенсов, монета в 5 пенсов и монета в 2 пенса).

6. Красный зажим для бумаги.

7. Ключ от входной двери.

Еще у меня были часы, и полицейские потребовали, чтобы их я тоже положил на стол, но я сказал, что мне нужно оставить часы при себе, потому что я привык точно знать, сколько времени. А когда они попытались снять их, я закричал, и они позволили мне оставить часы.

Потом они спросили, есть ли у меня семья. Я сказал «да». Они спросили, кто моя семья, и я ответил, что это отец, а мать умерла. И еще я сказал, что у меня есть дядя Терри — папин брат, но он живет в Сандерленде. Еще у меня были бабушки и дедушки, но трое из них уже умерли, а у бабушки Бёртон старческий маразм, и она думает, что я

работаю на телевидении.

Полицейские попросили меня дать номер телефона отца.

Я сказал им, что у него два номера, один домашний, другой — мобильного телефона, и назвал оба.

В камере было чудесно. Это был почти идеальный куб: 2 метра длиной, 2 метра шириной и 2 метра высотой. И там содержалось приблизительно 8 кубических метров воздуха. В одной стене было маленькое окно с решеткой, а напротив него металлическая дверь с еще одним окошком, закрытым заслонкой. Но заслонка была отодвигающаяся, чтобы полицейские могли посмотреть и убедиться, что заключенный не сбежал и не попытался покончить с собой. А еще там стояла мягкая кушетка.

Я задумался, как можно отсюда убежать, если возникнет такая необходимость. Это было бы непросто, поскольку все, что у меня оставалось, — это одежда и ботинки без шнурков.

Я решил, что наилучшим выходом было бы дождаться по-настоящему солнечного дня и при помощи очков сфокусировать свет на каком-нибудь куске одежды. Когда она загорится, полицейские увидят дым и придут, чтобы вы-

тащить меня из камеры. А если они ничего не заметят, то можно будет помочиться на ткань и так потушить ее.

Потом я задумался, сказала ли миссис Ширз полиции, что это я убил Веллингтона. И посадят ли ее в тюрьму, когда выяснится, что она солгала. Ведь если кто-то говорит неправду о другом человеке, то это называется клевета.

29

Я полагаю, что люди очень часто не понимают друг друга. И тому есть две основные причины.

Первая основная причина состоит в том, что люди часто общаются, не используя слов. Шивон говорит, что, если поднять одну бровь, это может означать много разных вещей. Это может значить: «Я хочу заняться с тобой сексом», и также это может значить: «Я думаю, что ты сейчас сказал глупость».

Еще Шивон говорит, что если закрыть рот и громко дышать через нос, то это означает, что ты расслабился, или что ты раздражен, или что ты зол. Все зависит от того, сколько воздуха зараз проходит через твои ноздри, и с какой скоростью, и какую форму принимают в этот момент твои губы, и как ты сидишь, и что ты говорил перед этим, и еще от сотни других вещей. И эти вещи слишком сложны, чтобы все их осмыслить за две секунды.

Вторая основная причина состоит в том, что люди часто говорят, используя метафоры. Вот примеры метафор:

Я сейчас лопну от смеха.
Она носила его образ в своем сердце.
У каждой семьи есть скелет в шкафу.
Ему подложили свинью.
Собака была мертвее мертвого.

Слово «метафора» обозначает перенесение чего-то из одного места в другое, и оно образовалось из греческих слов μετα (что означает «из одного места в другое») и φερειν (что означает «нести»). Вы используете слова для обозначения чего-то, что они на самом деле не значат. Тогда это называется метафорой.

А я думаю, это можно назвать ложью, потому что свиней никто никуда не подкладывает и люди не хранят скелеты у себя в шкафах. И когда я пытаюсь соорудить картинку фразы у себя в голове, это меня только запутывает. Потому что я не могу представить, как можно что-то носить в сердце и как это связано с приязнью. И оттого я забываю о человеке — человеке, о котором изначально шла речь.

Мое имя — тоже метафора. Оно означает «перенесение Христа» и тоже сложено из греческих слов χριστοξ (что значит Иисус Христос) и φερειν. Это имя было дано святому Кристоферу, потому что он перенес Иисуса Христа через реку.

Вы можете спросить, как же его звали до того, как он перенес Христа через реку. Но его никак не звали, поскольку это апокриф, а апокриф — тоже ложь.

Мать говорила, что Кристофер — чудесное имя, потому что оно обозначает историю о том, как быть добрым и помогать другим. Но я не хочу, чтобы мое имя обозначало историю о том, как быть добрым и помогать другим. Я хочу, чтобы мое имя обозначало меня.

31

Было 1.12 ночи, когда отец приехал в полицейский участок. Я не видел его до 1.28, но я знал, что он там, потому что слышал его голос.

Он кричал: «Я желаю видеть своего сына!» И еще: «Какого дьявола вы его заперли?» И еще: «Да, я чертовски зол».

В 1.28 полицейский открыл дверь камеры и сказал, что ко мне пришли.

Я вышел. Отец стоял в коридоре. Он поднял правую руку и развел пальцы в стороны. Я поднял левую руку и тоже растопырил пальцы. И мы соприкоснулись подушечками. Мы так делаем, потому что иногда отец хочет меня обнять, но я не люблю, когда меня трогают, поэтому мы немножко касаемся друг друга, и это обозначает, что отец меня любит.

Потом полицейский велел нам пройти по коридору в другую комнату. Там стоял стол и три стула. Он сказал, чтобы мы сели с дальней стороны, а сам сел напротив. На столе лежал диктофон, и я спросил, значит ли это, что он будет допрашивать меня и записывать показания.

Он ответил:

— Думаю, в этом нет необходимости.

Он был инспектором. Я это понял, потому что он не носил униформы. И у него было очень много волос в носу. Казалось, будто у него в ноздрях прячутся две маленькие мышки.[2]

Он сказал:

— Я поговорил с твоим отцом, и он утверждает, что ты не нарочно ударил полицейского.

Я ничего не ответил, потому что это не было вопросом.

Инспектор спросил:

— Ты намеренно ударил полицейского?

Я сказал:

— Да.

Он скривил лицо и сказал:

— Но ты не хотел причинить полицейскому вред?

Я подумал и ответил:

— Нет. Я не хотел причинять ему вред. Я просто хотел, чтобы он перестал меня трогать.

Тогда он сказал:

---

[2] Примечания: 2

Это не метафора, а образное сравнение. Это значит, что инспектор и правда выглядел так, как будто у него в каждой ноздре прячется мышка. И если вы можете представить себе человека, у которого в ноздрях сидит по мышке, то вы поймете, как выглядел инспектор. А образное сравнение — это не ложь, и это не плохо, если сравнение не обидное.

— Ты знаешь, что нельзя бить полицейских, не так ли?

Я сказал:

— Да.

Он помолчал две секунды, а потом спросил:

— Это ты убил собаку, Кристофер?

Я сказал:

— Я не убивал собаку.

Он спросил:

— Ты знаешь, что нельзя лгать полицейскому, а если ты станешь это делать, то у тебя будут очень серьезные проблемы?

Я сказал:

— Да.

А он спросил:

— Может быть, ты знаешь, кто убил собаку?

Я сказал:

— Нет.

Он сказал:

— Ты говоришь правду?

Я ответил:

— Да. Я всегда говорю правду.

И он сказал:

— Ладно. Я собираюсь вынести тебе предупреждение.

Я спросил:

— Оно будет написано на листке бумаги и я смогу носить его с собой?

Он ответил:

— Нет, предупреждение означает, что мы запишем все, что произошло: что ты ударил полицейского, но это была случайность и ты не собирался причинять ему вред.

Я сказал:

— Но это не было случайностью.

А отец сказал:

— Кристофер, я тебя умоляю.

Инспектор закрыл рот, громко подышал через нос и сказал:

— Если ты опять попадешься, мы извлечем эту запись и увидим, что тебе уже было сделано предупреждение. И тогда у тебя будут гораздо более серьезные неприятности. Ты меня понимаешь?

Я ответил, что все понимаю.

Потом он сказал, что мы можем идти, и открыл дверь.

Мы вышли в коридор и вернулись к первому столу, где я оставил мой армейский нож, кусок веревки, деталь деревянной головоломки, и 3 шарика крысиной еды для Тоби, и мои 1,47 фунта, и ключ от входной двери. И все это было уложено в пластиковый пакет. Потом мы вышли на улицу,

сели в машину отца, которая была припаркована снаружи, и поехали домой.

37

Я никогда не лгу. Мать говорила, это потому, что я хороший человек. Но это вовсе не потому, что я хороший человек. Я просто не могу лгать.

Мать была невысокой, и от нее очень приятно пахло. Она иногда носила шерстяную кофту с молнией впереди. Кофта была розовой, а на левой стороне груди у нее находился маленький лейбл с надписью: **«Berghaus»**.

Ложь — это когда ты говоришь, что было что-то такое, чего на самом деле не было. Но речь идет только об одной вещи, которая происходит в конкретном месте в конкретное время. А ведь есть неопределенное число вещей, которые не случились в этом месте и в это время. И если я думаю о чем-то, чего не случилось, я начинаю думать и об остальных вещах, которые тоже не случились.

Например, сегодня утром я съел готовый завтрак и выпил немного малинового молочного коктейля. Но если я скажу, что на завтрак у меня были шоколадные подушечки и чашка чаю[3]

[3] Примечания: 3

но у меня не было ни шоколадных подушечек, ни чая, потому что все это коричневое.

то начну думать о кукурузных хлопьях, и о лимонаде, и о картошке, и о «Докторе Пеппере», которых тоже не было. Потом я подумаю о том, что я не завтракал в Египте, и в комнате не было носорогов, и отец не носит водолазный костюм, и так далее. И даже один только факт, что я сейчас это все пишу, пугает меня так, что я начинаю дрожать. Это так, будто я нахожусь на вершине очень высокого здания, а внизу, подо мной, — тысячи домов, и машин, и людей. Я вижу это все разом, и это переполняет мою голову, и оттого я боюсь, что позабуду стоять прямо и держаться за перила. А тогда я упаду вниз и погибну.

И это еще одна причина, почему я не люблю вымышленных романов. Они рассказывают о вещах, которых никогда не происходило, и от этого мне делается страшно, и я начинаю дрожать.

Вот почему все, что я здесь написал, — правда.

41

Когда мы ехали домой, небо было затянуто облаками, и потому я не видел Млечного Пути.

Я сказал: «Извини меня», — потому что отцу пришлось ехать в полицейский участок и это было очень плохо.

Он ответил:

— Все в порядке.

Я сказал:

— Я не убивал собаку.

А он сказал:

— Я знаю.

Потом он еще сказал:

— Кристофер, ты не должен влипать в неприятности, понимаешь?

Я ответил:

— Я не знал, что попаду в неприятности. Я люблю Веллингтона и пришел с ним поздороваться. Я не знал, что его кто-то убил.

Отец сказал:

— Просто не суйся в чужие дела.

Я подумал об этом немного и сказал:

— Я собираюсь выяснить, кто убил Веллинг-

тона.

А отец сказал:

— Ты слышал, что я тебе велел, Кристофер?

Я ответил:

— Да, я слышал, что ты мне велел, но, когда кого-то убивают, надо выяснить, кто это сделал, и наказать его.

А он сказал:

— Это всего лишь собака, Кристофер. Всего лишь собака, черт побери!

Я ответил:

— Собаки тоже важны.

Он сказал:

— Оставь.

А я сказал:

— Я хочу знать, выяснит ли полиция, кто его убил, чтобы наказать этого человека.

Тогда отец ударил кулаком по рулю, и машина от этого вильнула и заехала на разделительную линию. А отец закричал:

— Я сказал, оставь это! Бога ради.

Поскольку отец кричал, я понял, что он сердится. А я не хотел его злить и поэтому ничего больше не сказал до самого дома.

Когда мы вернулись в дом, я прошел на кухню и взял морковку для Тоби. Потом я поднялся

наверх, закрыл дверь своей комнаты, выпустил Тоби и дал ему морковку. После этого я включил компьютер и сыграл 76 игр в «Сапера». Я прошел уровень эксперта за 102 секунды, что только на 3 секунды медленнее моего лучшего результата, который составляет 99 секунд.

В 2.07 я решил, что хочу выпить апельсинового сока, прежде чем почистить зубы и лечь в постель, так что я спустился на кухню. Отец сидел на диване, смотрел телевизор и пил виски. А в глазах у него были слезы.

Я спросил:

— Ты грустишь по Веллингтону?

Он долго на меня смотрел, а потом втянул воздух через нос. И ответил:

— Да, Кристофер, можно и так сказать. Очень даже просто можно так сказать.

Тогда я решил оставить его одного, потому что, когда я грущу, я люблю быть один. Так что я больше ничего не сказал. Я просто прошел на кухню, налил сока и вернулся обратно к себе в комнату.

43

Мать умерла два года назад.

Я вернулся домой из школы, но мне никто не открывал, так что я взял секретный ключ, который лежал под ковриком перед кухонной дверью. Я вошел в дом и занялся моделью танка «Айрфикс Шерман», которую я строил.

Через полтора часа отец вернулся домой с работы. Он занимается починкой нагревательных приборов и всякой сантехники вместе с человеком по имени Родри, который у него работает. Отец постучался в дверь моей комнаты, открыл ее и спросил, видел ли я мать.

Я сказал: нет, я ее не видел. Тогда он ушел на первый этаж и начал звонить по телефону. Но мне было не слышно, что именно он говорил.

Потом он пришел ко мне в комнату и сказал, что должен уйти на некоторое время, но точно не знает, на сколько. Он сказал, если мне что-то понадобится, я могу позвонить ему по мобильному телефону.

Отца не было два с половиной часа. Когда он вернулся, я спустился вниз. Отец сидел в кухне

и смотрел в окно, которое выходит в сад, и из него видно пруд, забор из рифленого железа и верхушку башни церкви на Манстед-стрит, которая похожа на маленький з*а*мок, потому что она норманнского периода.

Отец сказал:

— Я боюсь, что вы с матерью не сможете видеться какое-то время.

Он не смотрел на меня, когда это говорил, а сидел обернувшись к окну.

Обычно люди смотрят на тебя, когда они с тобой разговаривают. Я знаю, что они в этот момент пытаются понять, что я думаю, но я не могу понять, что думают они. Это как будто ты находишься в комнате с односторонним зеркалом, как в шпионских фильмах. И мне было приятно, что отец разговаривал, не глядя на меня.

Я сказал:

— Почему?

Он очень долго молчал, а потом ответил:

— Твоей матери пришлось лечь в больницу.

— Мы можем ее навестить? — спросил я, потому что я люблю больницы: мне нравится тамошняя униформа и машины.

Отец сказал:

— Нет.

Я спросил:

— Почему нет?

А он ответил:

— Ей нужно отдохнуть. Она хочет побыть наедине с собой.

Тогда я спросил:

— Это психиатрическая больница?

И отец ответил:

— Нет. Это обычная больница. У нее проблемы… проблемы с сердцем.

Я сказал:

— Нужно отнести ей еды, — поскольку я знал, что еда в больницах не очень хорошая. (Дэвид из нашей школы однажды лежал в больнице, ему делали операцию на ноге. Ему нужно было удлинить мышцы икры, чтобы лучше ходить. Дэвид терпеть не мог тамошнюю пищу, поэтому его мать каждый день носила ему еду.)

Отец долго молчал, а потом сказал:

— Я отнесу ей чего-нибудь днем, когда ты будешь в школе. Отдам врачам, а они передадут маме, ладно?

Я сказал:

— Но ты не умеешь готовить.

Отец закрыл лицо руками и сказал:

— Кристофер, слушай, я куплю какой-нибудь

готовой еды в «Марке и Спенсере» и отнесу ей. Мама любит такие вещи.

Я сказал, что напишу ей открытку типа «Выздоравливай», потому что так всегда делают для людей, которые лежат в больницах.

Отец сказал, что отнесет ее матери в больницу.

47

На следующий день по пути в школу мы проехали в автобусе мимо четырех красных машин подряд, что означало **хороший день,** — так что я решил не грустить о Веллингтоне.

Мистер Дживонс, школьный психолог, однажды спросил меня, почему четыре красные машины подряд обозначают **хороший день**, а три красные машины обозначают **довольно хороший день**, а пять красных машин обозначают **очень хороший день**. И почему четыре желтые машины в ряд означают **черный день**, то есть такой день, когда я ни с кем не разговариваю, не ем свой ланч и сижу один, читая книги, и не *предпринимаю ничего рискованного*. Он сказал, что считает меня очень логичным человеком, и потому его удивляет, что я мыслю подобным образом. Поскольку это не слишком-то логично.

Я ответил, что люблю, когда вещи находятся в правильном порядке. И один из способов упорядочить вещи — это быть логичным. Особенно если эти вещи — числа или аргументы. Но есть и другая возможность выстроить вещи в правиль-

ном порядке. И вот почему у меня были **хорошие дни** и **черные дни**. Я сказал, что некоторые люди, которые работают в офисе, выходят по утрам из своих домов и видят, что светит солнце, и тогда они чувствуют себя счастливыми. Или видят, что идет дождь, и им делается печально. Но для них нет разницы, какая на улице погода, потому что они работают в офисе и погода никак на них не влияет — ни солнечная, ни дождливая.

Я сказал, что, когда отец встает по утрам, он всегда надевает брюки прежде, чем носки, и в этом нет никакой логики, но он всегда делает именно так, потому что он любит правильный порядок, как и я. Еще, когда отец поднимается по лестнице, он шагает через две ступеньки и всегда начинает правой ноги.

Мистер Дживонс сказал, что я очень умный мальчик.

Но это вовсе не означает, что я умный. Я просто замечаю, как происходят всякие вещи, и с умом это никак не связано. Это просто наблюдательность. А быть умным — это когда ты смотришь, как происходят события, и делаешь выводы. Или понимаешь что-то новое. Например, как расширяется Вселенная или кто совершил преступление. Или же ты составляешь шифр. Например, можно

взять чье-нибудь имя, придать каждой букве порядковый номер по алфавиту (a = 1, b = 2 и т. д.), а потом сложить все эти числа вместе. И тогда можно увидеть, что иногда получаются простые числа, вроде Гилберт Кийт Честертон (271) или Дональд Дак (103).

Мистер Дживонс спросил, верно ли он понимает, что я чувствую себя комфортно, когда вещи располагаются в правильном порядке, и я сказал, что да.

Тогда он спросил меня, может быть, мне не нравится, когда что-то меняется. А я сказал, что вовсе не возражаю, чтобы что-то менялось. Например, если все изменится так, что я сделаюсь космонавтом. Это одно из самых больших изменений, которые я могу себе представить. Сложнее представить только то, что я стал девочкой, и то, что я умер.

Он спросил, хочу ли я стать космонавтом, и я ответил: «Да».

Мистер Дживонс сказал, что стать космонавтом очень трудно, а я ответил, что я знаю. Для этого нужно сперва стать офицером военно-воздушных сил, и подчиняться приказам, и приготовиться к тому, что придется убивать других человеческих существ. А я не готов выполнять чужие приказы.

И еще у меня нет стопроцентного зрения, которое необходимо пилоту. Но я сказал, что можно хотеть чего-то, даже если знаешь, что это вряд ли случится.

Терри, старший брат Френсиса, который учится в нашей школе, сказал, что лучшая работа, на которую я могу рассчитывать, — это собирать тележки в супермаркете или чистить конюшни. И что никто не позволит всяким припадочным водить ракеты, которые стоят миллиарды фунтов. Когда я рассказал все это отцу, он сказал, что Терри просто завидует, потому что я умнее его. На самом деле это не факт, потому что мы не соревновались. Но Терри и правда глупый, так что *quod erat demonstrandum*. Это на латыни, и это значит: *что и требовалось доказать*. То есть: *это утверждение, которое доказано*.

Я не припадочный. Припадочный — это когда у человека бывают конвульсии и спазмы. Френсис — припадочный. Если я и не стану космонавтом, то поступлю в университет и буду изучать математику, или физику, или физико-математические науки (как в высшей школе), потому что я люблю физику и математику и хорошо их знаю. Но Терри в университет не пойдет. Отец говорит, больше похоже на то, что Терри закончит тюрьмой.

У Терри есть татуировка на предплечье в форме сердечка с воткнутым в середину ножом.

Но я сделал отступление, а теперь хочу вернуться к тому факту, что это был **хороший день**.

Поскольку это был **хороший день**, я решил, что попытаюсь выяснить, кто убил Веллингтона, так как **хороший день** — это день для планирования всяких вещей и разных проектов.

Когда я рассказал об этом Шивон, она сказала:

— Что ж, мы сегодня как раз собирались заняться сочинением, так почему бы тебе не описать, как ты нашел Веллингтона и попал в участок.

И вот тогда я начал все это писать.

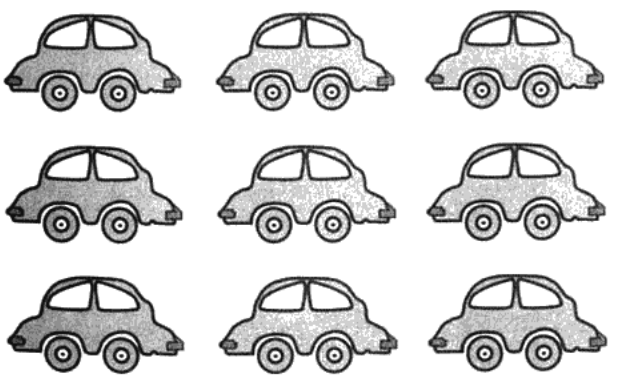
А Шивон сказала, что поможет мне с правописанием, грамматикой и сносками.

53

Мать умерла две недели спустя.

Я не ездил к ней в больницу, но отец покупал много разной еды в «Марке и Спенсере». Он говорил, что она выглядит нормально и, кажется, ей лучше. Еще отец говорил, что она посылает мне поцелуи и поставила мою открытку на столик рядом с кроватью. Открытка ей очень понравилась.

На открытке были машинки. Она выглядела вот так:



Я ее сделал вместе с миссис Питерс, которая преподает у нас в школе рисование. Это был оттиск. Это когда ты рисуешь картинку на куске линолеума, а миссис Питерс вырезает ее по контуру. Потом ты красишь линолеум чернилами и оттискиваешь на бумаге. Вот почему все машинки выглядят одинаково. Я нарисовал одну машинку и оттиснул ее на бумаге 9 раз. Миссис Питерс предложила сделать много машинок, и мне понравилась эта идея. А потом я выкрасил все машинки в красный цвет, и это обозначало **очень-очень хороший день**.

Отец сказал, что она умерла от сердечного приступа, которого никто не предвидел.

Меня это удивило, и потому я спросил:

— От какого сердечного приступа?

Матери было всего 38 лет, а сердечные приступы обычно случаются у старых людей. Мать всегда вела очень активный образ жизни. Она каталась на велосипеде и ела здоровую пищу — то есть такую, где было много клетчатки и мало жира, вроде курицы, овощей или мюсли.

Отец сказал, что не знает, какой именно у нее был сердечный приступ, и что сейчас не время для подобных вопросов.

А я предположил, что у матери была аневриз-

ма.

Сердечный приступ — это когда к некоторым из сердечных мышц перестает поступать кровь и они погибают. Существует два основных типа сердечного приступа. Первый — это эмболия. Такое случается, когда плотный кровяной сгусток закупоривает один из сосудов, подводящих кровь к сердечным мышцам. Этого можно избежать, если постоянно принимать аспирин и есть много рыбы. У эскимосов никогда не будет такого приступа. Они едят много рыбы, а рыба препятствует сгущению крови. Но зато если эскимос сильно порежется, то может изойти кровью до смерти, потому что она будет плохо сворачиваться.

Но аневризма — это другое. Так бывает, когда кровеносный сосуд разрывается и кровь не может дойти до сердца, потому что она вытекает раньше. У некоторых людей бывает аневризма, потому что в каком-то из кровеносных сосудов оказывается слабый участок и он прорывается. Так случилось с миссис Хардисти, которая жила в доме № 72 на нашей улице. У нее был слабый участок в кровеносном сосуде на шее, и она умерла, повернув голову, когда вела машину задним ходом и пыталась понять, поместится ли она на стоянке.

С другой стороны, у матери могла быть и эмболия, потому что кровь начинает сворачиваться гораздо быстрее в том случае, если вы долгое время пребываете в лежачем положении. Например, когда лечитесь в больнице.

Отец сказал:

— Мне очень жаль, Кристофер. Мне действительно жаль.

Но это была не его вина.

Потом пришла миссис Ширз и приготовила нам ужин. На ней были сандалии, джинсы и футболка с надписью **«ВИНДСЁРФИНГ»** и **«КОРФУ»** И еще на футболке была картинка с изображением сёрфера.

Отец сидел, а миссис Ширз стояла около него и прижимала его голову к своей груди. Она говорила:

— Брось, Эд. Все будет хорошо.

Потом она приготовила спагетти с томатным соусом.

А после ужина мы играли с ней в слова, и я выиграл со счетом 247:134.

59

Я решил, что выясню, кто убил Веллингтона, хотя отец велел мне не соваться в чужие дела.

Это потому, что я не всегда делаю то, что мне велят. И потому, что очень часто люди объясняют тебе, что именно нужно делать, но это непонятно и не имеет смысла.

Например, люди говорят: «Не шуми», но неясно, как долго нельзя шуметь. Или же ты видишь табличку, где написано: **«ТОПТАТЬ ТРАВУ ЗАПРЕЩЕНО»**, но следовало бы написать: **«ЗАПРЕЩЕНО ТОПТАТЬ ТРАВУ ВОКРУГ ЭТОЙ ТАБЛИЧКИ»** или: **«ЗАПРЕЩЕНО ТОПТАТЬ ТРАВУ ВО ВСЕМ ПАРКЕ»**, поскольку есть еще много разных мест, где ходить по траве не возбраняется.

Вдобавок люди все время нарушают правила. Например, отец всегда ездит со скоростью больше 30 миль в час в тридцатимильной зоне, а иногда садится за руль, когда выпьет, хотя этого тоже делать нельзя. И часто он не пристегивает ремень безопасности, когда водит машину.

А еще в Библии сказано: «Не убий», но ведь были же крестоносцы, и две мировые войны, и

Война в заливе, и везде действовали христиане, которые убивали людей.

И я не понимаю, что хочет сказать отец, когда велит мне не соваться в чужие дела. Я не понимаю, что он разумеет под чужими делами, поскольку я занимаюсь разными делами вместе с другими людьми — в школе, в магазине, в автобусе, а работа отца — ходить по домам других людей и чинить их сантехнику и нагревательные приборы. И все это — чужие дела.

Шивон меня понимает. Когда она велит чего-то не делать, она четко формулирует, чего именно мне делать нельзя. И меня это устраивает.

Например, она однажды сказала:

— Ты никогда не должен бить Сару, даже если она стукнула тебя первой. Если она опять тебя ударит, отойди от нее, спокойно досчитай от одного до пятидесяти, потом подойди ко мне или к другому учителю и расскажи об этом.

В другой раз она сказала:

— Если ты хочешь покачаться на качелях, а они заняты, никогда не сталкивай с них людей. Ты должен сказать человеку, который на них сидит, что ты хочешь покачаться, а потом дождаться, когда он слезет.

Но когда другие люди велят тебе что-то делать

или не делать, они говорят это по-другому. Так что я сам для себя решил, что я буду делать, а чего не буду.

В тот вечер я подошел к дому миссис Ширз, постучал в дверь и дождался, пока она мне откроет.

Миссис Ширз держала в руках кружку с чаем. На ней были домашние тапки из овчины, и она смотрела по телевизору викторину. Я это понял, потому что телевизор был включен и я слышал голос ведущего:

«Столица Венесуэлы — это… а) Маракас, б) Каракас, в) Богота или же г) Джоржтаун».

И я знал, что ответ — Каракас.

Миссис Ширз сказала:

— Кристофер, по правде говоря, я не уверена, что хочу тебя видеть.

Я сказал:

— Я не убивал Веллингтона.

А она спросила:

— Что ты здесь делаешь?

Я ответил:

— Я решил прийти и сказать, что я не убивал Веллингтона. И еще я хочу выяснить, кто это сделал.

У нее дрогнула рука, и немного чаю из кружки

пролилось на ковер.

Я спросил:

— Вы знаете, кто убил Веллингтона?

Она не ответила на мой вопрос. Вместо этого она сказала:

— До свидания, Кристофер. — И закрыла дверь.

Тогда я решил провести детективное расследование.

Я знал, что миссис Ширз стоит в холле и ждет, когда я уйду. Я видел ее сквозь матовое стекло передней двери. Так что я дошел до калитки и вышел на улицу. Затем я обернулся и увидел, что миссис Ширз ушла из холла. Я убедился, что никто за мной не наблюдает, перелез через стену и пошел через сад, который находится позади ее дома, к сараю, где миссис Ширз хранит садовые инструменты.

Сарай оказался заперт. На двери висел замок, и потому я не мог попасть внутрь. Тогда я его обошел и заглянул в окошечко сбоку. Тут мне повезло. Когда я заглянул в окно, я сразу увидел вилы. Они выглядели точно также, как вилы, которые торчали из Веллингтона. Они лежали на скамье около окна и были вычищены, поскольку на зубьях не оказалось крови. Я заметил еще разные инструменты: лопату, грабли и ножницы с

длинными ручками, которые используют, чтобы подрезать ветки деревьев, растущие слишком высоко. И у них у всех были одинаковые рукоятки из зеленой пластмассы — такие же, как у вил. Это значит, что вилы, убившие Веллингтона, принадлежат миссис Ширз. Или, с другой стороны, это мог быть ложный посыл — то есть нечто, что кажется ключом к разгадке и может заставить сделать неверные выводы. Версия, которая представляется истинной, но на самом деле таковой не является.

Я задумался: может быть, миссис Ширз сама убила Веллингтона? Но если так, то почему она выскочила из дома, крича: «Что ты сделал с собакой?»

Я решил, что миссис Ширз, скорее всего, не убивала Веллингтона. Но кто бы это ни был, он почти наверняка убил его вилами миссис Ширз. А это значит, что у преступника был ключ от сарая миссис Ширз, или же что она оставила сарай незапертым, или что она забыла вилы где-то в саду.

Послышался шорох. Я обернулся и увидел, что миссис Ширз стоит на лужайке и смотрит на меня.

Я сказал:

— Я хотел посмотреть, в сарае ли вилы.

А она ответила:

— Если ты сейчас же не уйдешь, я снова вызову полицию.

Так что я отправился домой.

Войдя в дом, я поздоровался с отцом и покормил крысу Тоби. Я был очень доволен собой, потому что я был детективом и расследовал преступление.

61

Миссис Форбс из нашей школы сказала, что, когда мать умерла, она отправилась в рай. Это потому, что миссис Форбс очень старая. Она носит тренировочные штаны и говорит, что они удобнее, чем обычные брюки. И у нее одна нога немного короче другой, потому что она попала в аварию на мотоцикле.

Но когда мать умерла, она не отправилась в рай, поскольку никакого рая не существует.

Муж миссис Питерс — викарий, и его надо называть «преподобный Питерс». Иногда он приходит в школу и разговаривает с нами, и однажды я спросил его, где находится рай. А он сказал:

— Рай — не в нашей Вселенной. Это всецело иное место.

Преподобный Питерс издает забавный щелкающий звук языком, когда думает. Еще он курит сигареты, и его дыхание пахнет ими, а мне это не нравится.

Я сказал, что вне нашей Вселенной не существует ничего и нет всецело иного места, Разве что такое место существует по ту сторону черной

дыры, но черная дыра — это то, что называется парадокс. Никто не знает, что находится у нее с другой стороны, ведь гравитация черной дыры так велика, что даже электромагнитные волны не могут через нее проникнуть. А электромагнитные волны — это единственный способ получить информацию о вещах, которые располагаются слишком далеко от нас. И если рай находится по другую сторону черной дыры, мертвых нужно запускать в космос на ракетах, а этого не происходит, иначе люди бы заметили.

Я думаю, люди верят в рай, потому что им не нравится идея смерти. Поскольку они хотят продолжать существование и им не нравится, что другие люди въедут в их дома и выкинут их вещи на свалку.

Преподобный Питерс сказал:

— Ну, когда я сказал, что рай находится вне Вселенной, это была фигура речи. На самом деле это означает, что все умершие живут рядом с Богом.

Я спросил:

— Но где находится Бог?

А преподобный Питерс сказал, что мы поговорим об этом в другой раз, когда у него будет побольше времени.

Что на самом деле происходит, когда ты умира-

ешь? Твой мозг перестает работать, и твоя плоть разлагается, как это было с кроликом, когда он умер и мы похоронили его в дальнем углу сада. Его тело сгнило и распалось на мельчайшие частицы. Эти частицы съели черви, а потом их вобрали в себя растения. И если через 10 лет мы придем и раскопаем землю на этом месте, то не найдем ничего, кроме скелета. А через 1000 лет даже скелет исчезнет. Но я не расстраиваюсь, потому что теперь этот кролик станет частью цветов, и яблони, и куста боярышника.

Когда человек умирает, его обыкновенно кладут в гроб, и это означает, что он долгое время не смешается с землей — до тех пор, пока не сгниет дерево гроба.

Но мать была кремирована. Это означает, что ее положили в гроб и сожгли и ее тело превратилось в дым и пепел. Я не знаю, что потом происходит с прахом, и я не мог спросить об этом в крематории, потому что я не ходил на похороны. Но я знаю, что дым вышел из трубы и перемешался с воздухом. Иногда я смотрю в небо и думаю, что там, наверху, есть частицы матери. Они плавают вместе с облаками над Африкой или Антарктикой, или льются с дождем на леса Бразилии, или падают в виде снега где-нибудь еще.

67

Следующий день был суббота, а по субботам особенно нечего делать. Иногда мы с отцом ходим гулять или катаемся на лодке по озеру, но в эту субботу Англия играла с Румынией в футбол, и это значило, что мы не пойдем на прогулку, потому что отец хотел посмотреть матч по телевизору. Так что я решил заняться расследованием.

Я собирался расспросить людей, которые жили на нашей улице, потому что они могли знать, кто убил Веллингтона, или же видели что-нибудь необычное в четверг вечером.

Я не часто общаюсь с незнакомыми людьми. Я не люблю разговаривать с чужими, и вовсе не из-за **опасных незнакомцев**, о которых нам рассказывали в школе. Это когда чужой человек угощает тебя конфетами или предлагает прокатиться на его машине, потому что хочет заняться с тобой сексом. Но об этом я не беспокоюсь. Если незнакомец ко мне прикоснется, я его ударю, а ударить я могу человека очень сильно. Например, однажды я стукнул Сару, потому что она дергала меня за волосы. Она потеряла сознание, и у нее

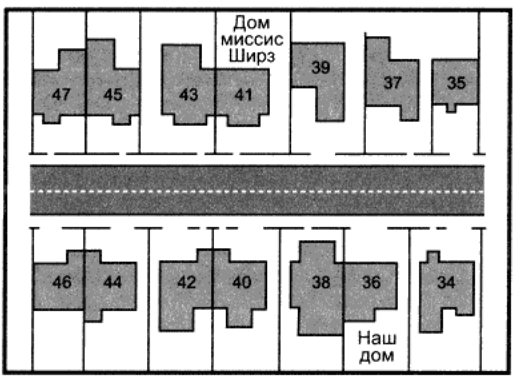
было сотрясение мозга, и ее пришлось отвезти в больницу. И еще я постоянно ношу в кармане свой армейский нож, а там лезвие-пила, которым можно отрезать человеку палец.

Я не разговариваю с незнакомцами, потому что мне не нравятся люди, которых я раньше никогда не встречал. Это как с Францией. Мы ездили туда в отпуск, когда мать была еще жива. И я ненавидел эту Францию, потому что, когда идешь в магазин, или в ресторан, или на пляж, ты не можешь понять, что говорят люди, и это пугает.

Обыкновенно мне нужно очень много времени, чтобы привыкнуть к человеку, которого я раньше не знал. Например, когда в нашей школе появляется новый ученик, я не разговариваю с ним несколько недель. Я просто смотрю на него, пока не убеждаюсь, что он безопасен. Тогда я задаю вопросы — вроде того, есть ли у него домашние животные, какой его любимый цвет и что он знает о космической миссии «Аполлона». Я прошу нарисовать план дома, где он живет, спрашиваю, есть ли у них машина, и если да, то какая. Так я постепенно узнаю его. Тогда я больше не возражаю, чтобы мы находились в одной комнате, и мне уже не обязательно постоянно за ним наблюдать.

Поэтому пообщаться с чужими людьми для меня было смелым решением. Но если ты детектив и ведешь расследование, то приходится совершать смелые поступки. Так что у меня не было выбора.

Прежде всего я нарисовал план нашего отрезка улицы, которая называется Рэндольф-стрит. Вот такой:



Потом я удостоверился, что мой армейский нож лежит в кармане, вышел на улицу и постучал в дверь дома № 40, который находится напротив дома миссис Ширз. Это значит, что там, вернее всего, могли что-то видеть или слышать. Людей,

которые жили в доме № 40, звали Томпсоны.

Мистер Томпсон открыл дверь. На нем была футболка с надписью:

Пиво.

Помогает уродливым людям находить сексуальных партнеров.

Вот уже 2000 лет.

Мистер Томпсон сказал:

— Что угодно?

Я спросил:

— Вы знаете, кто убил Веллингтона?

Я не смотрел ему в лицо. Я не люблю смотреть людям в лицо, особенно если я их не знаю. Несколько секунд мистер Томпсон молчал.

Потом он спросил:

— Ты кто?

Я ответил:

— Я Кристофер Бун из дома № 36, и я вас знаю. Вы мистер Томпсон.

Он сказал:

— Я брат мистера Томпсона.

А я спросил:

— Вы знаете, кто убил Веллингтона?

Он сказал:

— Что еще за хренов Веллингтон?

Я ответил:

— Это собака миссис Ширз из дома № 41.

Он спросил:

— Кто-то убил ее собаку?

Я сказал:

— Вилами.

Он сказал:

— Господи Боже мой!

Я объяснил:

— Садовыми вилами, — на случай, если он не понял. И спросил: — Вы не знаете, кто это сделал?

Он ответил:

— Не имею ни малейшего представления.

А я спросил:

— Вы не видели ничего подозрительного в четверг вечером?

Он сказал:

— Слушай, сынок, ты уверен, что тебе стоит здесь болтаться и задавать подобные вопросы?

Я сказал:

— Да, потому что я хочу выяснить, кто убил Веллингтона, и я пишу об этом книгу.

А он сказал:

— Ну, в четверг я был в Колчестере, так что ты пришел не по адресу.

Я сказал:

— Спасибо, — и ушел.

В доме № 42 мне никто не открыл.

Я видел людей, которые жили в доме № 44, но не знал, как их зовут. Они были чернокожие — мужчина и женщина, и у них было двое детей, мальчик и девочка. Дверь открыла женщина. На ней были ботинки, похожие на армейские, а на запястье пять браслетов из какого-то серебристого металла, и они звенели.

Женщина сказала:

— Ты Кристофер, верно?

Я ответил, что да, и спросил, не знает ли она, кто убил Веллингтона. Леди знала, кто такой Веллингтон, так что мне не пришлось это объяснять, и она слышала, что он погиб.

Я спросил, не видела ли она чего-нибудь подозрительного в четверг вечером — такого, что могло бы дать ключ к разгадке.

Она спросила:

— Чего, например?

И я сказал:

— Например, чужих. Или как кто-нибудь ссорится.

Она сказала, что нет.

Потом я решил сделать то, что называется *перевести разговор в другое русло*, и спросил, не знает ли она кого-нибудь, кто хотел бы огорчить миссис Ширз.

И она сказала:

— Возможно, тебе стоит спросить об этом у своего отца.

А я объяснил, что не могу спросить отца, так как расследование тайное. Потому что отец велел мне не соваться в чужие дела.

Леди сказала:

— Что ж, может, он и прав, Кристофер.

Я спросил:

— Так вы ничего не знаете?

И она сказала:

— Нет. — А потом прибавила: — Будь поосторожнее, юноша.

Я сказал, что буду осторожен, поблагодарил ее за помощь и пошел к дому № 43, который находится рядом с домом миссис Ширз.

В доме № 43 жили мистер Уайз и мать мистера Уайза, которая сидит в инвалидном кресле, почему мистер Уайз и живет с ней. Он ходит в магазин и возит свою мать на прогулки.

Мистер Уайз открыл дверь. От него пахло те-

лом, старыми бисквитами и попкорном — так будешь пахнуть, если долгое время не мыться. Так пахнет Джексон из нашей школы, потому что у него бедная семья.

Я спросил мистера Уайза, не знает ли он, кто убил Веллингтона в четверг ночью.

Он сказал:

— Черт возьми, полицейские становятся все моложе, верно?

Потом он засмеялся. Мне не нравятся люди, которые надо мной смеются, так что я повернулся и пошел оттуда.

Я не стал стучаться в дверь дома № 38, который рядом с нашим домом, потому что люди, которые там живут, принимают наркотики. Отец велел, чтобы я никогда с ними не разговаривал, и я не разговариваю. Они часто включают громкую музыку по ночам, и я пугаюсь, когда вижу кого-нибудь из них на улице. И на самом деле этот дом им не принадлежит.

Потом я заметил старую леди, которая живет в доме № 39, с другой стороны от дома миссис Ширз. Она в саду перед домом подравнивала живую изгородь электрической машиной для стрижки кустов. Я знал, что старую леди зовут миссис Александер и у нее есть собака. Такса. Поэтому

я подумал, что миссис Александер — хороший человек, раз она любит собак. Но собаки с ней во дворе не было. Она осталась в доме.

На миссис Александер были джинсы и кроссовки, хотя старые люди обычно такого не носят. Джинсы — с пятном, а кроссовки — фирмы New Balance, с красными шнурками.

Я подошел к миссис Александер и спросил:

— Вы знаете что-нибудь о смерти Веллингтона?

Она выключила свою машину и ответила:

— Повтори-ка, что ты сказал. Я, видишь ли, немного глуховата.

Я повторил:

— Вы знаете что-нибудь о смерти Веллингтона?

Она ответила:

— Я слышала об этом вчера. Ужасно. Ужасно.

Я спросил:

— Вы знаете, кто его убил?

А она сказала:

— Нет, не знаю.

Я сказал:

— Кто-то должен что-нибудь знать, потому что человек, который убил Веллингтона, знает, что он это сделал. Разве что он сумасшедший и сам

не понял, что произошло. Или у него амнезия.

Она ответила:

— Что ж, я думаю, ты прав.

Я сказал:

— Спасибо вам за помощь в моем расследовании.

А она спросила:

— Ты ведь Кристофер, верно?

Я сказал:

— Да. Я живу в доме № 36.

Она еще спросила:

— Мы ведь раньше не разговаривали, да?

Я сказал:

— Нет. Я не люблю разговаривать с чужими людьми. Но я провожу детективное расследование.

А она сказала:

— Я каждый день тебя вижу, когда ты идешь в школу.

Я на это не ответил.

Тогда она сказала:

— Очень мило с твоей стороны прийти поболтать со мной.

На это я тоже не ответил, поскольку то, что делала миссис Александер, называется беседой. Это когда люди говорят друг другу вещи, которые

не являются вопросами и могут быть никак не связаны друг с другом.

Потом она прибавила:

— Даже если ты проводишь детективное расследование.

И я сказал:

— Еще раз спасибо.

Я уже собирался повернуться и уйти, когда она сказала:

— У меня есть внук твоего возраста.

Тогда я попытался тоже заняться *беседой* и сказал:

— Мне 15 лет, 3 месяца и 3 дня.

А она ответила:

— Ну, почти твоего возраста.

Потом мы некоторое время молчали, пока она не сказала:

— У тебя ведь нет собаки?

И я ответил:

— Нет.

Она сказала:

— Тебе, наверное, хотелось бы иметь собаку?

А я ответил:

— У меня есть крыса.

Она переспросила:

— Крыса?

Я сказал:

— По имени Тоби.

А она сказала:

— О…

Тогда я сказал:

— Большинство людей не любит крыс, поскольку думают, что они разносят заразу — какую-нибудь бубонную чуму. Но это только если они живут в канализации или приходят с кораблей, которые приплывают из разных стран, где есть всякие чужие болезни. На самом деле крысы очень чистоплотные. Тоби всегда умывается. И его не нужно выводить на прогулку. Я просто позволяю ему бегать по моей комнате, и это для него зарядка. А иногда он сидит у меня на плече или прячется ко мне в рукав, как в нору. Но в природе крысы не живут в норах.

Миссис Александер спросила:

— Может, зайдешь на чашечку чаю?

А я сказал:

— Я не захожу в дома к чужим людям.

Тогда она сказала:

— Ну, я могла бы принести что-нибудь сюда. Ты любишь лимонный сок?

Я ответил:

— Я люблю только апельсиновый сок.

И она сказала:

— К счастью, апельсиновый у меня тоже есть. А как насчет баттенберга?

А я ответил:

— Не знаю. Потому что я не знаю, что такое баттенберг.

Миссис Александер сказала:

— Это такое пирожное. В середине у него четыре квадратика — два желтых и два розовых, а вокруг посыпано марципаном.

И я спросил:

— Это длинное пирожное с квадратным поперечным сечением, которое разделено на альтернативно покрашенные квадраты равного размера?

А она ответила:

— Да. Наверное, можно описать его и таким образом.

Я сказал:

— Я думаю, мне понравились бы розовые квадраты, но не желтые, потому что я не люблю желтый цвет. И я не знаю, что такое марципан, поэтому я не знаю, нравится ли он мне.

Она сказала:

— Боюсь, марципан тоже желтого цвета. Может, лучше вместо этого принести печенья? Ты

любишь печенье?

Я сказал:

— Да. Некоторые сорта.

Она сказала:

— Я что-нибудь выберу.

Потом миссис Александер повернулась и ушла в дом. Она двигалась очень медленно, потому что была уже старая. Она оставалась в доме более 6 минут, и я начал нервничать, потому что не знал, что она там делает. Я не мог быть уверен, что она говорила правду насчет апельсинового сока и баттенберга. И я подумал, что она может позвонить в полицию, и тогда у меня будут очень серьезные неприятности, потому что мне уже один раз вынесли предупреждение.

Так что я ушел.

И пока я шел по улице, меня осенило, кто мог убить Веллингтона. Я составил цепь **причинно-следственных связей** у себя в голове, и вот как это выглядело:

1. Зачем убивать собаку?

a) Потому что вы ненавидите эту собаку.

b) Потому что вы сумасшедший.

c) Потому что вы хотели огорчить миссис Ширз.

2. Я не знаю никого, кто ненавидел бы Вел-

лингтона, так что если это **a)**, значит, это сделал кто-то чужой.

3. Я не знаю сумасшедших, так что если это **b)**, то это тоже, скорее всего, кто-то чужой.

4. Большинство преступлений совершаются тем, кто знаком с жертвой. Вас гораздо вернее убьет родственник или знакомый, чем совсем чужой человек. Это факт. И поэтому, скорее всего, Веллингтон был убит кем-то, кто его знал.

5. Таким образом, если это **c)**, то я знаю только одного человека, который не любил миссис Ширз. Это был мистер Ширз, который, несомненно, очень хорошо знал Веллингтона.

Это означало, что мистер Ширз является **основным подозреваемым**.

Мистер Ширз был женат на миссис Ширз, и они жили вместе, но два года назад мистер Ширз уехал и обратно не вернулся. Вот почему после смерти матери миссис Ширз часто приходила к нам и готовила нам еду. Потому что ей не приходилось готовить для мистера Ширза и не нужно было оставаться дома и быть его женой. И еще отец сказал, что ей необходима компания, потому что она не хочет оставаться одна.

А иногда миссис Ширз оставалась у нас на ночь, и мне это нравилось, потому что она мыла по-

суду и расставляла кастрюли и банки на полках в правильном порядке. Она всегда ставила их так, чтобы этикетки были повернуты наружу. И всегда клала ножи, вилки и ложки в соответствующие отделения кухонных ящиков. Правда, она курила сигареты и говорила много непонятных вещей. Например: «Я собираюсь завалиться спать», или: «Там снаружи такой дубняк», или: «Давайте-ка слегка перекусим». И это мне не нравилось, потому что я не понимал, что она имеет в виду.

Я не знаю, почему мистер Ширз покинул миссис Ширз, поскольку никто мне этого не объяснил. Когда вы женитесь, это происходит потому, что вы хотите жить вместе и иметь детей. А если вы обвенчались в церкви, вам пришлось пообещать, что вы останетесь вместе, пока смерть не разлучит вас. Но если вы не хотите жить вместе, вам нужно развестись. Так бывает, если один из вас занимался сексом с кем-то другим или если вы часто ссоритесь, и ненавидите друг друга, и не желаете жить в одном доме и иметь детей. А мистер Ширз не хотел жить в одном доме с миссис Ширз, так что он, возможно, ее ненавидел. Потому он мог вернуться и убить собаку, чтобы заставить ее грустить.

Я решил попытаться узнать как можно больше о мистере Ширзе.

71

Все мои одноклассники в школе глупые. Вообще-то, я не имел в виду, что они дураки, хотя так оно и есть, Я имел в виду, что у них есть проблемы с обучением или особые нужды. Вообще, проблемы с обучением бывают у всех, потому что изучать французский язык или теорию относительности достаточно непросто. И много у кого есть особые нужды. Например, у отца есть маленький пакет таблеток, которые заменяют сахар, и он кладет их в кофе, чтобы не толстеть. А миссис Питерс носит слуховой аппарат телесного цвета. А у Шивон такие толстые очки, что если их надеть и попытаться смотреть через них, то заболит голова. Люди не обязательно неполноценные, если у них есть особые нужды.

Но Шивон сказала, что нам следует употреблять эти слова, потому что таких детей, какие учатся в нашей школе, люди часто называют ущербными, или уродами, или идиотами, а это очень нехорошие слова. Но это тоже не помогает, потому что иногда дети из другой школы, которая находится дальше по дороге, видят нас на улице

и кричат: «Спецшкола! Спецшкола!» Но я никогда не обращаю на них внимания, потому что я не слушаю, что говорят другие. Палки и камни могут переломать тебе кости, а слова — нет. А на тот случай, если кто-то захочет меня ударить, у меня есть армейский нож. И если я убью того, кто будет меня бить, это будет называться самообороной и меня не посадят в тюрьму.

Еще я намереваюсь доказать, что я не глупый. В следующем месяце я собираюсь сдать экзамен на уровень А по математике и получить степень А. Раньше в нашей школе никто не сдавал на уровень А, и наша директриса, миссис Гаскойн, не хочет, чтобы я это делал. Она сказала, что не имеет права позволять нам сдавать такие экзамены. Отец поспорил об этом с миссис Гаскойн, но она была непреклонна. Миссис Гаскойн сказала, что не станет относиться ко мне иначе, чем к остальным детям, поскольку тогда все другие тоже захотят, чтобы к ним относились иначе, так как это будет прецедент. И я смогу получить степень А позже, когда мне исполнится 18 лет.

Когда миссис Гаскойн все это говорила, я сидел у нее в кабинете вместе с отцом. И отец сказал:

— Кристоферу и так хреново, вам не кажется? Без того, чтобы вы поливали его грязью. Боже,

ведь математика — единственное, в чем он действительно хорош.

Тогда миссис Гаскойн ответила, что они с отцом поговорят об этом позже, между собой. Но отец спросил, означает ли это, что она хочет сказать вещи, которые постесняется говорить при мне. Миссис Гаскойн ответила, что нет, и отец сказал:

— Тогда говорите сейчас.

И она объяснила, что, если я сдам на уровень А, школе придется выделить для меня преподавателя, которому придется работать со мной отдельно. А отец сказал, что он заплатит ему дополнительно 50 фунтов — и мы можем заниматься с ним после уроков, и он не желает слышать отказ. Миссис Гаскойн сказала, что ей нужно это обдумать. И на следующей неделе она позвонила отцу и сказала, что я могу сдавать на уровень А и преподобный Питерс будет принимать у меня экзамен.

И когда я сдам экзамен уровня А по математике, я собираюсь сдавать экзамен уровня А по высшей математике и физике. А потом я поступлю в университет. В нашем городе Суиндоне университета нет, потому что он маленький. Так что нам придется переехать в другой город, где есть университет, поскольку я не хочу жить сам по

себе или в общежитии с другими студентами. Но все будет хорошо, потому что отец тоже хочет переехать в другой город. Он иногда говорит всякие вещи, вроде: «Нам нужно выбраться из этого городишки, малыш», или: «Суиндон — это жуткая дыра».

И затем, когда я получу степень по математике или по физике, я сумею найти себе работу и стану получать много денег. Тогда я найду себе кого-нибудь, кто будет обо мне заботиться, готовить еду и стирать одежду. Или же я найду леди, которая выйдет за меня замуж и станет моей женой. Тогда она сможет заботиться обо мне, так что у меня появится компания и я буду не один.

73

Я иногда думаю, что мать и отец могли бы развестись. Это потому, что они часто спорили и ругались друг с другом. Так иногда происходит, когда приходится приглядывать за кем-то, у кого много *поведенческих проблем*, как у меня. У меня много поведенческих проблем, но сейчас уже меньше, чем раньше, поскольку я вырос и могу сам принимать решения и делать разные вещи самостоятельно. Например, я теперь могу один выходить из дому и делать покупки в магазине, который находится в конце улицы.

Вот некоторые из моих поведенческих проблем.

А. Я могу долгое время не разговаривать с людьми.[4]

Б. Я могу долгое время ничего не есть и не пить.[5]

---

[4] Примечания: 4

Однажды я ни с кем не разговаривал 5 недель.

[5] Примечания: 5

Когда мне было 6 лет, мать дала мне детского питания с земляничным вкусом. Оно было налито в мерный стакан, и мы соревновались, чтобы понять, как быстро я смогу выпить четверть литра.

В. Я не люблю, когда ко мне прикасаются.

Г. Я начинаю кричать, когда злюсь или растерян.

Д. Я не могу находиться в небольших помещениях вместе с другими людьми.

Е. Я ломаю вещи, когда злюсь или растерян.

Ё. Я стенаю.

Ж. Я не люблю желтых и коричневых вещей и отказываюсь прикасаться к желтым или коричневым предметам.

З. Я отказываюсь пользоваться своей зубной щеткой, если ее кто-то трогал.

И. Я отказываюсь есть, когда разные виды еды соприкасаются друг с другом.

Й. Я не замечаю, когда другие сердятся на меня.

К. Я не улыбаюсь.

Л. Я говорю такие вещи, которые другие считают грубостью.[6]

---

[6] Примечания: 6

Люди утверждают, что нужно всегда говорить только правду. Но на самом деле это не так, поскольку нельзя, например, говорить старым людям, что они старые. Еще нельзя говорить людям, что от них плохо пахнет, когда кто-то, например, пукнул. И еще нельзя говорить человеку: «Ты мне не нравишься», даже если он кажется тебе просто отвратительным.

М. Я делаю глупости.[7]
Н. Я могу ударить другого человека.
О. Я ненавижу Францию.
П. Я езжу на маминой машине.[8]
Р. Я не разрешаю передвигать мебель.[9]

Иногда, когда я делал что-то из этого, мать и отец очень сердились. Они кричали на меня или кричали друг на друга. Иногда отец говорил:

— Кристофер, если ты не будешь вести себя прилично, я тебя выпорю.

Или мать говорила:

— Кристофер, я думаю, стоило бы засадить тебя дома.

Или же мать говорила:

— Ты меня в могилу сведешь.

---

[7] Примечания: 7

Глупость — это, например, вывалить масло из масленки на кухонный стол и размазать его ножом так, чтобы оно покрыло весь стол равномерным слоем. Или подогревать вещи над газовой плитой, чтобы посмотреть, что с ними будет, — например, мои ботинки, серебряную вилку или сахар.

[8] Примечания: 8

На самом деле это случилось только один раз, когда мать уехала в город на автобусе. Тогда я взял ключи. Но я не умел водить машину, потому что мне было 8 лет и 5 месяцев. Так что я врезался в стену. А теперь этой машины здесь больше нет, поскольку мать умерла.

[9] Примечания: 9

Я не возражаю, если кто-нибудь двигает стол или стулья на кухне, потому что это другое дело. Но меня раздражает, когда передвигают диван и кресла в гостиной или в столовой. Мать однажды это сделала,

когда захотела сменить обстановку. Но я нарисовал план дома, и потому точно знал, что где должно стоять. И потом я передвинул все как было, и мне стало гораздо лучше. А с тех пор как умерла мать, отец больше никогда ничего не двигал. А миссис Ширз однажды попыталась сделать перестановку, но я начал стенать, и она накричала на отца. И больше никто никогда ничего не двигал.

79

Когда я пришел домой, отец сидел на кухне и готовил мне ужин. На нем была клетчатая рубашка. На ужин были бобы, брокколи и два ломтя ветчины, они все лежали в разных тарелках и не соприкасались друг с другом.

Он спросил:

— Где ты был?

И я сказал:

— Гулял.

Это была белая ложь. Белая ложь — она и не ложь вовсе. Это когда вы говорите правду, но не всю. Например, когда тебя спрашивают: «Что ты собираешься сегодня делать?» — ты отвечаешь: «Пойду рисовать к миссис Питерс». Ты не говоришь: «Я позавтракаю, схожу в туалет, порисую с миссис Питерс, после школы приду домой, покормлю Тоби, поужинаю, поиграю в компьютер и лягу спать». И я сказал белую ложь, поскольку знал, что отец не хочет, чтобы я был детективом.

Отец сказал:

— Мне только что звонила миссис Ширз.

Я начал есть бобы, брокколи и ветчину.

Потом отец спросил:

— Какого дьявола ты лазил к ней в сад?

Я ответил:

— Я проводил расследование, чтобы узнать, кто убил Веллингтона.

Отец сказал:

— Сколько раз тебе повторять, Кристофер?

Бобы, брокколи и ветчина были холодными, но я не обращал на это внимания. Я ем очень медленно, и потому моя еда почти всегда успевает остыть.

Отец сказал:

— Я велел тебе не соваться в чужие дела.

Я ответил:

— Я думаю, Веллингтона мог убить мистер Ширз.

Отец промолчал.

А я сказал:

— Он основной подозреваемый. Я думаю, что Веллингтона могли убить для того, чтобы огорчить миссис Ширз. А преступник, как правило, оказывается кем-то из своих…

Тут отец ударил кулаком по столу так сильно, что тарелки, нож и вилка подпрыгнули, а моя ветчина разлетелась в разные стороны, и один ломтик упал на брокколи. Так что я больше не

мог есть ни ветчину, ни брокколи.

Потом он закричал:

— Я не желаю слышать это имя в своем доме!

Я спросил:

— Почему?

А он сказал:

— Потому что этот человек — злой.

Я спросил:

— Разве это не значит, что он мог убить Веллингтона?

Отец схватился руками за голову и сказал:

— Боже ты мой!

Я видел, что отец сердит, и потому сказал:

— Я знаю, что ты велел мне не соваться в чужие дела, но миссис Ширз — не чужая. Она наш друг.

Отец ответил:

— Она нам больше не друг.

А я спросил:

— Почему?

Отец сказал:

— Так, Кристофер, я говорю это в последний раз и больше повторять не стану. Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю, ради всего святого! Смотри на меня! Ты больше не будешь спрашивать миссис Ширз, кто убил ее треклятую собаку. Ты не будешь никого расспрашивать о том, кто

убил эту треклятую собаку. Ты не будешь лазать по чужим садам. И ты прекратишь эту идиотскую игру в детектива.

Я промолчал.

Отец сказал:

— Я собираюсь взять с тебя слово, Кристофер. И ты знаешь, что это означает.

Я знаю, что такое дать слово. Это когда ты обещаешь кому-то, что больше не будешь делать то или это. И потом ты никогда этого не делаешь, поскольку иначе слово будет ложью. Я ответил:

— Знаю.

А отец сказал:

— Дай слово, что ты перестанешь всем этим заниматься. Дай слово, что отныне ты прекратишь свою идиотскую игру. Ну?

И я сказал:

— Даю слово.

83

Я думаю, из меня получился бы очень хороший космонавт.

Для того чтобы стать хорошим космонавтом, нужно быть умным, а я умный. Еще нужно разбираться в том, как работают разные машины, и я разбираюсь. А еще такой человек должен быть готов оставаться один в крошечном помещении в тысячах и тысячах миль от поверхности Земли и не запаниковать, не подвергнуться клаустрофобии, не затосковать по дому и не сойти с ума. А мне очень нравятся по-настоящему маленькие помещения, пока там нет никого, кроме меня. Иногда, когда я хочу побыть один, я залезаю в сушильный шкаф в ванной, забираюсь под котел и закрываю за собой дверь. Я сижу там часами и думаю о разных вещах, и от этого мне делается очень спокойно.

Так что если я стану космонавтом, то полечу на космическом корабле, и там не будет никого, кроме меня. И еще там не будет ничего желтого и коричневого.

Я смогу разговаривать с людьми из Центра

управления полетом, но мы будем общаться при помощи радиосвязи или телевидения, а это совсем не то, что реальные незнакомые люди рядом со мной, а скорее похоже на компьютерную игру.

Еще я не стану тосковать по дому, потому что вокруг будет множество разных вещей, которые мне нравятся, — вроде машин и компьютеров. А за стенами корабля будет безвоздушное пространство. И я буду выглядывать в маленькое окошко корабля и знать, что в тысячах и тысячах миль от меня больше никого нет. Именно это я иногда воображаю летом, когда лежу ночью на траве, поставив ладони по бокам от лица, и смотрю в небо. Тогда мне не видно ни забора, ни дымовой трубы, ни веревки для белья, и я представляю, будто я в космосе.

И все, что я вижу, — это звезды. А звезды — это места, где миллиарды лет назад появились молекулы и зародилась жизнь. Например, все железо, которое содержится у человека в крови и препятствует возникновению малокровия, образовалось на звездах.

И еще мне бы хотелось взять с собой в космос Тоби. Я думаю, что мне даже могли бы это позволить, поскольку животных иногда берут в

космос для разных экспериментов. И если я сумел бы придумать хороший эксперимент, который можно провести в космосе с крысой так, чтобы не навредить ей, то я бы убедил всех позволить мне взять с собой Тоби.

Но если б даже и не позволили, то я бы все равно полетел. Потому что это будет то, что называется воплощение мечты.

89

На следующий день в школе я рассказал Шивон, что отец запретил мне заниматься расследованием, а это означает, что моя книга окончена. Я показал ей страницы, которые уже написал, — с изображением Вселенной, планом улицы и таблицей простых чисел. А Шивон ответила, что это не страшно. Она сказала, что моя книга очень хорошая и я могу ею гордиться. И существуют короткие книги, которые тем не менее хороши. Например, **«Сердце тьмы»** Конрада.

Но я ответил, что моя книга не настоящая, потому что у нее нет окончания, Я ведь так и не выяснил, кто убил Веллингтона, так что преступление осталось нераскрытым.

А Шивон сказала, что у меня всё как в жизни. Потому что в жизни многие преступления остаются нераскрытыми и не всех преступников ловят. Например, Джека Потрошителя.

Но, сказал я, мне не нравится, что преступление не раскрыто. И еще мне не нравится думать, что человек, убивший Веллингтона, возможно, живет где-нибудь поблизости, и не исключено, что я

столкнусь с ним, когда выйду ночью на прогулку. А это вполне возможно, поскольку преступление обычно совершается человеком, который был знаком с жертвой.

И я сказал:

— Отец велел мне больше никогда не упоминать в нашем доме имени мистера Ширза, потому что это злой человек. И я думаю, что он мог убить Веллингтона.

Шивон сказала:

— Может быть, твой отец просто не очень-то жалует мистера Ширза.

А я спросил:

— Почему?

И она сказала:

— Не знаю, Кристофер. Я не могу ответить, потому что ничего не знаю о мистере Ширзе.

Я объяснил:

— Мистер Ширз был женат на миссис Ширз, а потом оставил ее, как бывает, когда люди разводятся. Но я не знаю, действительно ли они разведены.

И Шивон сказала:

— Ну, вы дружите с миссис Ширз, не так ли? Ты и твой отец. Может быть, поэтому твой отец не любит мистера Ширза, раз он бросил миссис

Ширз. То есть сделал что-то плохое по отношению к вашему другу.

А я ответил:

— Отец сказал, что миссис Ширз нам больше не друг.

И Шивон сказала:

— Мне очень жаль, Кристофер. Я бы рада была ответить на все эти вопросы, но я просто-напросто ничего не знаю.

А потом прозвенел звонок к окончанию уроков.

На следующий день по пути в школу я увидел четыре желтые машины, что означало **черный день**, так что я не стал есть свой ланч и весь день просидел в углу комнаты, читая книги по математике для подготовки к экзамену. А на следующий день я опять увидел четыре желтые машины, что означало еще один **черный день**, и я снова ни с кем не разговаривал, а сидел в библиотеке, уткнув голову в угол, и от этого чувствовал себя в безопасности. На третий день держал глаза закрытыми, пока мы не вышли из автобуса. После двух **черных дней** подряд я имел на это право.

97

Но моя книга на этом не заканчивается, потому что пять дней спустя я увидел пять красных машин. Это означало **очень хороший день**, и потому я знал, что должно случиться нечто особенное. В школе ничего особенного не случилось, значит, оно должно было произойти после школы. И по дороге домой я зашел в магазин в конце улицы, чтобы купить лакричных палочек и молочную плитку на свои карманные деньги.

А когда я купил лакричных палочек и молочную плитку, я обернулся и увидел миссис Александер, старую леди из дома № 39, которая тоже была в магазине. На этот раз на ней не было джинсов. Она была в платье, как и положено нормальной старой леди. И от нее пахло едой.

Миссис Александер сказала:

— Что с тобой случилось в прошлый раз?

Я спросил:

— В какой раз?

Она ответила:

— Когда я вышла из дома, тебя уже не было, и мне пришлось съесть все печенье самой.

Я сказал:

— Я ушел.

А она ответила:

— Это я поняла.

Я сказал:

— Я подумал, что вы можете позвонить в полицию.

Она сказала:

— Боже, с какой стати?

А я ответил:

— Потому что я суюсь в дела других людей, а отец сказал, что я не должен выяснять, кто убил Веллингтона. А полисмен сделал мне предупреждение, и если я опять попадусь, то из-за этого предупреждения у меня будут серьезные неприятности.

После этого леди за прилавком спросила миссис Александер:

— Что вам угодно?

И миссис Александер сказала, что ей нужна пинта молока и пакет бисквитного печенья, а я вышел из магазина.

Оказавшись на улице, я увидел таксу миссис Александер. Она сидела на тротуаре, и на нее было надето пальто из клетчатой материи, которая называется «шотландка». Она была привязана

за поводок к водосточной трубе рядом с дверью. Я люблю собак, так что я наклонился и сказал «привет», а она облизала мою руку. У нее был шершавый мокрый язык, и ей понравилось, как пахнут мои брюки, потому что она принялась их обнюхивать.

Потом вышла миссис Александер и сказала:

— Его зовут Айвор.

А я ничего не ответил.

Миссис Александер спросила:

— Ты очень застенчивый, да, Кристофер?

Тогда я сказал:

— Мне не разрешается с вами разговаривать.

А она сказала:

— Не беспокойся. Я не собираюсь сообщать об этом полиции, и твоему отцу тоже. А в том, что два человека беседуют, нет ничего плохого. Беседа значит просто дружеское расположение, верно ведь?

Я ответил:

— Я не умею беседовать.

Тогда она спросила:

— Тебе ведь нравятся компьютеры?

Я сказал:

— Да. Компьютеры мне нравятся. У меня есть дома компьютер, он стоит в спальне.

А она ответила:

— Знаю. Когда я выглядываю в окно, то иногда вижу, как ты сидишь за компьютером у себя в спальне.

Потом она отвязала поводок Айвора от водосточной трубы.

Я не собирался ничего говорить, поскольку не хотел попасть в беду.

Но потом я подумал, что сегодня **очень хороший день**, а ничего особенного еще не случилось. Так что, возможно, разговор с миссис Александер и станет той самой особенной вещью, которая должна произойти. И еще я подумал, что она может рассказать что-нибудь о Веллингтоне или о мистере Ширзе — по собственной инициативе. Если я не стану ее об этом спрашивать, то это не будет считаться нарушением слова.

Так что я сказал:

— Еще я люблю математику и ухаживать за Тоби. А еще мне нравится открытый космос, где я могу быть сам по себе.

И она сказала:

— Могу поспорить, ты очень хорошо знаешь математику, да?

Я ответил:

— В следующем месяце я собираюсь сдать экза-

мены на уровень А по математике.

И миссис Александер сказала:

— Неужели? По математике?

Я ответил:

— Да. Я никогда не лгу.

А она сказала:

— Прошу прощения. Я вовсе ее собиралась обвинять тебя во лжи. Я просто уточняла, верно ли я расслышала. Я, знаешь ли, немного глуховата.

Я ответил:

— Я помню. Вы мне говорили. — А потом я сказал: — Я первый человек в нашей школе, который будет сдавать экзамен на уровень А, потому что это специализированная школа.

И она ответила:

— Да, это впечатляет. Я надеюсь, ты пройдешь уровень А.

А я сказал:

— Пройду.

Затем она сказала:

— И еще я знаю, что твой любимый цвет — не желтый.

А я сказал:

— Нет. И не коричневый. Мой любимый цвет красный. И еще металлический цвет.

Потом Айвор покакал, и миссис Александер

надела на руку пластиковый пакет, собрала все это и завязала пакет узлом. Так она убрала все испражнения, не прикасаясь к ним руками.

А я немного подумал и сделал некоторые выводы. Я решил, что отец велел мне дать слово, которое касалось только пяти вещей.

1. Не упоминать имя мистера Ширза в нашем доме.

2. Не спрашивать миссис Ширз, кто убил эту треклятую собаку.

3. Не спрашивать никого, кто убил эту треклятую собаку.

4. Не лазать в чужие сады.

5. Прекратить эту идиотскую игру в детектива.

И ни одна из этих пяти вещей не означала, что мне нельзя спрашивать о мистере Ширзе. А если ты детектив, то тебе приходится идти на риск. А поскольку сегодня **очень хороший день**, это значит, что можно рискнуть. Поэтому я спросил:

— Вы знаете мистера Ширза? — так, будто это было продолжением беседы.

А миссис Александер ответила:

— В сущности, нет. Я была с ним немного знакома — достаточно для того, чтобы поздороваться и немного поболтать при встрече, но я мало что

о нем знаю. Кажется, он работал в банке National Westminster. В городе.

И я сказал:

— Отец говорит, что он злой человек. Вы не знаете, почему он так говорит? Мистер Ширз злой человек?

А миссис Александер сказала:

— Почему ты спрашиваешь меня о мистере Ширзе, Кристофер?

Я ничего не сказал, потому что я не должен был расследовать убийство Веллингтона, а это была та самая причина, по которой я расспрашивал о мистере Ширзе.

Но миссис Александер спросила:

— Это из-за Веллингтона?

Я кивнул, поскольку это не считается.

Миссис Александер ничего не сказала. Она подошла к маленькой урне рядом с воротами парка и выкинула туда пакет с испражнениями Айвора. Урна была снаружи коричневая, а внутри красная, и от этого у меня в мозгах начало происходить что-то странное. Поэтому я отвернулся и больше не смотрел в ту сторону. А миссис Александер вернулась ко мне.

Она сделала глубокий вдох и сказала:

— Может быть, нам лучше не говорить об этих

вещах, Кристофер?

А я спросил:

— Почему нет?

Она сказала:

— Потому что… — А потом она замолчала и решила начать сначала: — Потому что твой отец, возможно, прав: тебе не стоит задавать подобные вопросы.

А я опять спросил:

— Почему?

Она сказала:

— Потому что его, очевидно, это очень сильно огорчает.

А я спросил:

— Почему его это огорчает?

Миссис Александер опять глубоко вдохнула и сказала:

— Потому что… ну, я думаю, ты знаешь, отчего твой отец не слишком-то любит мистера Ширза.

Тогда я спросил:

— Мистер Ширз убил мою мать?

А миссис Александер сказала:

— Убил?

А я ответил:

— Да. Он убил мою мать?

И миссис Александер сказала:

— Нет-нет. Разумеется, он не убивал твою маму.

Я спросил:

— Может, по его вине у матери случился стресс и она умерла от сердечного приступа?

А миссис Александер сказала:

— Честное слово, я не понимаю, о чем ты говоришь, Кристофер.

Я сказал:

— Или, может быть, мистер Ширз ей навредил так, что она попала в больницу?

Миссис Александер переспросила:

— Она попала в больницу?

Я ответил:

— Да. И сначала казалось, что все это не слишком серьезно, но потом у нее случился сердечный приступ.

Миссис Александер сказала:

— О Господи!

Я сказал:

— И она умерла.

А миссис Александер опять сказала:

— О Господи! Кристофер, пожалуйста, прости меня. Мне и в голову не могло прийти…

Тогда я спросил ее:

— Почему вы сказали, что я должен и сам пони-

мать, за что отец не любит мистера Ширза?

Миссис Александер прижала руку ко рту и сказала:

— О, Боже, Боже, Боже!

Но на мой вопрос не ответила.

Так что я задал тот же самый вопрос еще раз, поскольку в детективных романах, когда кто-то не хочет отвечать на вопрос, это значит, что он пытается сохранить тайну или оградить кого-то от беды. Поэтому ответы на эти вопросы и есть самые важные, и детектив должен надавить на человека, чтобы получить ключ к разгадке.

Но миссис Александер опять не ответила. Вместо этого она задала вопрос мне. Она сказала:

— Так ты не знаешь?

Я спросил:

— Чего я не знаю?

Она ответила:

— Кристофер, возможно, мне не следует тебе этого говорить. — Потом она сказала: — Может быть, нам стоит немного прогуляться по парку. Здесь неподходящее место для подобного разговора.

Я занервничал. Я не был знаком с миссис Александер. Я знал только, что она старушка и любит собак, но, вообще-то, она чужая. И я никогда не

хожу в парк, потому что это опасно, там люди вкалывают себе наркотики за общественным туалетом на углу. Мне хотелось пойти домой, закрыться в своей комнате, покормить Тоби и позаниматься математикой.

Но еще я был возбужден. Я подумал, что миссис Александер собирается раскрыть мне тайну. И эта тайна может касаться убийства Веллингтона или мистера Ширза. И если это произойдет, у меня появятся новые улики против него или же я смогу его *исключить из списка подозреваемых*.

Так что, поскольку сегодня был **очень хороший день**, я решил пойти в парк вместе с миссис Александер, хотя меня это и пугало.

Когда мы оказались в парке, миссис Александер остановилась и сказала:

— Я собираюсь кое-что тебе объяснить, и ты должен пообещать, что не станешь рассказывать об этом отцу.

А я спросил:

— Почему?

И она сказала:

— Мне не следовало говорить того, что я сказала. И если я не объясню, ты будешь задаваться вопросом, что я имела в виду. Ты можешь обратиться к своему отцу, а я не хочу, чтобы ты это

делал, потому что ты очень сильно его расстроишь. Так что я собираюсь объяснить, почему я сказала то, что сказала. Но сначала ты должен пообещать, что никому не будешь об этом говорить.

Я спросил:

— Почему?

А она ответила:

— Кристофер, пожалуйста, просто поверь мне.

И тогда я сказал: «Обещаю», — потому что, если миссис Александер скажет мне, кто убил Веллингтона, или подтвердит, что мистер Ширз действительно убил мать, я могу пойти в полицию и передать все это им. Поскольку разрешается нарушать данное слово, если кто-то совершил преступление и ты знаешь об этом.

Миссис Александер сказала:

— Твоя мама, пока еще не умерла, была очень близким другом мистера Ширза.

Я ответил:

— Я знаю.

А она сказала:

— Кристофер, я не уверена, что ты знаешь все. Я хочу сказать, они были очень близкими друзьями. Очень, очень близкими друзьями.

Я некоторое время подумал об этом и спросил:

— Вы имеете в виду, что они занимались сексом?

И миссис Александер сказала:

— Да, Кристофер. Именно это я имею в виду.

Потом она молчала около 30 секунд.

А потом сказала:

— Мне очень жаль, Кристофер. Честное слово, я не хотела тебя расстраивать. Но я должна была объяснить. Видишь ли, я думала, что ты знаешь. Вот почему твой отец полагает, что мистер Ширз плохой человек. И может быть, именно поэтому он не хочет, чтобы ты ходил и расспрашивал о нем людей. Потому что тогда к нему вернутся печальные воспоминания.

Я спросил:

— И потому мистер Ширз оставил миссис Ширз? Потому что он занимался сексом с кем-то еще, хотя был женат на миссис Ширз?

И миссис Александер ответила:

— Да, я так думаю. — Потом она сказала: — Мне очень жаль, Кристофер. Правда.

А я сказал:

— Я думаю, что теперь мне нужно идти.

Она спросила:

— С тобой все в порядке, Кристофер?

Я сказал:

— Я боюсь оставаться с вами в парке, потому что вы чужая.

А она ответила:

— Я не чужая, Кристофер. Я твой друг.

Я сказал:

— Я теперь пойду домой.

А миссис Александер сказала:

— Если ты захочешь поговорить об этом, ты можешь прийти ко мне в любое время. Просто постучись в мою дверь.

И я сказал:

— Ладно.

А она сказала;

— Кристофер?

Я сказал:

— Что?

Она спросила:

— Ты не расскажешь своему отцу об этом разговоре?

Я ответил:

— Нет. Я обещал.

И она сказала:

— Ты иди домой. И помни, что я сказала. В любое время.

И я пошел домой.

101

Мистер Дживонс полагает, что математика привлекает меня потому, что внушает мне чувство покоя и безопасности, Он считает, что мне нравится математика, поскольку она предполагает решение проблем. Эти проблемы могут быть сложными и запутанными, но в конце всегда есть точный ответ. Это означает, что математика непохожа на жизнь, поскольку в жизни не обязательно есть четкий ответ в конце. Я знаю, что он имел в виду именно это, потому что он сам так сказал.

Это потому, что мистер Дживонс не разбирается в числах.

Есть одна известная история, которая называется **«Загадка Монти Холла»**. И я включил ее в эту книгу, поскольку она хорошо иллюстрирует то, что я имею в виду.

В Америке издается журнал **«Парад»**, и в нем есть раздел под названием **«Спросите Мэрилин»**. Этот раздел пишет Мэрилин вос Савант. В журнале сказано, что она имеет высочайший уровень интеллекта в мире и даже занесена в **Книгу**

рекордов Гиннесса. В этом разделе Мэрилин отвечает на вопросы, присланные читателями. И в сентябре 1990 года некий мистер Крейг Ф. Уайтейкер из Колумбии, штат Мэриленд, прислал вот такой вопрос (это не точная цитата, а просто пересказ, потому что я передал все своими словами для облегчения понимания):

> *«Вы участвуете в телевикторине, и у вас есть шанс выиграть машину. Ведущий показывает три двери. Он говорит, что за одной находится машина, а за двумя другими — две козы. Он просит вас выбрать одну из дверей. Вы выбираете дверь, но она пока что остается закрытой. Ведущий открывает одну из тех двух дверей, которые вы не выбрали, и демонстрирует вам козу (сам он знает, что скрывается за каждой из дверей). Затем он говорит, что у вас есть один, последний шанс передумать, прежде чем откроется дверь, и вы получите машину или козу. И он спрашивает, не хотите ли вы переменить решение и выбрать другую дверь. Что вы станете делать?»*

Мэрилин вос Савант ответила, что нужно пе-

ременить решение и выбрать последнюю дверь, поскольку шанс того, что именно за ней будет машина, равен 2 к 3.

Если вы воспользуетесь интуицией, то решите, что шансы 50:50, и придете к выводу, что машина может оказаться за любой из двух дверей.

Очень много людей написали в журнал специально для того, чтобы сказать Мэрилин вос Савант, что она неправа. Таких писем было 92 %, и многие из них написаны математиками и другими разными учеными. Вот примеры того, что в них говорилось.

> *«Я крайне удручен тем фактом, что общественность столь слабо разбирается в математике. Пожалуйста, признайте, что вы неправы.*
>
> ***Роберт Сачс, д-р философии, университет Джорджа Мэйсона»***

> *«Математическая неграмотность просто поражает. И это называется высочайшим уровнем интеллекта. Стыдитесь!*

Скотт Смит, д-р философии, университет Флориды»

«По крайней мере, три математика указали вам на ошибку. Но вы продолжаете настаивать на своем.

Кент Форд, Государственный университет Дикинсона»

«Могу поспорить, что вы получили множество писем от профессоров и студентов колледжей и высших школ. Рекомендую вам сохранить хотя бы несколько адресов, дабы впоследствии иметь возможность консультироваться с этими людьми.

У. Роберт Смит, д-р философии. Государственный университет Джорджии»

«Вы категорически неправы… Сколько же нужно разгневанных математиков, чтобы вы переменили мнение?

Е. Рэй Бобо, д-р философии, университет Джорджтауна»

«Если окажется, что все эти доктора наук были неправы, я сочту, что страна находится в серьезной опасности.

Эверетт Харман, д-р философии. Исследовательский институт Вооруженных сил США»

Но Мэрилин вос Савант была права, и существует 2 способа это доказать.

Во-первых, это можно сделать при помощи математики. Вот таким образом:

Назовем двери X, Y и Z.

Пусть C_x будет обозначением того факта, что машина находится за дверью X, — и так далее.

Пусть H_x будет обозначением того факта, что ведущий открывает дверь X, — и так далее.

Предположим, что вы выбрали дверь X; ве-

роятность того, что вы выиграете машину, если вы перемените свое решение, выражена в следующей формуле:

$P(H_Z \wedge C_Y) + P(H_Y \wedge C_Z) = P(C_Y). P(H_Z | C_Y) + P(C_Z). P(H_Y | C_Z) = (1/3.1) + (1/3.1) = 2/3.$

Второй путь — это проиллюстрировать возможные исходы такой вот таблицей:

Таким образом, если вы меняете решение, у вас два шанса из трех получить машину. Если же вы настаиваете на первоначальном решении, то у вас один шанс из трех.

И это показывает, что интуиция иногда может быть ошибочной. Интуиция — это то, что люди используют в жизни, чтобы принимать решения. Но найти правильный ответ помогает логика.

И еще это доказывает, что мистер Дживонс был неправ: числа иногда оказываются очень сложными и вовсе не точными. Вот почему мне нравится **«Загадка Монти Холла»**.

103

Когда я вернулся домой, там был Родри. Родри — это человек, который работает на отца, помогает ему чинить приборы и сантехнику. Иногда он приходит к нам по вечерам, чтобы выпить с отцом пива, посмотреть телевизор и побеседовать.

Родри носит белые рабочие брюки, которые все покрыты грязными пятнами, и золотое кольцо на среднем пальце левой руки. От него пахнет чем-то, что я не знаю, как называется. От отца всегда пахнет так же, когда он приходит с работы.

Я положил свои лакричные палочки и молочную плитку в специальную коробку для еды, которая стоит на полке и которую отцу не разрешается трогать, потому что это мое.

Потом отец спросил:

— И где же это ты гулял, юноша?

Я сказал:

— Зашел в магазин за лакричными палочками и молочной плиткой.

А он ответил:

— Что-то ты долго ходил.

Я сказал:

— Я разговаривал с собакой миссис Александер у магазина. Я погладил ее, и она стала нюхать мои брюки.

И это была еще одна белая ложь.

Потом Родри сказал:

— Боже, ты скоро получишь третью степень, да?

Но я не знаю, что такое *третья степень*.

А потом он спросил:

— Как дела, капитан?

И я сказал:

— Хорошо, спасибо. — Потому что так нужно отвечать в подобных случаях.

А он спросил:

— Сколько будет, если 251 умножить на 864?

Я немного подумал и сказал:

— 216 864, — потому что это очень просто: нужно умножить **864** на **1000**, что равно **864 000**; потом ты делишь это на **4,** что равно **216 000**, и это будет то же самое, что **250** умножить на **864**; потом ты просто прибавляешь **864**, чтобы получить **251**, умноженное на **864**, — получается **216 864**. — И я спросил: — Правильно?

А Родри сказал:

— Понятия не имею, — и начал смеяться.

Мне не нравится, когда Родри надо мной сме-

ется, а смеется он часто. Отец говорит, что это обозначает дружелюбие.

Потом отец сказал:

— Я положу в духовку «Алу Гоби», ладно?

Я люблю индийскую еду, потому что у нее острый вкус. Но «Алу Гоби» — желтого цвета, поэтому, прежде чем его есть, я кладу туда красный пищевой краситель. Он хранится в пластиковой бутылочке в моей специальной коробке.

И я ответил:

— Ладно.

А Родри сказал:

— Это похоже на сварку, да?

Но это он сказал отцу, а не мне.

А отец ответил:

— Ну, эти монтажные платы выглядели так, как будто они сохранились со времен Великого потопа.

А Родри спросил:

— Ты им скажешь?

Отец ответил:

— Зачем?

А Родри сказал:

— Это займет целый день.

Отец ответил:

— Не стоит будить спящую собаку, я так по-

лагаю.

А потом я вышел в сад.

Шивон сказала, что, когда пишешь книгу, нужно вставлять в текст описания всяких вещей. Я ответил, что я могу взять фотографии и поместить их в книгу. Но она сказала: идея книги в том, чтобы описывать вещи, используя слова так, чтобы люди могли их читать и составлять картинки у себя в голове.

Еще она сказала, что лучше всего описывать разнообразные интересные вещи.

И еще она сказала, что я должен описывать людей, упоминая одну или две детали, которые их касаются, чтобы читатели могли их представить. Вот почему я написал о ботинках мистера Дживонса — с дырочками; и написал, что полисмен выглядел, как будто у него было две мышки в ноздрях; и описал, чем пахнет Родри, хотя я не знаю, как это называется.

Так что я решил сделать описание сада. Но сад был не очень интересный и не особенно разнообразный. Это был просто сад с травой, сараем и натянутой бельевой веревкой, зато небо было интересным и разнообразным. Обычно небо выглядит скучно, поскольку оно все голубое, или серое, или покрыто облаками. И если глядишь

на него, то не создается впечатления, что оно находится в сотнях миль у тебя над головой. Оно выглядит так, будто кто-то нарисовал его на большой плоской крыше. Но сегодня на небе было много облаков разных типов и разного размера.

Там были большие облака, которые висели прямо над головой и казались просто огромными. А немного подальше — много маленьких белых облаков, похожих на рыбью чешую или на песчаные дюны, которые имеют очень правильную форму. Еще дальше, на западе, было несколько больших облаков, слегка подкрашенных оранжевым, потому что приближался вечер и солнце начинало садиться.

А еще, ближе всего к земле, висело гигантское облако серого цвета, потому что это была туча. Она была неправильной формы и выглядела вот так:

И после того как я смотрел на него очень долго, стало ясно, что оно движется, только очень медленно. Оно было похоже на космический корабль длиной в сотни километров, как в фильмах **«Дюна»**, или **«Блэйкс-7»**, или **«Близкие контакты третьей степени»**, но только не из твердого материала, а из капель конденсированных водяных паров, из которых состоят все облака.

И это мог быть инопланетный космический корабль.

Люди думают, что корабль инопланетян должен быть твердым, сделанным из металла, у него должны быть огни со всех сторон и он должен медленно двигаться по небу. Это потому, что

люди сделали бы большой космический корабль именно таким, если бы сумели его построить. Но инопланетяне, если они существуют, могут очень сильно отличаться от нас. Они могут выглядеть как большие куски желе или быть плоскими, как отражения. Или они могут быть больше, чем планеты. Или они могут вообще не иметь тел. Они могут быть просто информацией, как та, что находится в компьютере. И корабли их могут выглядеть как облака или могут быть сделаны из не связанных друг с другом объектов, вроде пыли или листьев.

Потом я прислушался к звукам, и до меня донеслось пение птицы, и я услышал шум движущихся машин, который был похож на морской прибой, и еще я слышал, что где-то играет музыка и кричат дети. А среди всех этих шумов, если слушать очень внимательно и стоять совсем не двигаясь, можно было различить очень тихий звон в ушах и звук дыхания, когда воздух проходит через нос.

Потом я вдохнул воздух, чтобы выяснить, на что похож запах сада. Но я ничего не учуял. И это тоже было интересно.

Потом я вернулся в дом и покормил Тоби.

107

«Собака Баскервилей» — моя любимая книга.

В «Собаке Баскервилей» к Шерлоку Холмсу и доктору Ватсону приходит Джеймс Мортимер, доктор, который живет в Девоне. Друг Джеймса Мортимера сэр Чарльз Баскервиль умер от сердечного приступа, и Джеймс Мортимер полагает, что кто-то напугал его до смерти. Еще у Джеймса Мортимера есть древняя рукопись, в которой описано проклятие рода Баскервилей.

В этой рукописи сказано, что у сэра Чарльза Баскервиля был предок по имени сэр Хьюго Баскервиль, который был буйным, грубым и безбожным человеком. И он захотел заняться сексом с дочерью фермера, но она убежала, и Хьюго погнался за ней через болота. А его друзья, которые были беспутными гуляками, поскакали следом за ним.

И когда они их нашли, дочь фермера была мертва от истощения и усталости. И они увидели огромного черного зверя, который был похож на пса, но превосходил размерами любую собаку, какую когда-либо доводилось видеть смертным.

И эта собака перегрызла горло Хьюго Баскервилю. И один из его друзей в ту же ночь умер от страха, а остальные двое были разбиты параличом до конца своих дней.

Джеймс Мортимер полагает, что собака Баскервилей могла до смерти напугать сэра Чарльза, и он беспокоится, что его сын и наследник сэр Генри Баскервиль окажется в опасности, если поселится в девонском поместье.

Так что Шерлок Холмс отправляет доктора Ватсона в Девон, к сэру Генри Баскервилю и Джеймсу Мортимеру. И доктор Ватсон пытается понять, кто мог убить сэра Чарльза Баскервиля. А Шерлок Холмс говорит, что он останется в Лондоне, но потом тайно приедет в Девон и будет вести расследование сам.

И Шерлок Холмс выясняет, что сэра Чарльза убил его сосед по имени Стэплтон, который коллекционирует бабочек и является дальним родственником Баскервилей. Стэплтон беден, и поэтому он пытается убить сэра Генри Баскервиля, чтобы унаследовать поместье.

С этой целью он привез из Лондона огромную собаку и покрыл ее фосфором, чтобы она светилась в темноте. Это и была та самая собака, которая до смерти напугала сэра Чарльза Бас-

кервиля. В конце Шерлок Холмс, доктор Ватсон и Лестрейд из Скотленд-Ярда отыскали преступника. Шерлок Холмс и доктор Ватсон застрелили собаку, и это плохо, потому что собака ни в чем не была виновата. А Стэплтон сбежал в Гримпенскую трясину и погиб, потому что его засосало болото.

В истории есть некоторые куски, которые мне не нравятся. Один — это древняя рукопись, которую очень трудно понять, потому что она написана старым языком. Вот, например:

> *Так предайте же забвению плоды прошлого, но остерегайтесь грешить в будущем, дабы снова нам всем на погибель не даровать свободу темным страстям, причинившим столько зла всему нашему роду.*

А иногда сэр Артур Конан Дойль (автор книги) описывает людей вот таким образом:

> *Было в этом лице что-то неуловимо отталкивающее: какая-то грубость выражения, тяжелый взгляд и скорбный изгиб губ, который портил их совершенную красоту.*

Я не знаю, что значит *тяжелый взгляд*, и я не интересуюсь лицами.

Но иногда бывает интересно понять, что обозначают слова, и можно выяснить это, посмотрев в словаре, — например, «утопать» (что значит «глубоко погружаться в воду») или «дольмены» (что значит «гробницы каменного века»).

Мне нравится «Собака Баскервилей», поскольку это детективная история. Это значит, что в ней есть ключи к разгадке и ложные посылы.

Вот некоторые из ключей.

1. У сэра Генри Баскервиля пропала пара ботинок, когда он останавливался в лондонском отеле. Это значит, что кто-то хотел дать собаке Баскервилей понюхать их, чтобы она могла преследовать сэра Генри. И поэтому можно понять, что собака Баскервилей не сверхъестественное существо, а обыкновенное животное.

2. Стэплтон — единственный человек, который знает, как пробраться через Гримпенскую трясину, и он предлагает Ватсону держаться от нее подальше ради его же собственной безопасности. Это значит, что он прячет что-то в центре Гримпенской трясины и не желает, чтобы кто-нибудь это обнаружил.

3. Миссис Стэплтон велит доктору Ватсону немедленно возвращаться в Лондон. Это потому, что она приняла доктора Ватсона за сэра Генри Баскервиля, а она знает, что ее муж хочет убить сэра Генри.

А вот примеры ложных посылов.

1. В Лондоне Шерлока Холмса и Ватсона преследует незнакомец в карете, и у этого человека черная борода. Вы можете решить, что это Бэрримор, дворецкий из поместья Баскервилей, поскольку он единственный в этой истории человек, у которого есть черная борода. Но на самом деле этот человек Стэплтон, который прицепил фальшивую бороду.

2. Селден, совершивший убийство в Ноттинг-Хилле, — человек, который бежал из тюрьмы и теперь прячется на болотах. Вы думаете, что он должен как-то повлиять на историю, поскольку он преступник, но он вообще не имеет никакого отношения к событиям.

3. Человек на вершине холма. Это силуэт человека, которого доктор Ватсон увидел ночью на болотах и не узнал. Вы думаете, что Ватсон увидел преступника, но на самом деле это Шерлок

Холмс, который тайно приехал в Девон.

И еще я люблю **«Собаку Баскервилей»**, потому что мне нравится Шерлок Холмс. Я думаю, он именно такой детектив, каким я собираюсь стать. Он очень умный. Он расследует преступление и говорит:

> *«Мир полон очевидных вещей, которые никто никогда не замечает».*

Но сам он их замечает, как и я. И в книге сказано:

> *Шерлок Холмс обладал умением силой воли концентрировать свой разум на поставленной задаче.*

И это тоже как у меня, потому что если я действительно чем-то заинтересован, например занимаюсь математикой или читаю книгу о миссии «Аполлона» или о больших белых акулах, то больше я ничего не замечаю. Отец может звать меня ужинать, но я не слышу его. Вот почему я очень хорошо играю в шахматы. Я контролирую свой разум, концентрируюсь на доске, а человек, с которым я играю, через некоторое время пере-

стает сосредотачиваться и чешет нос или смотрит в окно. И допускает ошибки, а я выигрываю.

Еще доктор Ватсон говорит о Шерлоке Холмсе:

> *«…Его мозг… был занят попытками создать некую схему, в которую укладывались бы все странные и кажущиеся несвязанными детали».*

Именно это я пытаюсь сделать, когда пишу свою книгу.

Еще Шерлок Холмс не верит в сверхъестественное, то есть в Бога, в сказки, в адскую собаку и в проклятия; и действительно, все это глупости.

И я собираюсь закончить эту главу двумя интересными фактами о Шерлоке Холмсе.

1. В книгах о Шерлоке Холмсе нигде не написано, что Шерлок Холмс носил войлочную охотничью шляпу, которая всегда надета на нем в мультфильмах или на картинках. Охотничью шляпу присочинил человек по имени Сидни Пейджет, который иллюстрировал книгу.

2. В книге Шерлок Холмс никогда не произносит фразу: «Элементарно, Ватсон». Он говорит это только в кинофильмах.

109

В эту ночь я написал еще несколько страниц моей книги и на следующий день взял книгу в школу, чтобы Шивон могла прочитать ее и сказать, нет ли у меня ошибок в правописании и грамматике.

Шивон читала книгу во время утренней перемены, когда она взяла чашку кофе и села на краю игровой площадки вместе с другими учителями. После утренней перемены она подошла ко мне и сказала, что прочла о моем разговоре с миссис Александер. И спросила:

— Ты рассказывал об этом отцу?

И я ответил:

— Нет.

Тогда она спросила:

— А ты собираешься рассказать об этом отцу?

И я ответил:

— Нет.

Она сказала:

— Хорошо. Я думаю, это будет правильно, Кристофер.

А потом она сказала:

— Ты огорчился, когда узнал об этом?

Я спросил:

— Узнал о чем?

Шивон сказала:

— Тебя расстроило то, что у твоей мамы и мистера Ширза были такие дела?

И я сказал:

— Нет.

Она спросила:

— Ты говоришь правду, Кристофер?

Я сказал:

— Я всегда говорю правду.

А Шивон сказала:

— Я знаю, Кристофер. Просто иногда мы огорчаемся, но не хотим рассказывать другим людям, что нам из-за них грустно. Мы предпочитаем держать это в тайне. А иногда мы грустим, но сами этого не осознаем. Поэтому и говорим, что нам не грустно, хотя на самом деле это не так.

И я ответил:

— Я не грущу.

А она сказала:

— Если ты почувствуешь, что тебе грустно, ты можешь прийти и поговорить об этом со мной, поскольку я думаю, что в этом случае тебе будет не так грустно. Или если тебе просто захочется

поговорить со мной, это тоже будет правильно. Понимаешь?

И я сказал:

— Понимаю.

И она сказала:

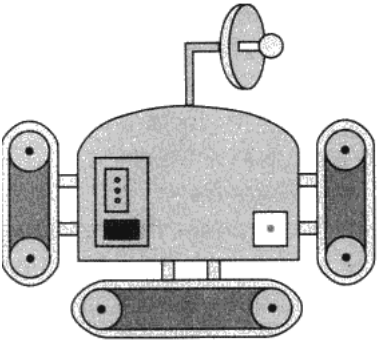
— Хорошо.

Я ответил:

— Но я не огорчаюсь из-за всего этого. Потому что мама умерла. И потому что мистера Ширза здесь больше нет. Так что я грустил бы о вещах, которые нереальны и которых не существует на самом деле. И это было бы глупо.

А потом я занимался математикой весь остаток утра, и во время ланча не стал есть пирог с заварным кремом, потому что он желтый. Зато я съел морковку, и горох, и много кетчупа. А напоследок я съел немного ежевики и яблочного пюре, но не кусочки яблока, поскольку они тоже желтые, так что я попросил миссис Дэвис вытащить кусочки яблока, прежде чем она положила мне все это. Если различные сорта еды соприкасаются до того, как попадают в тарелку, то это не имеет значения.

Потом, после ланча, я занимался рисованием с миссис Питерс и нарисовал несколько картинок с инопланетянами, которые выглядели вот так:



113

Моя память похожа на фильм. Вот почему я очень хорошо помню всякие вещи вроде содержания бесед, которые я записал в этой книге, и помню, как люди одеты и чем они пахнут, потому что моя память может записывать запахи так же, как и звуки.

И когда люди просят меня что-нибудь припомнить, я просто нажимаю **перемотку назад** и **перемотку вперед** и **паузу**, как на видеомагнитофоне. Но больше это похоже на DVD, потому что мне не нужно перематывать все подряд, чтобы вспомнить давние события. И конечно же, там нет кнопок, потому что все это происходит у меня в голове.

Если кто-то спросит меня: «Кристофер, как выглядела твоя мама?» — я могу вспомнить много разных эпизодов и ответить, как она выглядела в каждом из них.

Например, я могу перемотать свою память к 4 июля 1992 года, когда мне было 9 лет. Это была суббота, и мы поехали на праздник в Корнуолл. И в полдень мы были на пляже в местечке, которое

называется Полперро. Мать была одета в шорты из хлопчатобумажной ткани и голубой верх от бикини. Она курила сигареты, которые назывались «Консулэйт», с мятным вкусом. Сначала она не купалась. Она загорала на полотенце в красную и фиолетовую полоску и читала книгу Джоржетт Хейер, которая называлась **«Опасный маскарад».** Потом она закончила читать, и пошла купаться, и сказала: «Черт, какая холодная вода!» А еще она сказала, что я тоже могу искупаться, но мне не нравится купаться, потому что я не люблю снимать одежду. И она сказала, что я могу просто закатать штаны и походить немного по воде, что я и сделал. И я стоял в воде. А мать сказала: «Смотри, как красиво». А потом она прыгнула и скрылась под водой, а я подумал, что ее съела акула, и заплакал. Мать вынырнула из воды и подошла ко мне. Она подняла правую руку, растопырив пальцы, и сказала: «Ну, Кристофер, прикоснись к моей руке. Давай. Не плачь. Ну давай, Кристофер!» И я перестал плакать, поднял левую руку, растопырил пальцы, и мы соприкоснулись подушечками. Мать сказала: «Все в порядке, Кристофер. В Корнуолле акулы не водятся». И мне стало гораздо лучше.

Я не помню никаких событий, произошедших

прежде, чем мне исполнилось 4, потому что до этого я не воспринимал вещи такими, какие они есть на самом деле, и не записывал их как нужно.

И вот как я могу определить человека, если не знаю, кто он. Я смотрю, что на нем надето; может быть, он носит с собой трость, или у него какие-то необычные волосы или особые очки, или же он делает определенные жесты. Потом я произвожу поиск у себя в памяти и выясняю, встречал ли я его раньше.

И еще это помогает мне понять, как действовать в сложных ситуациях, когда я не знаю, что делать.

Например, если люди говорят вещи, которые не имеют смысла, вроде: **«Всего тебе хорошего, принцесса на горошине»**, или: **«Ты меня в могилу загонишь»**, — я включаю **«Поиск»** и выясняю, слышал ли я раньше что-нибудь подобное.

Если я вижу, что кто-то в школе лежит на полу, я произвожу **поиск** в памяти и нахожу картинки учеников, которые больны эпилепсией, и потом сравниваю картинку с тем, что происходит у меня перед глазами. Тогда я могу решить, лежат ли они просто потому, что это такая игра, или они спят, или же у них эпилептический припадок. И если

это припадок, то я отодвигаю в стороны мебель, чтобы он не ударился, снимаю свитер, подкладываю ему под голову и иду искать учителя.

У других людей тоже возникают в голове картинки, но не такие, как у меня. Потому что все картинки у меня в голове — это образы вещей, которые действительно случились. А у других могут возникать картины, которые на самом деле не настоящие, и ничего подобного никогда не происходило.

Например, мать иногда говорила: «Если бы я не вышла замуж за твоего отца, я поселилась бы в маленьком деревенском домике на юге Франции — с каким-нибудь Жаном. И он был бы — о! — мастер на все руки. Он бы делал для людей дизайн и оформление, занимался садоводством, чинил заборы, — в общем, умел бы все. И у нас была бы веранда, и в саду росли бы подсолнухи и инжир. А неподалеку находился бы маленький городок. И по вечерам мы бы сидели в саду, и пили красное вино, и курили сигареты „Голуаз“, и смотрели бы, как садится солнце».

А Шивон однажды сказала, что когда у нее плохое настроение или она грустит, она закрывает глаза и представляет себя в доме на Кейп-Коде вместе со своей подругой Элли. Они путешеству-

ют на лодке от Провинстауна и выходят на пляж, чтобы посмотреть горбатых китов. И когда она думает об этом, ей становится хорошо и спокойно.

А иногда, когда кто-нибудь умирает, как умерла мать, люди спрашивают: «Что бы ты сказал своей маме, если б она была сейчас здесь?» Или: «Что бы подумала твоя мама?» И это глупо, потому что мать мертва. Умершим людям нельзя ничего сказать, мертвые не могут думать.

И у бабушки тоже есть картинки в голове, но они все сумбурные, как будто бы кто-то перепутал разные фильмы, и она не может сказать, что в каком порядке происходило. Так что она думает, будто умершие люди еще живы, и не понимает, что случилось в реальной жизни, а что показывали по телевизору.

127

Когда я вернулся из школы, отец еще был на работе, так что я отпер наружную дверь, вошел и снял пальто. Потом я прошел на кухню и положил свои вещи на стол. И одной из этих вещей была книга, которую я брал в школу, чтобы показать Шивон. Я сделал себе малиновый молочный коктейль, подогрел его в микроволновой печи и пошел в гостиную, чтобы посмотреть фильм из сериала **«Голубая планета»**. Там рассказывалось о самых глубоких частях океана.

Фильм был о морских животных, которые живут вокруг серных кратеров подводных вулканов, где газы извергаются из земной коры в воду. Ученые никогда не подозревали, что в этом месте могут быть живые организмы, потому что там слишком горячо и много ядовитых веществ, но оказалось, что внутри есть целая экосистема.

Мне нравится этот эпизод, поскольку он демонстрирует, что наука всегда может открыть что-то новое и все факты, которые считались доказанными, могут оказаться совершенно неверными. И еще мне нравится, что все эти кадры были сня-

ты в таком месте, до которого добраться сложнее, чем до вершины Эвереста, хотя оно находится всего несколькими милями ниже уровня моря. И это одно из самых тихих, темных и таинственных мест на Земле. И мне иногда нравится представлять, что я спускаюсь туда в сферическом подводном аппарате с окнами в тридцать сантиметров толщиной, чтобы они не провалились под давлением воды. И я воображаю, что я там совсем один и мой аппарат вообще никак не связан с кораблем, но я могу оперировать его энергией, управлять его моторами и двигаться по морскому дну куда угодно. И меня никогда не найдут.

Отец вернулся домой в 17.48. Я слышал, как он вошел через наружную дверь и прошел в гостиную. На нем была рубашка в зеленую и синюю клетку, и шнурки на одном ботинке были завязаны двойным узлом, а на втором — обыкновенным. Он нес старую рекламу сухих сливок, которая была сделана из металла и раскрашена голубой и белой эмалью. Ее покрывали маленькие кружочки ржавчины, похожие на пулевые отверстия, но отец не объяснил, зачем он это принес.

Он сказал:

— Здорово, дружище, — что было шуткой.

А я сказал:

— Привет! — и продолжал смотреть фильм.

А отец пошел на кухню.

Я забыл, что оставил свою книгу на кухонном столе, потому что слишком увлекся **«Голубой планетой»**. Это то, что называется *ослаблением бдительности*, и этого ни в коем случае нельзя допускать, особенно если ты детектив.

Было 17.57, когда отец вернулся в гостиную. Он сказал:

— Что это?

Отец сказал это очень тихо, и я не знал, сердится ли он, поскольку он не кричал.

Он держал книгу в правой руке.

Я ответил:

— Это книга, которую я пишу.

А он спросил:

— Это правда? Ты говорил с миссис Александер?

Он опять сказал это тихо, так что я по-прежнему не мог понять, сердится ли он.

И я ответил:

— Да.

Тогда он сказал:

— Господи Боже, черт побери! До какой же степени ты глуп!

Это было то, что Шивон называет риторическим вопросом. Там в конце стоит восклицательный знак, потому что человек, который этот вопрос задает, уже знает ответ сам.

Потом отец сказал:

— Что, черт возьми, я тебе велел, Кристофер? — На этот раз он говорил гораздо громче.

И я ответил:

— Не упоминать мистера Ширза в нашем доме. Не спрашивать миссис Ширз и никого, кто убил треклятую собаку. И не лазать в чужие сады. И прекратить эту идиотскую игру в детектива. И я не делал ничего из этих вещей. Я просто спросил миссис Александер о мистере Ширзе, потому что…

Но отец перебил меня и сказал:

— Не вешай мне лапшу на уши. Ты отлично знаешь, что ты, блин, делал. — И он поднял книгу и потряс ею в воздухе. — Что еще я тебе велел, Кристофер?

Я подумал, что это еще один риторический вопрос, но не был уверен. И не мог решить, что ответить, потому что был смущен и испуган.

Отец повторил вопрос:

— Что еще я тебе велел, Кристофер?

Я ответил:

— Не знаю.

А он сказал:

— Давай же, блин, ты, мистер Абсолютная Память.

Но я не мог ни о чем думать.

И отец сказал:

— Я велел тебе не совать свой вонючий нос в чужие дела. А ты что сделал? Ты суешь свой вонючий нос в чужие дела. Ты бродишь повсюду, вынюхиваешь и рассказываешь все это каждому Тому, Дику и Гарри, какого только увидишь. Что мне с тобой делать, Кристофер? Что мне, блин, с тобой сделать?

Я ответил:

— Я просто побеседовал с миссис Александер. Я не проводил расследования.

А он сказал:

— Я прошу тебя сделать для меня одну вещь, Кристофер. Только одну вещь.

Я сказал:

— Я не хотел разговаривать с миссис Александер. Она сама мне…

Но тут отец перебил меня и схватил рукой за плечо. И очень сильно стиснул.

Отец никогда раньше не хватал меня. Мать иногда меня стукала, потому что она была очень

вспыльчивая. Это значит, что она начинала сердиться быстрее, чем другие люди, и чаще кричала. Но отец всегда был более уравновешенным человеком. Это значит, что он не так быстро начинает сердиться и не так часто кричит. И потому, когда он схватил меня, я очень удивился.

Я не люблю, когда люди меня хватают. И я не люблю неожиданностей. Так что я ударил его, как ударил полицейского. Но отец не отпустил руку и начал кричать на меня. И я опять его ударил. А потом я уже больше не понимал, что делаю.

Некоторое время выпало у меня из памяти. Не очень долгое, потому что потом я посмотрел на часы. Это было, как будто бы кто-то выключил меня, а затем опять включил. И когда меня включили, оказалось, что я сижу на полу, прислонившись спиной к стене, и на правой руке у меня кровь, и одна сторона головы болит. А отец стоит на ковре, прямо передо мной, на расстоянии метра, и смотрит на меня. И в правой руке он по-прежнему держит мою книгу, но она согнута пополам, и все уголки листов торчат в разные стороны. На шее у отца царапина, рукав его сине-зеленой рубашки разорван, и отец тяжело дышит.

Через минуту он повернулся и ушел на кухню. Там он открыл заднюю дверь, ведущую в сад,

и вышел наружу. Я слышал, как он поднимает крышку мусорного ящика, кидает туда что-то и потом закрывает крышку. Затем отец снова вошел в кухню, но книги у него уже не было. Он запер заднюю дверь и положил ключ в маленький китайский кувшин, который сделан в форме толстого монаха, а потом встал посреди кухни и закрыл глаза.

Потом он открыл глаза и сказал:

— Блин, мне нужно выпить.

И взял себе банку пива.

131

Есть несколько причин, почему я ненавижу желтый и коричневый цвета.

ЖЕЛТЫЙ

1. Заварной крем.

2. Бананы (потом становятся коричневыми).

3. Желтые разделительные линии.

4. Желтая лихорадка (это такая болезнь в тропической Америке и Западной Африке, которая вызывает лихорадку, острый нефрит, желтуху и кровотечение; она возникает из-за вируса, который переносится особым видом москитов, называемых *Aëdes aegypti*. Вирус называется *Stegotomyia fasciata*; а нефрит — это воспаление почек).

5. Желтые цветы (потому что от цветочной пыльцы у меня бывает сенная лихорадка. Это один из трех видов сенной лихорадки, а два других возникают от травяной пыли и грибковой пыльцы. Я от них болею).

6. Сладкая кукуруза (потому что она не усваивается организмом и выходит вместе с испраж-

нениями. Так что это все равно что есть траву или листья).

КОРИЧНЕВЫЙ

1. Грязь.
2. Мясная подлива.
3. Испражнения.
4. Дерево (потому что раньше люди делали из дерева машины и корабли, а теперь нет, поскольку дерево ломается и гниет, и в нем заводятся черви. Сейчас люди делают машины и корабли из металла и пластика, которые гораздо лучше и современнее).
5. Мелисса Браун[10] (это девочка из нашей школы, и на самом деле она не коричневая, как Анил или Мухаммед, это просто ее фамилия). Она разорвала мою космическую картинку на две половины. Миссис Питерс склеила ее, но картинка все равно была испорчена, так что пришлось ее выбросить.

Миссис Форбс сказала, что ненавидеть желтый и коричневый — просто глупо. А Шивон сказала, что не стоит так говорить, потому что у каждого

---

[10] Примечания: 10
Brown — по-английски «коричневый» *(прим. ред.).*

могут быть любимые и нелюбимые цвета. И Шивон права. Но миссис Форбс тоже отчасти права. Потому что это и правда глупо. Но в своей жизни ты вынужден принимать множество решений, и если ты их не принимаешь, то никогда ничего не сделаешь. Потому что проведешь всю свою жизнь, выбирая между вещами, которые мог бы сделать. Так что нужно иметь объяснение, почему ты любишь одни вещи и ненавидишь другие. Это все равно как обедать в ресторане. Иногда отец берет меня в ресторан, и нужно посмотреть меню и выбрать, что ты будешь есть. Но если ты не пробовал какое-то блюдо прежде, то не можешь сказать, понравится оно тебе или нет. Но у тебя есть любимые блюда, и ты выбираешь их, и есть еда, которая тебе не нравится, и ты ее не заказываешь. И тогда это просто.

137

На следующий день отец попросил прощения за то, что ударил меня, и сказал, что не хотел этого делать. Он велел промыть ссадину на щеке, чтобы туда не попала инфекция, и залепил ее пластырем.

Потом, поскольку была суббота, он сказал, что хочет взять меня на прогулку, потому что хочет загладить свою вину, и мы поедем в зоопарк Твикросс. Так что отец сделал мне сандвичи с белым хлебом и помидорами, с салатом и ветчиной и еще с земляничным джемом, потому что я не ем пищу в тех местах, которых я не знаю. И сказал, чтобы я не беспокоился, потому что в зоопарке будет мало народу, так как собирается дождь. Я был рад, потому что я не люблю больших толп народу, а дождь люблю. Так что я пошел и взял свой непромокаемый плащ оранжевого цвета.

Потом мы поехали в зоопарк Твикросс.

Я никогда раньше не бывал в зоопарке Твикросс, и поэтому у меня не было картинки в голове. Поэтому мы купили путеводитель информационного центра, а потом обошли весь зоопарк, и

я выбирал, какие животные мне больше всего нравятся.

Больше всего мне нравятся:

1. РЭНДИМЕН — это имя черной паукообразной обезьяны *(Ateles paniscus paniscus)*, и это самая старая обезьяна, когда-либо содержавшаяся в неволе. Рэндимену сорок четыре года, столько же, сколько отцу. Раньше он жил у моряков — у него металлический пояс, как в историях про пиратов.

2. ПАТАГОНСКИЕ МОРСКИЕ ЛЬВЫ по имени Миракль и Стар.

3. МАЛИКУ — это орангутанг. Он мне особенно понравился, потому что лежал в чем-то вроде гамака, сделанном из пижамных штанов в зеленую полоску. И на голубой пластиковой табличке около клетки было написано, что он сам соорудил этот гамак.

Потом мы пошли в кафе, и отец взял камбалу, чипсы, яблочный пирог, мороженое и чашку чаю, а я ел свои сандвичи и читал путеводитель по зоопарку.

И отец сказал:

— Я тебя очень люблю, Кристофер. Никогда не забывай этого. Но иногда я выхожу из себя,

начинаю злиться и кричать на тебя. Я понимаю, что не должен этого делать. Но это происходит потому, что я беспокоюсь за тебя и не хочу, чтобы с тобой случилось несчастье. Я не хочу, чтобы кто-нибудь причинил тебе вред. Понимаешь?

Я не знал, понял ли я, и потому ответил:

— Не знаю.

А отец сказал:

— Кристофер, ты понимаешь, что я тебя люблю?

И я сказал:

— Да.

Потому что любить кого-то — это значит помогать ему, когда он попал в беду, заботиться о нем и говорить ему правду. А отец всегда помогал мне, когда я попадал в беду, — вроде того случая в полицейском участке. И всегда заботился обо мне, готовил для меня еду. И всегда говорит мне правду. Значит, он меня любит.

И потом он поднял правую руку и растопырил пальцы, и я поднял левую руку и тоже растопырил пальцы, и мы соприкоснулись подушечками.

Потом я вынул из сумки листок бумаги и нарисовал карту зоопарка, чтобы проверить память. И карта выглядела так:

1[11]
2[12]

---

[11] Примечания: 11
Дикая собака — это индийская собака, которая напоминает лису.

[12] Примечания: 12
Лангур — это длиннохвостая обезьяна.

Потом мы пошли и посмотрели жирафов. И запах их навоза был похож на запах в клетке с морскими свинками в школе, когда у нас были морские свинки. И когда жирафы бегали, было видно, какие у них длинные ноги, и казалось, что они бегут очень медленно и плавно.

Потом отец сказал, что нам нужно ехать домой, чтобы успеть до того, как на дорогах возникнут пробки.

139

Мне нравится Шерлок Холмс, но я не люблю сэра Артура Конан Дойля, автора рассказов о Шерлоке Холмсе. Это потому, что он не был похож на Шерлока Холмса и верил в сверхъестественное. Когда он состарился, он вступил в Спиритуалистическое общество. Это значит, что он думал, будто можно общаться с мертвыми. Это потому, что его сын умер от гриппа по время Первой мировой войны, а он хотел поговорить с ним.

А в 1917 году произошла странная вещь, называемая **история о феях из Коттингли**. Две кузины — Френсис Гриффитс девяти лет и Элси Райт шестнадцати лет — сказали, что они играли с феями возле ручья под названием Копингли-Бек. И воспользовались фотокамерой отца Френсис, чтобы сделать пять снимков фей, вроде вот этого:

Но это были не настоящие феи, а нарисованные на бумаге. Они вырезали эти рисунки и прикололи булавками, потому что Элси очень хорошо умела рисовать.

Гарольд Снеллинг, эксперт по фальсификации фотографий, сказал:

«Эти танцующие фигурки не были сделаны из бумаги или ткани и не были нарисованы на фотографической пластине. И что самое занимательное, эти фигурки двигались во время экспозиции».

Но этот Гарольд Снеллинг был глуп, потому что во время экспозиции можно двигать бумагу. А экспозиция была очень долгой. Это понятно, потому что на фотографии есть маленький водопад, и видно, что он весь расплылся.

Сэр Артур Конан Дойль услышал об этих фотографиях и поверил, что они настоящие, и написал об этом статью в журнале под названием **«Стрэнд»**. Но это тоже было глупо, потому что если посмотреть на картинки, то видно, что человечки выглядят как феи в старых книгах, и у них есть крылья, и платья, и рейтузы, и башмаки. Это как верить в истории о пришельцах, которые прилетели на Землю и выглядят как Далеки из фильма **«Доктор Кто»**, или имперские штурмовики со Звезды Смерти из **«Звездных войн»**, или маленькие зеленые человечки, как в мультфильмах про инопланетян.

А в 1981 году человек по имени Джо Купер взял интервью у Элси Райт и Френсис Гриффитс для статьи в журнале **«Непознанное»**. И Элси Райт сказала, что все пять фотографий были подделкой, а Френсис Гриффитс сказала, что четыре были подделкой, а одна была настоящая. И они сказали, что Элси срисовала фей из книги под названием **«Книга даров принцессы Марии»** Артура Шепперсона.

Это доказывает, что иногда люди сами хотят быть глупыми и не желают знать правды.

И еще это доказывает, что эта штука под названием Бритва Оккама — на самом деле правда.

Бритва Оккама — это не лезвие, которым бреются, а такой закон, и он гласит:

«Enita non sunt multiplicanda praeter necessitatem».

И в переводе с латыни это значит:

«Не следует множить сущности без необходимости».

Что означает: жертву преступления, скорее всего, убил тот, кто был с ней знаком; феи сделаны из бумаги; и невозможно поговорить с человеком, который уже умер.

149

В понедельник, когда я пришел в школу, Шивон спросила, откуда у меня на лице ссадина. Я сказал, что отец рассердился и схватил меня за плечо, и потому я его ударил, и у нас произошла драка. Шивон спросила, ударил ли меня отец, и я сказал, что не знаю, поскольку я очень рассердился и с моей памятью случилось что-то непонятное. И она спросила, может быть, отец ударил меня, потому что тоже очень рассердился. И я сказал, он меня не ударил, только схватил, но он и правда был очень сердит. А Шивон спросила, сильно ли он меня схватил, и я сказал, что сильно. А Шивон спросила: может, я боюсь идти домой? А я сказал, что нет. И тогда она спросила: может, я хочу поговорить об этом? И я сказал, что не хочу. И она сказала: «Ладно», — и больше мы об этом не говорили. Потому что можно схватить человека за руку или за плечо, если ты сердишься. Но никого нельзя хватать за лицо или за волосы. И бить человека — это тоже очень плохо, кроме тех случаев, когда ты уже с кем-то дерешься. Тогда это не так плохо.

Когда я вернулся домой из школы, отец еще был на работе, так что я пошел на кухню и вынул ключ из китайского горшка в виде монаха. Я отпер заднюю дверь, вышел в сад и заглянул в мусорный ящик в поисках своей книги.

Я хотел получить свою книгу обратно, потому что мне нравилось ее писать. Я люблю работать над разными проектами, особенно если это сложные проекты — вроде книги. И еще я до сих пор не узнал, кто же убил Веллингтона, а в свою книгу я записывал все ключи к разгадке, которые обнаружил. И мне не хотелось бы, чтобы все это пропало.

Но в мусорном ящике книги не было.

Я закрыл крышку ящика и пошел в сад, чтобы заглянуть в мусорное ведро, куда отец кидал садовые отходы: скошенную траву и яблоки, которые упали с деревьев. Но там моей книги тоже не было.

Я подумал, может, отец положил книгу в машину, отвез ее на свалку и выбросил в один из тамошних больших мусорных баков. Но мне бы не хотелось, чтобы это было правдой, поскольку это значит, что больше я ее не увижу.

Была еще возможность, что отец спрятал книгу где-то в доме. Так что я решил произвести рас-

следование и выяснить, сумею ли я ее отыскать. Только мне нужно было очень внимательно слушать, чтобы не упустить момент, когда машина отца остановится возле дома. Потому что отец не должен поймать меня за детективной работой.

Я начал оглядывать кухню. Моя книга размером примерно **25 см × 35 см × 1 см**, так что ее нельзя спрятать в очень маленьком месте. Это значит, что в маленьких местах искать не надо. Я заглянул на буфет, и за выдвижные ящики, и под плиту. Чтобы исследовать темное место за буфетом, я воспользовался фонариком и зеркальцем. Там были мышиные норы, и через них мыши могли выходить в сад, чтобы разводить там своих детей.

Потом я обыскал чулан.

Потом я обыскал столовую.

Потом я обыскал гостиную и под диваном нашел давно потерянное колесо от модели «мессершмитта».

Потом мне послышалось, что отец входит в наружную дверь, и я вскочил. Пытаясь встать побыстрее, ударился коленкой об угол кофейного столика. Было очень больно. Но оказалось, что это всего лишь наркоман из соседнего дома уронил что-то на пол.

Тогда я поднялся наверх, но в своей комнате искать не стал, поскольку рассудил, что отец не станет что-то прятать от меня в моей собственной комнате, — разве что он пустился на двойную хитрость, как в настоящих детективах. Так что я решил обыскать свою комнату только в том случае, если не найду книгу нигде больше.

Я осмотрел ванную, но там единственное место, куда можно спрятать книгу, — это сушильный шкаф, а в нем ничего не оказалось.

Из всех комнат дома осталась только спальня отца, но я не знал, искать ли мне там, поскольку отец уже давно запретил мне что-либо трогать у него в комнате. Но если он хотел что-то от меня спрятать, то его спальня — самое лучшее место. Так что я решил, что ничего не нарушу у него в комнате. Я передвину вещи, а потом положу их на место. Тогда отец не узнает, что я сделал, и не рассердится.

Сначала я поискал под кроватью. Там было 7 ботинок, гребень с большим количеством волос между зубьями, кусочек медной трубки, шоколадное печенье, порножурнал под названием «Фиеста», дохлая пчела, галстук-бабочка и деревянная ложка. Но моей книги там не было.

Потом я заглянул в ящики по обе стороны туа-

летного столика. Там был аспирин, маникюрные ножницы, батарейки, зубная нить, ватный тампон и носовой платок. Еще там лежал запасной вставной зуб — на случай, если отец потеряет тот зуб, который ему вставили, когда он выбил настоящий зуб, вешая кормушку в саду и упав со стремянки. Но моей книги не было.

Тогда я посмотрел в платяном шкафу. В нем висело много разной одежды, а сверху была еще полка, куда я мог заглянуть, только встав на кровать. И потому мне пришлось снять ботинки, чтобы не оставить грязных следов, так как это будет уликой, если отец решит провести расследование. Но на полке лежали только порножурналы, сломанный тостер, двенадцать проволочных вешалок и старый мамин фен.

Внизу шкафа был ящик для инструментов, и там лежали всякие инструменты: сверло, кисть, несколько шурупов и молоток. Но все это я мог увидеть и не открывая ящика, потому что он был сделан из прозрачного серого пластика.

Потом я заметил, что под ящиком для инструментов есть еще один ящик. Это был старый ящик от шкафа, который назывался бельевым, потому что некоторые хранят там свои рубашки. И когда я открыл его, я увидел там свою книгу.

И я не знал, что мне делать.

Я был счастлив, потому что отец не выбросил мою книгу. Но если я ее возьму, он узнает, что я трогал вещи в его комнате, и рассердится. И еще, я ведь дал слово ничего не трогать в его комнате.

А потом я услышал, как около дома остановился фургон, и, значит, нужно было думать скорее и действовать разумно. Так что я решил оставить книгу там, где она была, поскольку я рассудил, что отец не собирается ее выбрасывать, раз положил в ящик для рубашек. И я мог перенести записи в другую книгу и держать ее в секрете ото всех. А потом позже отец, возможно, передумает и отдаст мне первую книгу, тогда я смогу скопировать новую книгу туда. А если он ее никогда не отдаст — все равно, я помню большую часть того, что написал, и могу переписать все это во вторую тайную книгу. И если я захочу что-нибудь уточнить, я смогу прийти в комнату отца, когда его не будет дома, и проверить, верно ли я все запомнил.

Тут я услышал, как отец захлопнул дверь фургона.

И тогда я увидел конверт.

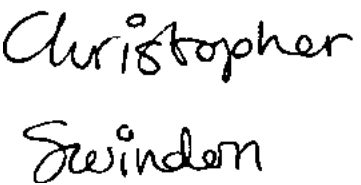
Это было письмо, адресованное мне. Оно лежало под моей книгой в ящике для рубашек. Я

посмотрел. Конверт был не распечатан, и на нем было написано:

Кристофер Бун
36 Рэндольф-стрит
Суиндон
Уилтшир

Потом я заметил, что там еще много других конвертов — и все они адресованы мне. И это было интересно и одновременно странно.

А потом я увидел, как были написаны слова «Кристофер» и «Суиндон».



Я знаю только трех человек, которые ставят маленькие кружочки вместо точек над буквой i. Один из них — мистер Локсли, который преподает в нашей школе, еще — Шивон, а третья была мать.

И тут я услышал, что отец открывает наружную дверь, так что я взял один конверт из-под книги,

опустил крышку рубашечного ящика, поставил сверху ящик для инструментов и очень аккуратно закрыл дверь шкафа.

Потом отец позвал:

— Кристофер?

Я ничего не сказал, потому что иначе он мог понять, где я нахожусь. Я встал, обошел кровать и пошел к двери, держа конверт и стараясь производить как можно меньше шума.

Отец стоял внизу, у лестницы. Я подумал, что он может увидеть меня, но он просматривал почту, которая пришла утром, и голова его была опущена. Потом он отошел от лестницы и направился в кухню, а я очень тихо закрыл дверь его комнаты и зашел к себе.

Я хотел посмотреть на письмо, но нельзя было сердить отца. Поэтому я сунул конверт под матрац, спустился вниз и сказал отцу:

— Привет.

И он спросил:

— Ну, что поделывал сегодня, молодой человек?

А я ответил:

— Сегодня мы занимались **социальными навыками** с миссис Грэй: **использование денег** и **общественный транспорт**. А за ланчем я съел

томатный суп и три яблока. Днем я немного занимался математикой, а потом мы ходили в парк с миссис Питерс и собирали листья, чтобы делать коллажи.

И отец сказал:

— Отлично, отлично. Как ты смотришь, если мы приготовим на ужин чоу?

Чоу — это такая еда.

Я ответил, что хочу бобов и брокколи.

А отец сказал:

— Да легко.

Потом я сел на диван и немного почитал книгу Джеймса Глейка, которая называлась «Хаос».

Потом я пошел на кухню и поел бобов и брокколи, а отец ел сосиски и яйца с поджаренным хлебом и пил чай.

А потом отец сказал:

— Я хочу повесить в гостиной эти полки, если ты не возражаешь. Боюсь, будет немного шумновато, так что, если ты хочешь посмотреть телевизор, придется отнести его наверх.

Я ответил:

— Я пойду к себе в комнату.

Отец сказал:

— Молодец.

А я сказал:

— Спасибо за ужин. — Потому что это значит быть вежливым.

Отец ответил:

— Не за что, малыш.

И я пошел в свою комнату.

Войдя, я плотно закрыл дверь и достал из-под матраца конверт. Я посмотрел письмо на свет, чтобы определить, что в конверте, но бумага была слишком плотной. Я задумался, можно ли мне открыть конверт — ведь я взял его из комнаты отца. Но я решил, что, раз письмо адресовано мне, значит, оно мое и я имею право его открыть.

Так что я распечатал конверт.

Внутри лежало письмо.

И вот что там было написано:

451с Чептер-роуд
Уиллзден
Лондон NW2 5NG
0208 887 8907

Дорогой Кристофер!

Извини, что так долго не писала тебе. Я была очень занята. Я получила новую работу — место секретаря на фабрике, где делают всякие вещи из стали. Тебе бы там понравилось. На фабрике полно огромных машин, которые де-

лают сталь, и режут ее, и складывают в любые формы, какие нужно. На этой неделе на фабрике делали крышу для кафе в торговом центре в Бирмингеме. Это будет крыша в виде огромного цветка, а над ней растянут огромный тент.

Еще мы переехали в новую квартиру, как ты видишь из адреса. Она не такая милая, как старая, и я не очень люблю Уиллзден, но Роджеру отсюда удобнее ездить на работу. Кроме того, эту квартиру он купил, а прежнюю просто снимал. Так что здесь мы можем поставить нашу собственную мебель и раскрасить стены так, как нам захочется.

Вот потому-то и прошло так много времени с тех пор, как я писала тебе в последний раз. Сначала нам пришлось долго упаковывать вещи, потом — долго их распаковывать. А потом я устраивалась на новую работу.

Я сегодня очень устала и хочу пойти спать, так что сейчас я заканчиваю письмо и завтра утром опущу его в ящик. Но очень-очень скоро я опять тебе напишу.

Ты до сих пор мне не ответил, и потому я догадываюсь, что ты до сих пор злишься на меня. Но я люблю тебя и надеюсь, что ты не будешь сердиться вечно. И я бы хотела, чтобы

ты написал мне письмо (но не забудь, что у меня теперь новый адрес).

Думаю о тебе постоянно.

С любовью,

мама.

И я очень сильно растерялся, потому что мать никогда не работала секретарем на фабрике, где делают вещи из стали. Она работала секретарем в автосервисе, в центре города. И мать никогда не жила в Лондоне. Мать всегда жила с нами. И никогда раньше она не писала мне писем.

В письме не было даты, так что я не мог выяснить, когда оно написано, и я задумался: может, это кто-то другой написал письмо и притворяется матерью?

И потом я посмотрел на конверт и увидел почтовый штемпель. А на штемпеле стояла дата. Разобрать ее было непросто, но там было написано:

Это значит, что письмо отправлено 16 октября 1997 года, то есть через 18 месяцев после того, как мать умерла.

А потом дверь моей комнаты открылась, и отец спросил:

— Что поделываешь?

Я ответил:

— Читаю письмо.

А он сказал:

— Я закончил сверлить. Там по телевизору идет передача о природе Дэвида Аттенборо, если тебе интересно.

Я ответил:

— Хорошо.

И отец ушел вниз.

Я посмотрел на письмо и глубоко задумался. Это была тайна, и я не мог ее разгадать. Может, письмо оказалось не в том конверте и было написано до того, как мать умерла? Но почему она писала

из Лондона? Самый долгий срок, на который она уезжала от нас, — это неделя. Тогда мать ездила навестить свою кузину Руфь, у которой был рак. Но Руфь жила в Манчестере.

Потом я подумал, что это письмо не от моей матери. Может, оно от матери другого человека по имени Кристофер и адресовано этому Кристоферу, а не мне.

Меня охватило возбуждение. Когда я начал писать свою книгу, была только одна тайна, которую следовало разгадать, а теперь их оказалось две.

Я решил, что я больше не буду думать об этом сегодня вечером, поскольку у меня недостаточно информации и я могу сделать *неверные выводы*, как мистер Этелни Джонс из Скотленд-Ярда.[13] А это опасная вещь, и, прежде чем приступать к расследованию, нужно увериться, что ты располагаешь всеми доступными уликами. И чем их меньше, тем проще совершить ошибку.

Я сложил письмо и спрятал его под матрацем, чтобы отец не нашел его и не рассердился. А потом спустился вниз и стал смотреть телевизор.

---

[13] Примечания: 13
Персонаж повести А. Конан Дойля «Знак четырех» *(прим. ред.)*.

151

Существует множество таинственных вещей. Но это не значит, что у них нет объяснения. Это значит лишь, что ученые пока не нашли им объяснения.

Например, некоторые верят в призраки людей, которые возвращаются после смерти. И дядя Терри говорит, что он видел призрака в обувном магазине торгового центра в Нортемптоне. Он спускался в подвальное помещение и вдруг увидел, что внизу лестницы стоит кто-то в сером. Но когда дядя Терри спустился, подвал оказался пуст, а дверей там не было.

Потом он рассказал об этом леди в кассе наверху, и она объяснила, что привидение зовут Тук и это призрак францисканского монаха, жившего в монастыре, который стоял на этом месте сотни лет назад. Потому-то торговый центр и называется **«Серый монах»**. Все уже привыкли к нему и совсем его не боятся.

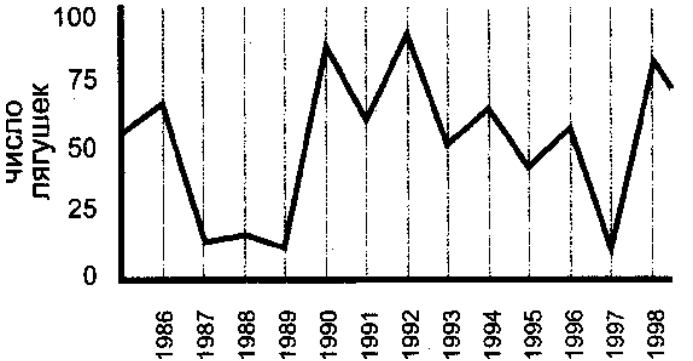
Наверняка рано или поздно ученые откроют что-нибудь, что объясняет существование призраков, так же как они открыли электричество,

которое объясняет молнии. Возможно, это что-то в человеческом мозгу, или нечто связанное с магнитными полями земли, или же какая-то принципиально новая разновидность энергии. И тогда призраки перестанут быть таинственными. Они станут как электричество, и радуги, и непригорающие сковородки.

Но иногда тайна — это не тайна. И вот пример тайны, которая не тайна.

У нас в школе есть пруд, где живут лягушки, и там мы учимся, как относиться к животным с добротой и уважением. Это потому, что некоторые дети в нашей школе ужасно относятся к животным: они думают, что давить червяков или кидаться камнями в кошек — это очень весело.

И в некоторые годы в пруду много лягушек, а в некоторые — совсем мало. И если нарисовать график количества лягушек в пруду, он будет выглядеть вот так (хотя этот график следует называть *гипотетическим*. Это означает, что эти цифры — не настоящие данные, а просто *иллюстрация*):



И если посмотреть на график, то можно подумать, что в 1987, и в 1988, и в 1989 и в 1997 году были очень холодные зимы. Или что у нас была цапля, которая съела очень много лягушек (иногда цапля и правда прилетает и пытается есть лягушек, но у нас над прудом натянута сетка, и цапля не может их достать).

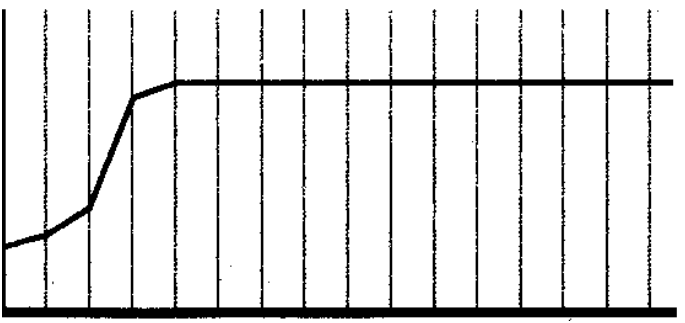
Но иногда количество лягушек не связано с холодными зимами, или кошками, или цаплями. Иногда это просто математика.

Вот формула популяции животных:

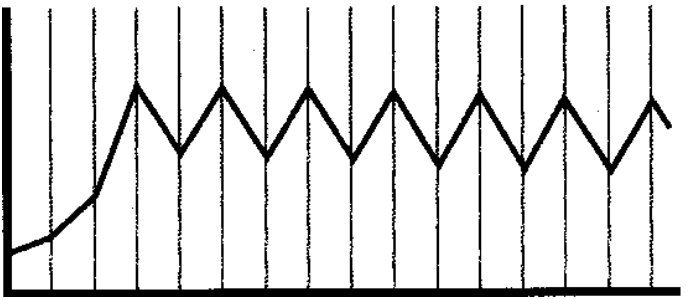
$$N_{новый} = \lambda (N_{старый}(1-N_{старый}).$$

И в этой формуле **N** — размер популяции. Когда **N** = **1**, популяция является самой большой из возможных. И когда **N** = **0** — это значит, что популяция вымерла. $N_{новый}$ — это популяция за один год, а $N_{старый}$ — это популяция предыдущего года. А λ — это то, что называется константой.

Когда λ меньше 1, популяция уменьшается и уменьшается и в конце концов вымирает. А когда λ находится между 1 и 3, популяция увеличивается и потом остается стабильной, вот так (эти графики тоже гипотетические):



А когда λ находится между 3 и 3,57, популяции развиваются циклами, вот так:



Но когда λ больше, чем 3,57, популяция развивается хаотически, как показано на первом графике.

Это открытие Роберта Мэя, Джорджа Остера и Джима Йорка. И это значит, что иногда вещи так сложны, что невозможно предсказать, что будет дальше. Но на самом деле они всего лишь подчиняются простым правилам.

И это значит, что иногда вся популяция лягу-

шек, или червей, или людей может вымереть — все равно, по какой причине. Просто потому, что так работают цифры.

157

Прошло шесть дней, прежде чем у меня опять появилась возможность войти в комнату отца и заглянуть в ящик для рубашек.

В первый день, это была среда, Джозеф Флеминг снял штаны и сходил в туалет прямо на пол, а потом начал это есть, но мистер Дэвис его остановил.

Джозеф ест все. Однажды он съел голубой дезинфектант, который вешают внутри туалетов. А еще он съел купюру в пятьдесят фунтов из кошелька своей мамы. Он ест нитки и ластики, ткань и писчую бумагу, краски и пластиковые вилки. И он постоянно ударяется подбородком и часто плачет.

Тирон сказал, что в какашках были лошадь и свинья, и я ответил ему, что он глупый, но Шивон сказала: нет. Это были маленькие пластмассовые звери, которые стояли в библиотеке. А Джозеф их съел.

И я сказал, что не пойду в туалет, потому что там на полу лежат какашки, и мне было неприятно об этом думать — даже после того, как пришел

мистер Эннисон и все убрал. Так что я намочил штаны, и мне пришлось надеть запасные, которые хранились в шкафу с запасной одеждой в комнате миссис Гаскойн. И потом Шивон сказала, что я два дня могу пользоваться туалетом персонала. Но только два дня, а потом я опять должен ходить в детский туалет. Так мы договорились.

На второй, третий и четвертый день, которые были четвергом, пятницей и субботой, ничего интересного не случилось.

На пятый день, когда было воскресенье, шел сильный дождь. Мне нравится, когда идет сильный дождь. Он звучит как белый шум, который как бы тишина, но не пустота.

Я поднялся наверх, сел в своей комнате у окна и смотрел, как вода падает на дорогу. Она так сильно ударялась о мостовую, что отскакивала, и это было похоже на белые искры (это тоже образное сравнение, а не метафора). И вокруг никого не было, потому что все сидели по домам. И я думал о том, как взаимосвязана вся вода в мире. Эта вода испарилась с поверхности океана где-то посередине Мексиканского залива или Баффинова залива, а теперь она падает перед нашим домом. Потом она уйдет в водосточные желоба и утечет в канализацию, на станцию, где ее очистят. И

потечет в реки, и вернется в океан.

А вечером в понедельник отцу позвонила леди, у которой протекла раковина, и он должен был срочно пойти и починить ее.

Когда бывает только один срочный вызов, то туда идет Родри, потому что его жена и дети живут в Сомерсете, и это значит, что ему не нужно ничего делать по вечерам, кроме как играть в бильярд, или пить, или смотреть телевизор. И Родри соглашается тратить дополнительное время, чтобы заработать побольше денег и послать их жене, потому что он помогает ей заботиться о детях. А отцу нужно присматривать за мной.

Но в этот вечер было сразу два срочных вызова, так что отец велел мне хорошо себя вести и звонить ему по мобильному телефону, если возникнут проблемы. А потом сел в свой фургон и уехал.

Так что я пошел в его спальню, открыл шкаф, снял ящик с инструментами с ящика для рубашек и открыл ящик для рубашек.

Я пересчитал письма. Их было 43. Они все были адресованы мне и написаны тем же почерком.

Я вынул один из конвертов и вскрыл его.

Внутри было письмо.

3 мая

451с Чептер-роуд
Лондон NW2 5NG
0208 887 8907

Дорогой Кристофер!

Мы наконец-то купили новый холодильник и плиту! В выходные мы с Роджером съездили на свалку и выбросили старые. Свалка — это место, куда люди выбрасывают разные вещи. Там стоят огромные контейнеры трех разных цветов: для бутылок, картона, технического масла, органических отходов, домашнего мусора и более габаритных предметов (вот туда-то мы и выкинули холодильник и плиту).

Потом мы поехали в магазин подержанных вещей и купили новую плиту и новый холодильник. И теперь наш дом немного больше напоминает дом.

Вчера вечером я просматривала старые фотографии, и мне сделалось грустно. Но потом я нашла фото, где ты играешь с поездом, который мы тебе купили на Рождество. И тогда мне стало хорошо, потому что это был один из тех по-настоящему счастливых дней, когда мы все были вместе.

Помнишь, как ты возился с ним целый день и

вечером отказался ложиться спать, потому что тебе хотелось продолжать играть? Помнишь, как мы тебе рассказывали про расписание поездов — и тогда ты взял часы, чтобы твои поезда уходили вовремя? И там еще была маленькая деревянная станция, и мы показывали тебе, как люди, которые хотят сесть на поезд, приходят и покупают билеты, а потом заходят в вагон. А потом мы достали карту и показали тебе маленькие линии, которые обозначали, как поезда ходят между всеми станциями. И потом ты играл с ним много недель подряд, и мы купили тебе еще несколько поездов, и ты знал, куда все они ходили.

Я очень люблю все это вспоминать.

Сейчас мне пора идти, потому что уже половина четвертого. Я знаю, ты любишь точно знать, сколько времени. Мне нужно сходить в магазин и купить ветчины, чтобы Роджеру было с чем выпить чаю. Я брошу это письмо в ящик по дороге в магазин.

С любовью,

мама.

Затем я открыл еще один конверт. И внутри было письмо.

Квартира 1, 312 Лаусанн-роуд
Лондон N8 5BV
0208 756 4321

Дорогой Кристофер!

Я писала, что, когда у меня будет побольше времени, я постараюсь объяснить, почему я ушла. Теперь у меня есть много времени. Я сижу на диване с этим письмом, бормочет радио, и сейчас я попытаюсь все тебе объяснить.

Я была не очень-то хорошей матерью, Кристофер. Может быть, если бы события развивались по-другому, если бы ты был другим, все было бы иначе. Но, к сожалению, все вышло так, как вышло.

Я совсем не такая, как твой отец. Он гораздо более спокойный человек, нежели я. Он смотрит на вещи проще, и, если что-то его огорчает, он этого не показывает. Но я совсем не такая, и ничего нельзя поделать, чтобы это изменить.

Ты помнишь, как однажды мы вместе поехали за покупками? Мы вошли в магазин, и там было полно народу, а нам нужно было купить рождественский подарок для бабушки. И ты испугался всех этих людей. Это было во время рождественских распродаж, когда все

делали покупки. И я разговаривала с мистером Лэндом, который работает в отделе кухонных предметов (мы с ним вместе учились в школе). А ты скорчился на полу, закрыл уши руками и мешал людям ходить. Я рассердилась. Я люблю ходить по магазинам перед Рождеством, и я велела тебе вести себя прилично. Я попыталась поднять тебя и увести. Но ты кричал и свалил с полки миксеры, и они разбились. А мистер Лэнд был очень любезен, но на полу валялись все эти коробки и осколки. И все смотрели на нас. Я заметила, что ты обмочился, и ужасно рассердилась. Я хотела вытащить тебя из магазина, но ты не позволял к себе прикоснуться, просто лежал на полу, и кричал, и молотил руками и ногами. Потом пришел менеджер и пожелал узнать, в чем проблема. А я уже дошла до ручки, мне пришлось заплатить за два разбитых миксера, и мы просто стояли и ждали, когда ты перестанешь кричать. И потом мне пришлось идти с тобой пешком всю дорогу до дома, поскольку я знала, что ты откажешься войти в автобус.

И я помню, в тот вечер я все плакала, и плакала, и плакала, а твой отец сперва был очень мил: приготовил тебе ужин, уложил в постель

и сказал, что всякое случается и все будет в порядке. Но я ответила, что не могу больше этого вынести, и, очевидно, он рассердился. Он сказал мне, что я дура, и велел взять себя в руки. И я его ударила, и это было очень нехорошо с моей стороны, но я была так жутко расстроена.

Мы часто спорили по таким вот поводам, поскольку мне казалось, что я не в силах больше это выносить. Твой отец действительно очень и очень терпимый человек, но я — нет. Я начинаю сердиться, даже если сама этого не хочу. И в конце концов мы перестали разговаривать друг с другом, поскольку знали, что это непременно закончится ссорой и ни к чему не приведет. И я чувствовала себя очень одиноко.

И тогда я стала встречаться с Роджером. Я хочу сказать, мы часто проводили время с Роджером и Эйлин, но я начала видеться именно с Роджером, потому что я могла с ним поговорить. На самом деле он был единственным человеком, с которым я могла поговорить. И когда он был рядом со мной, я уже не чувствовала себя одиноко.

Я знаю, что ты, может быть, не поймешь многое из того, что здесь написано, но мне бы очень хотелось постараться объяснить так,

чтобы тебе было понятно. И даже если ты не понимаешь сейчас, ты можешь сохранить это письмо и перечитать его позже, и тогда, может быть, ты поймешь больше.

Роджер сказал мне, что они с Эйлин давно уже не любят друг друга, а это значило, что он тоже очень одинок. Так что у нас было много общего. И мы поняли, что мы любим друг друга. И Роджер предположил, что мне лучше оставить твоего отца и жить вместе с ним. Но я ответила, что не могу бросить тебя, и Рождеру было грустно, но он понимал, что ты действительно очень много для меня значишь.

А потом у нас с тобой случилась та ссора. Ты помнишь? В тот раз, когда я приготовила тебе что-то на ужин, но ты не стал есть. А до того ты не ел несколько дней и стал таким худеньким! И ты начал кричать, а я рассердилась и кинула эту еду через всю кухню. Я знаю, что не должна была этого делать. А ты схватил доску для рубки мяса, ударил меня по ноге и сломал мне пальцы. После этого мне пришлось поехать в больницу, и мне на ногу наложили гипс. А потом, дома, у нас с твоим отцом произошел жуткий скандал. Он обвинял меня в том, что я рассердилась на тебя. И он сказал, что я просто

должна была дать тебе то, чего ты хотел, даже если это была бы всего-навсего тарелка салата или клубничный коктейль. А я объясняла, что должна была накормить тебя чем-то питательным. А твой отец сказал, что ты все равно не стал бы есть. И я ответила, ладно, я ничего не могла поделать и вышла из себя. А твой отец сказал, что если он может держать себя в руках, то почему, черт возьми, я не могу. И так далее, и все такое.

И потом целый месяц я не могла нормально ходить, а твой отец присматривал за тобой. Помню, как я смотрела на вас двоих вместе и думала, что рядом с ним ты совершенно иной. Гораздо более спокойный. И вы никогда не кричали друг на друга. От этого мне стало очень-очень грустно, потому что мне казалось, что я вовсе вам не нужна. И это было даже хуже, чем ссориться, потому что я будто бы сделалась невидимкой.

И вот тогда я решила, что тебе и твоему отцу будет лучше без меня. В этом случае он стал бы единственным человеком, который воспитывал бы тебя, — вместо двух.

А потом Роджер сказал, что он попросил банк о переводе. Это значит, что он спросил, не мо-

гут ли они перевести его на работу в Лондон. И он сказал, что уезжает, и спросил, не хочу ли я поехать с ним. Я очень долго думала об этом, Кристофер, честно. У меня разрывалось сердце, но в конце концов я решила, что, если я уеду, это будет лучше для всех нас. И я согласилась.

Я хотела с тобой попрощаться. Я собиралась зайти домой и собрать кое-какую одежду, когда ты вернешься из школы. И я намеревалась объяснить, что я делаю и почему. Я хотела сказать, что я буду приезжать и видеться с тобой как можно чаще и ты сможешь время от времени навещать меня в Лондоне и жить с нами. Но когда я позвонила твоему отцу, он не позволил мне прийти. Он был очень, очень зол. Он сказал, что запрещает мне с тобой разговаривать. Я не знала, что мне делать. Он сказал, что я эгоистка и что ноги моей больше не будет в этом доме. Вот почему я не приезжаю. Но вместо этого я пишу тебе письма.

Хотелось бы мне знать, сумеешь ли ты все это понять. Я знаю, это будет очень трудно. Но я надеюсь, что ты сумеешь понять хоть чуть-чуть.

Кристофер, я никогда не хотела причинить тебе боль. Я думала, что поступаю так, как будет лучше для всех. И я надеюсь, что не ошиб-

лась. И я хочу, чтобы ты знал, что ты ни в чем не виноват.

Я надеюсь, что все будет хорошо. Помнишь, ты говорил, что хочешь стать космонавтом? Ну, вот, а я мечтала о том, как ты сделаешься космонавтом и тебя покажут по телевизору, а я буду смотреть на тебя и думать: «Вот какой у меня сын!» Интересно, чего ты хочешь теперь. Изменилось ли что-нибудь? Ты все еще занимаешься математикой? Надеюсь, что да.

Пожалуйста, Кристофер, напиши мне как-нибудь или позвони по телефону. Номера вверху письма.

Целую и люблю,
твоя мама.

Затем я открыл следующий конверт. Внутри было письмо.

18 сентября
Квартира 1, 312 Лаусанн-роуд
Лондон N8 5BV
0208 756 4321

Дорогой Кристофер!

Я обещала писать каждую неделю и выполняю обещание. По факту это уже второе письмо

на неделе, так что я делаю даже лучше, чем сказала.

Я получила работу! Я работаю в Камдене, в фирме «Перкин и Рашид», которая занимается оценкой недвижимости. Это значит, что люди из этой фирмы ходят и смотрят на дома и выясняют, сколько они могут стоить, и какую работу в них еще нужно сделать, и сколько будет стоить эта работа. И еще они определяют, сколько будет стоить построить новый дом, или офис, или фабрику.

Это очень милая фирма. Здесь есть еще одна секретарша, ее зовут Энджи. У нее на столе сидят маленькие медвежата и мягкие игрушки и стоят фотографии ее детей (так что я тоже поставила у себя на столе твою фотографию в рамке). Энджи очень милая, и мы вместе ходим на ланч.

Правда, я пока не знаю, останусь ли здесь надолго. Мне приходится много считать, когда мы готовим информацию для клиентов, а я не очень-то хорошо умею это делать (ты бы справился лучше, чем я).

Компанией управляют два человека, которых зовут мистер Перкин и мистер Рашид. Мистер Рашид приехал из Пакистана. Он очень

строгий и все время требует, чтобы мы работали быстрее. А мистер Перкин немного странный (Энджи зовет его Педик-Перкин). Когда он приходит, становится рядом и задает мне вопрос, он всегда кладет руку мне на плечо и наклоняется так близко, что его лицо оказывается рядом с моим и я чувствую запах его зубной пасты. Мне неприятно, когда он так делает. Да и оплата здесь не очень высокая. Так что я буду искать что-нибудь получше, как только появится такая возможность.

Недавно я ходила во Дворец Александры. Это такой большой парк недалеко от нашего дома — прямо за углом. Этот парк представляет собой огромный холм, а на вершине у него — конференц-центр. И когда я была там, я подумала о тебе, потому что, если бы ты приехал ко мне, мы могли бы пойти в этот парк и запускать змеев или смотреть на самолеты, которые летят в аэропорт Хитроу. Я знаю, что ты это любишь.

Сейчас мне пора идти. Я пишу это письмо за ланчем (Энджи слегла с гриппом, поэтому я одна). Пожалуйста, пиши мне время от времени и рассказывай, как ты поживаешь и что делаешь в школе.

Надеюсь, ты получил подарок, который я тебе послала. Ты уже собрал его? Мы с Роджером увидели его в магазине в Камдене, а я ведь помню, что ты всегда любил головоломки. Роджер попытался ее собрать, прежде чем нам ее завернули, но у него ничего не вышло. Он сказал, что если тебе удастся это сделать, то ты гений.

Люблю тебя,
мама.

А вот какое было четвертое письмо:

23 августа
Квартира 1
312 Лаусанн-роуд
Лондон № 8

Дорогой Кристофер!

Прости, что не написала на прошлой неделе. Мне пришлось сходить к дантисту, и он вырвал мне два зуба. Ты, наверное, не помнишь, как мы водили тебя к дантисту. Ты не позволил бы никому засунуть руки тебе в рот, поэтому нам пришлось тебя усыпить, чтобы врач мог вырвать тебе зуб. Ну, меня они не усыпляли, а просто сделали укол, который называется местная анестезия. Это значит, что ты ничего

не чувствуешь у себя во рту, и это очень хорошо, поскольку для того, чтобы вытащить зуб, нужно распилить кость. И мне было совсем не больно. На самом деле я смеялась, потому что дантист тащил и тянул с таким напряжением, что мне сделалось смешно. Но когда я вернулась домой, боль начала возвращаться, и мне пришлось два дня пролежать на диване и принять много болеутоляющих таблеток…

Потом я перестал читать письмо, потому что ощутил тошноту.

Моя мать не умерла от сердечного приступа. Мать не умерла. Мать была жива все это время. А отец обманывал меня.

Я задумался, нет ли какого-нибудь другого объяснения, но мне ничего не приходило в голову. А потом я уже вообще не мог думать, потому что мозги не работали так, как надо.

Я ощутил головокружение. Это было так, словно комната качалась из стороны в сторону, как если бы она располагалась на самом верху очень-очень высокого здания и здание качалось взад-вперед от сильного ветра (это тоже образное сравнение). Но я знал, что комната не может качаться, так что это, должно быть, происходило у меня в голове.

Я упал на кровать и свернулся клубочком.

У меня болел живот.

Не знаю, что случилось потом, потому что в памяти был провал, будто кто-то вырезал кусок записи. Но я знаю, что прошло много времени, потому что когда я открыл глаза, то я увидел, что за окном темно. И еще меня вырвало, потому что рвота испачкала всю кровать, и мои руки, и лицо.

Но еще раньше я услышал, что отец вошел в дом и зовет меня по имени, — и это была еще одна причина, по которой я знал, что прошло много времени.

Я чувствовал себя очень странно, потому что отец звал: «Кристофер! Кристофер!..» И когда он произносил мое имя, я видел его, будто оно было написано буквами. Я часто вижу слова, которые кто-то произносит, как бы написанными на экране компьютера. Особенно если тот, кто их говорит, находится в другой комнате. Но на этот раз это не был компьютерный экран. Я видел свое имя, написанное большими буквами, как реклама на стенке автобуса. И это был почерк матери, вот так:

И потом я услышал, что отец поднялся по лестнице и вошел в комнату.

Он сказал:

— Кристофер, какого дьявола ты здесь делаешь?

И я знал, что он в комнате, но его голос звучал будто бы издалека, как звучат людские голоса, когда я стенаю и не хочу, чтобы эти люди находились рядом со мной.

Отец сказал:

— Какого хрена ты?... Это мой шкаф, Кристофер. Это же... О, черт... Черт, черт, черт, черт, черт.

Затем некоторое время он ничего не говорил.

Потом он положил руку мне на плечо, повернул меня на бок и сказал:

— О Господи!

Но когда он ко мне прикоснулся, мне это не помешало — как будто я смотрел фильм о том, что

происходило в комнате, и одновременно ощущал его руку. Это было похоже на ветер, который дул мне навстречу.

И потом отец опять помолчал некоторое время.

Потом он сказал:

— Прости меня, Кристофер. Прости.

Вот тогда я заметил, что меня вырвало, потому что почувствовал на себе что-то влажное, а пахло так, как пахнет, когда кого-нибудь вырвет у нас в школе.

Отец сказал:

— Ты читал письма.

И потом я слышал, что он плачет, потому что его дыхание было клокочущим и влажным, как это бывает, когда человек простужается и у него забит нос.

Отец сказал:

— Я это сделал ради твоего блага, Кристофер. Клянусь. Я не хотел тебе лгать. Я просто думал… Я просто думал, будет лучше, если ты не узнаешь… что… что… Я не хотел… Я собирался показать тебе их, когда ты станешь постарше.

Потом он опять молчал.

Потом он сказал:

— Я не нарочно.

Потом он опять молчал.

Потом он сказал:

— Я не знал, что мне делать… Я был в таком дерьме… Она оставила записку и… Потом она позвонила, и… Я сказал, что она в больнице, потому что… потому что я не знал, как объяснить. Это было слишком сложно. Слишком тяжело. И я… я сказал, что она в больнице. Да, это была неправда. Но я уже сказал это… Я не мог… я не мог ничего изменить. Ты понимаешь, Кристофер? Кристофер… Это просто… Я растерялся, и я хотел…

Потом он молчал очень-очень долго.

Потом он опять тронул меня за плечо и сказал:

— Кристофер, тебя надо помыть. Ладно?

Он немного потряс меня, но я не двигался.

И отец сказал:

— Кристофер, я пойду приготовлю тебе горячую ванну. Потом я вернусь и отведу тебя туда, ладно? А потом положу белье в стиральную машину.

И я услышал, как он пошел в ванную и открыл краны. И услышал, как вода полилась в ванну. Некоторое время он не возвращался. Потом пришел, опять тронул меня за плечо и сказал:

— Давай-ка осторожненько, Кристофер. Давай посадим тебя, и снимем одежду, и отведем в ванную, ладно? Мне придется к тебе прикоснуться,

но все будет в порядке.

И он усадил меня на край кровати, снял с меня свитер и рубашку, поднял на ноги и повел в ванную. И я не кричал. Я не сопротивлялся. Я его не ударил.

163

Когда я впервые пошел в школу, мою классную руководительницу звали Джулия, потому что Шивон в то время еще не работала в нашей школе. Она пришла, когда мне исполнилось двенадцать лет.

Однажды Джулия села рядом со мной за парту, положила на нее пенальчик «Смартис» и сказала:

— Кристофер, как ты думаешь, что там внутри?

Я сказал:

— «Смартис».

Тогда она открыла крышку, перевернула пенальчик, и оттуда выпал маленький красный карандаш. Она засмеялась, а я сказал:

— Это не «Смартис», это карандаш.

А Джулия положила красный карандаш обратно и закрыла крышку.

Потом она сказала:

— Если бы сейчас сюда вошла твоя мама, как ты думаешь, что бы она сказала?

Тогда я еще называл свою мать мамой, а не

матерью.

И я ответил:

— Карандаш.

Это потому, что тогда я был еще маленький и не понимал, как мыслят другие люди. И Джулия говорила матери и отцу, что все это кажется мне очень сложным. Но теперь мне это больше не кажется сложным, потому что я решил, что это просто такая разновидность головоломки. А если есть головоломка, всегда существует способ ее решения.

Это похоже на компьютеры. Многие думают, что компьютеры отличаются от людей, потому что у них нет разума. Несмотря на то что в тесте Тьюринга компьютеры могут беседовать с людьми о погоде, о вине, о том, как выглядит Италия, и даже могут шутить. Но этот разум — просто сложная машина.

И когда мы смотрим на вещи, мы думаем, что мы с помощью глаз смотрим изнутри головы, как будто из маленьких окон — наружу. Но это не так. На самом деле смотрим на экран у себя в голове, и он похож на экран компьютера.

И это можно утверждать, потому что был такой эксперимент, который я видел по телевизору и который назывался **«Как работает мозг»**. В

этом эксперименте ты кладешь голову в зажим и смотришь на страницу текста на экране. И она выглядит как обыкновенная страница с текстом, и ничего не меняется. Но через некоторое время, по мере того как твои глаза двигаются по странице, ты понимаешь, что происходит нечто странное. Потому что, когда ты пытаешься вернуться к куску текста, который ты читал раньше, оказывается, что он стал другим.

И от того, что твои глаза перескакивают с одного предмета на другой, ты больше ничего не видишь. Это называется скачкообразным движением глаз. Потому что, если бы ты видел все между первым и вторым предметом, у тебя начала бы кружиться голова. И в этом эксперименте есть сенсор, он улавливает моменты, когда глаз перескакивает с одного места на другое. И когда это происходит, компьютер изменяет некоторые слова на странице, в той части, куда ты не смотрел.

Но во время скачкообразных движений глаз ты не осознаешь, что не видишь многих предметов, потому что на экране, который у тебя в голове, мозг заполнен информацией. И ты не замечаешь, что слова на другой части страницы изменились, потому что твой разум хранит картинки тех

вещей, на которые ты не смотришь в данный момент.

Люди отличаются от животных тем, что могут иметь на экранах в своих головах картинки тех вещей, на которые они не смотрят. Они могут вообразить кого-то в другой комнате. Или подумать о том, что произойдет завтра. Или представить себя космонавтом. Или представить по-настоящему большие числа. Или представить цепочку причин, когда они пытаются что-то осмыслить.

Вот почему, если собака сломает ногу, ей сделают операцию и вставят в кость металлический штырь; она, если увидит кошку, погонится за ней, позабыв о штыре. Но если человек сломает ногу, то у него в голове появится картинка и останется там долгие месяцы. И даже если этот человек увидит автобус, который ему нужно догнать, он за ним не побежит, потому что у него в голове есть картинка. Эта картинка представляет собой его поврежденную ногу, срастающуюся кость, штырь, расходящиеся швы и сильную боль.

Поэтому люди полагают, что у компьютера нет разума, и считают, что их мозги — особенные и отличаются от компьютерных. Люди могут видеть экран у себя в голове, и они думают, что в их голове есть кто-то, кто сидит и смотрит на

экран. Так, как капитан Жан-Люк Пикар в фильме **«Звездный путь: новое поколение»** сидит в своем капитанском кресле и смотрит на большой монитор. И люди думают, что это существо — их собственное сознание, и оно называется *гомункул*, что значит *маленький человечек*. И они думают, что у компьютеров нет своих гомункулов.

Но эти гомункулы — всего лишь еще одна картинка на экране в голове человека. Гомункул появляется на экране (потому что человек думает о гомункуле), и одновременно существует другой кусочек мозга, который смотрит на экран. И когда человек думает о части своего мозга (той части, которая видит гомункула на экране), он помещает этот кусок мозга на экран, а другой кусок мозга смотрит на него. Но мозг не осознает, что это происходит, потому что он — так же, как глаз, — перепрыгивает от одного предмета к другому. И внутри своих голов люди тоже не видят многих вещей, когда перескакивают от одной мысли к другой.

Вот почему мозги людей похожи на компьютер. Потому что их внимание отвлекается всего на долю секунды, пока меняется экран. И если существует какая-то вещь, которой люди не могут

увидеть, они начинают думать, что это что-то необыкновенное. Например, темная сторона Луны, или черная дыра, или нечто, что мерещится человеку, когда он просыпается среди ночи и чувствует страх.

Еще люди считают себя не такими, как компьютеры, потому что у них есть чувства, а у компьютеров — нет. Но испытывать чувства — это значит просто иметь картинку на экране в своей голове. И она может представлять собой то, что произойдет завтра, или в будущем году, или могло бы произойти, вместо того, что случилось на самом деле. И если это счастливая картинка, они улыбаются, а если картинка печальная — они плачут.

167

Отец отвел меня в ванную, смыл рвоту, вытер полотенцем и в спальне переодел в чистую одежду.

Потом он спросил:

— Ты сегодня что-нибудь ел?

Но я ничего не ответил.

Тогда он сказал:

— Приготовить тебе поесть, Кристофер?

Но я опять ничего не ответил.

И он сказал:

— Ладно. Послушай. Я пойду и положу твою одежду и постельное белье в стиральную машину и потом вернусь сюда, хорошо?

Я сел на кровать и стал смотреть на свои коленки.

А отец вышел из комнаты, забрал мою одежду из ванной и положил ее на лестничную площадку. Потом зашел в спальню, снял с кровати простыни и тоже положил на площадку — к свитеру и рубашке. А потом он взял все это с лестничной площадки и унес вниз. Я слышал, как он включил стиральную машину, как зашумел

нагревательный котел и вода пошла по трубам и полилась в машину.

И долгое время я не слышал ничего, кроме этого.

Я мысленно возводил в квадрат число 2, потому что это меня успокаивает. Я дошел **33 554 423**, то есть до **2** в **35-й** степени, но это не очень большое число, потому что перед этим я уже один раз возвел **2** в **45-ю** степень, но мои мозги все не работали как надо.

Потом отец вернулся в комнату и сказал:

— Как ты себя чувствуешь? Могу я что-нибудь для тебя сделать?

Я ничего не ответил. Я продолжал смотреть на свои ноги.

И отец тоже больше ничего не сказал. Он просто сел на кровать рядом со мной, оперся локтями о колени и стал смотреть вниз, на ковер, где лежала красная деталь лего с восемью шпеньками.

Потом я услышал, что проснулся Тоби. Тоби — ночное животное, и я слышал, как он скребется у себя в клетке.

Отец молчал очень-очень долго.

Потом он сказал:

— Слушай, может, мне не стоит начинать, но… я хочу, чтобы ты знал, что можешь мне верить. И…

ладно, допустим, я не всегда говорю тебе правду. Видит Бог, я стараюсь, Кристофер, видит Бог, но… Знаешь, жизнь — очень сложная штука. И это чертовски трудно — постоянно говорить правду. Иногда это просто невозможно. И я хочу, чтобы ты знал: я стараюсь, я в самом деле стараюсь. И может быть, сейчас не время об этом говорить, и я понимаю, что тебе это не понравится, но… Я сейчас обо всем тебе расскажу. Обо всем. Потому что… если сейчас ты не узнаешь правду, потом… потом это ударит больнее. Так что…

Отец потер руками лицо, оперся подбородком на пальцы и стал смотреть в стену. Я видел его краем глаза.

И он сказал:

— Это я убил Веллингтона, Кристофер.

Я подумал, что это шутка. А я не понимаю шуток, потому что, когда люди шутят, они произносят совсем не то, что имеют в виду.

Но отец сказал:

— Кристофер, просто… позволь мне объяснить. — Потом он втянул воздух и сказал: — Когда твоя мама уехала… Эйлин… миссис Ширз… она была очень добра к нам. Очень добра ко мне. Она помогала мне в трудные времена. И я не уверен, что справился бы без нее. Ну, ты сам знаешь, как

часто она здесь бывала, сколько времени здесь проводила. Готовила, убирала в доме. Заходила узнать, все ли у нас в порядке, не нужно ли нам чего… Я думал… Ну… Черт, Кристофер, как объяснить, чтобы ты понял?… Я думал, что она могла бы продолжать приходить. Я думал… и возможно, это было глупо… Я думал, что она могла бы… может быть… согласилась бы переехать к нам жить. Или мы бы перебрались к ней. Это… это было бы очень даже неплохо. Я полагал, что мы были друзьями… И, кажется, я заблуждался… И в конечном итоге это вылилось в… Черт… Мы ссорились, Кристофер, и… Она говорила всякие вещи, которые я не могу повторить, потому что это очень нехорошие слова и… и они причиняют боль. Мне показалось, что она печется о своей проклятой собаке больше, чем обо мне… о нас… И, оглядываясь назад, я думаю, что был не так уж и неправ. Сдается мне, мы не так много для нее значили. И, разумеется, гораздо проще жить в одиночестве, приглядывая за одной-единственной шавкой, чем связывать свою судьбу с живыми людьми. Я хочу сказать… черт, малыш, это не слишком сложно для тебя, а?… Так вот, мы с ней поругались. Ну, если честно, мы довольно часто ругались. Но в тот раз у нас произошла

жуткая ссора, и она вытолкала меня из дома. А ты знаешь, как вел себя этот чертов пес после операции? Гребаный шизофреник. В иные моменты — просто милашка, чисто ангел. Ляжет на спинку и катается: пощекочи ему животик… А потом вонзает зубы тебе в ногу!.. Одним словом, пока мы с Эйлин орали друг на друга, чертова псина прохлаждалась в саду. И когда я вышел из дома, эта шавка меня уже поджидала. И… я знаю, знаю… Наверное, надо было просто ее пнуть — и она б отлетела… Но, черт возьми, Кристофер, мне как будто бы красный туман застлал глаза… Крис, ты не знаешь, как это бывает. Я хочу сказать, мы с тобой очень разные. И в тот момент я больше ни о чем не мог думать, кроме того, что она заботится о своей проклятой собаке больше, чем обо мне и о тебе. И это было слишком похоже на все то, что произошло со мной два года назад, и…

Отец замолчал.

А потом он сказал:

— Прости меня, Кристофер. Клянусь, я не мог даже подумать, что все так обернется… что так получится.

И тут я понял, что отец не шутит. И тогда я по-настоящему испугался.

А отец сказал:

— Мы все совершаем ошибки, Кристофер. Ты. Я. Твоя мама. Все. И иногда это очень серьезные ошибки. Но мы всего лишь люди.

А потом он поднял правую руку и растопырил пальцы.

Но я крикнул и оттолкнул его — так сильно, что он свалился с кровати и упал на пол.

Потом он сел и сказал:

— Ладно. Послушай. Кристофер, я прошу прощения. Давай оставим это сегодня, хорошо? Я уйду, и ты немного поспишь, а утром мы поговорим. — И потом он еще сказал: — Все будет хорошо. Правда. Поверь мне.

А затем отец встал, сделал глубокий вдох и вышел из комнаты.

Я еще долго сидел на кровати и смотрел в пол. Потом я услышал, как Тоби скребется в клетке. Я поднял глаза и увидел, что он глядит на меня сквозь прутья.

Я должен был выбраться из дома. Отец убил Веллингтона. Это значит, что он может убить и меня. И еще я больше не мог ему верить, хотя он и сказал «поверь мне». Но он сказал неправду об очень важной вещи.

Но я не мог выйти из дома прямо сейчас, поскольку отец наверняка заметил бы меня. Так что

я должен подождать, пока он заснет.

Времени было 23.16.

Я снова начал возводить **2** в квадрат, но дошел только до **2** в **15** степени, что равно **32 768**. И тогда я начал стенать, чтобы время прошло быстрее. И я ни о чем не думал.

Потом времени стало 1.20, но я не слышал, чтобы отец поднимался к себе в комнату и ложился в постель. Я подумал, может, он спит внизу. Или же он ждет момента, когда сможет прийти и убить меня. Так что я достал свой армейский нож и вынул лезвие-пилу, потому что с его помощью можно себя защитить. Потом я очень тихо вышел из своей комнаты и начал спускаться по лестнице — очень и очень медленно. И когда я спустился, то через дверь гостиной я увидел ногу отца. Я подождал 4 минуты, но нога не шевелилась. Тогда я пошел дальше и оказался в холле. Потом я заглянул в гостиную.

Отец лежал на диване, и его глаза были закрыты.

Я долго на него смотрел.

Вдруг отец захрапел, и я вздрогнул от неожиданности. Я слышал, как кровь стучит мне в уши и сердце бьется в очень быстром ритме, и мне было больно, как будто у меня в груди кто-то

надувал большой воздушный шар.

И я подумал, не случится ли у меня сердечный приступ.

Глаза отца по-прежнему были закрыты. Я подумал, может, он только притворяется спящим. Так что я очень крепко сжал свой нож и постучал по дверной раме.

Отец помотал головой из стороны в сторону, у него дернулась нога, и он сказал «хрннн», но его глаза оставались закрытыми. И потом он опять захрапел.

Он спал.

Это значило, что я сумею выбраться из дома, если буду действовать тихо и не разбужу его.

Я взял с вешалки около двери оба своих пальто и шарф и надел все это, потому что снаружи по ночам холодно. Потом я поднялся наверх — очень тихо, хотя это оказалось непросто, потому что у меня сильно дрожали ноги. Я прошел в свою комнату и взял клетку Тоби. Он шуршал и скребся, так что я снял одно пальто и накрыл им клетку, чтобы звуки были не такими громкими. И потом снова спустился вниз — вместе с Тоби.

Я зашел на кухню и взял свою коробку с едой, а затем отпер заднюю дверь и вышел наружу. Закрывая дверь, я отжал ручку вниз, чтобы не

было щелчка. А потом я пошел в сад.

В глубине сада был сарай. В нем стояла газонокосилка и лежали всякие садовые принадлежности, которыми пользовалась мать, — горшки, мешки с компостом, деревянные бочки, веревки, лопаты. Внутри сарая было бы теплее, но я знал, что отец может начать искать меня в сарае, так что я обошел его и залез в щель между стеной сарая и забором, за большую черную пластмассовую трубу для сбора дождевой воды. Я сел, и мне стало немного спокойнее.

Я решил, что оставлю свое второе пальто на клетке Тоби, поскольку мне не хотелось, чтобы он замерз и умер.

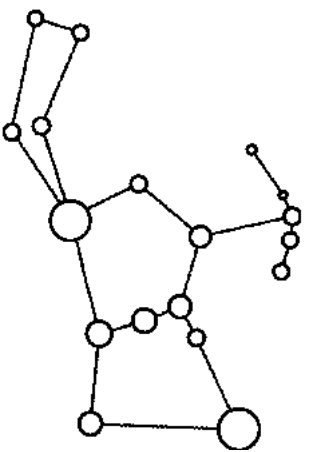
Я открыл свою коробку с едой. Внутри была молочная плитка, две лакричные палочки, три мандарина, розовая вафля и мой красный пищевой краситель. Я не чувствовал голода, но я знал, что должен что-нибудь съесть, поскольку, если человек ничего не ест, он быстро замерзнет. Так что я съел два мандарина и молочную плитку.

А потом я задумался, что делать дальше.

173

Между крышей сарая и большим деревом, которое нависало над забором, я видел созвездие **Орион**.

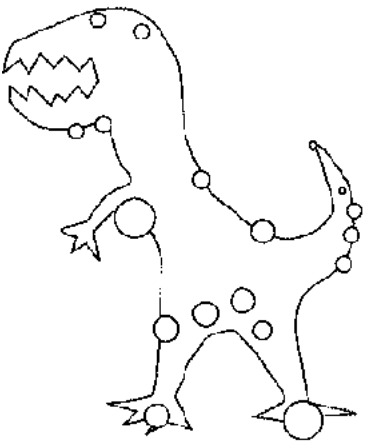
Говорят, что Орион называется **Орионом**, потому что был такой охотник Орион, а созвездие похоже на охотника с дубинкой, луком и стрелой, оно вот такое:



Но это очень глупо, потому что созвездие — это

просто несколько звезд, и можно соединять точки любым способом, как захочешь. И можно представить его в виде леди, которая машет зонтиком, или в виде кофеварки — такой, как миссис Ширз привезла из Италии, с ручкой и отверстием для выхода пара.

Или же это созвездие может выглядеть как динозавр.



В космосе не существует никаких линий, так что точки **Ориона** можно соединить как **Зайца**, или **Тельца**, или **Близнецов** и сказать, что это созвездие **Гроздь Винограда**, или **Иисус**, или

Велосипед (только в Греции и Риме еще не было велосипедов в то время, когда **Орион** назвали Орионом).

И в любом случае **Орион** — не охотник, не кофеварка и не динозавр. Это просто Бетельгейзе, Беллатрикс, Ригель и еще 17 других звезд, которые я не знаю как называются. И все они — часть Большого взрыва, который происходит за миллиарды миль от нас.

И это правда.

179

Я не спал до 3.47. Тогда я в последний раз посмотрел на часы, перед тем как заснуть. У моих часов светящийся циферблат, и если нажать кнопку, то зажигается огонек, и можно разглядеть цифры даже в темноте. Мне было холодно, и еще я боялся, что отец может прийти сюда и найти меня. Но в саду было безопаснее, чем дома, потому что я спрятался.

Я часто поднимал глаза к небу. Я люблю смотреть на небо по ночам. Летом, когда темнеет, иногда выхожу в сад — с фонариком и планисферой. Планисфера представляет собой два диска, один поверх другого. На нижнем диске нарисована карта неба, а на верхнем есть отверстие в форме параболы. И если поворачивать верхний диск, то можно найти карту звездного неба, привязанного к каждому конкретному дню года — из расчета 51,5°северной широты. Это широта Суиндона, а самый большой кусок неба все равно находится по другую сторону Земли.

Когда глядишь на небо, то знаешь, что смотришь на звезды, которые находятся в тысячах

световых лет от тебя. И некоторые из этих звезд уже давным-давно не существуют, потому что их свету понадобилось слишком много времени, чтобы до нас добраться. И сами эти звезды уже мертвы, или взорвались и разрушились, или превратились в красных карликов. И от этого ты сам себе кажешься очень маленьким. И тогда, если у тебя в жизни есть какие-то сложные проблемы, их можно считать *незначительными*. То есть такими маленькими, что их можно не принимать в расчет.

Я не очень хорошо спал, потому что было холодно и земля подо мной была очень неровной, и потому, что Тоби постоянно скребся в своей клетке. Но когда я окончательно проснулся, уже занимался рассвет. Небо было все оранжевое, и голубое, и розовое, и я слышал, как птицы пели то, что называется *утренний хор*. Но я по-прежнему оставался на своем месте и просидел там еще 2 часа и 32 минуты. А потом я услышал, как отец вышел в сад и позвал:

— Кристофер!.. Кристофер?...

Так что я посмотрел по сторонам и нашел старый полиэтиленовый мешок. Он был грязный, и раньше в нем хранились удобрения. И я втиснулся в угол между стеной сарая и забором и

дождевой трубой, запихнул туда же клетку Тоби и свою коробку с едой, а сверху накрылся мешком. Потом услышал, что отец вышел в сад, вынул из кармана свой армейский нож и стиснул его в руке — на случай, если отец нас найдет. И я услышал, как он открыл дверь сарая и заглянул внутрь. И я услышал, как он сказал: «Черт». А потом он начал искать в кустах неподалеку от сарая, и мое сердце застучало быстро-быстро, и я снова почувствовал, как в груди надувается воздушный шар. Я подумал, что отец может заглянуть за сарай, но я не видел, что он делает, поскольку я прятался. Но потом я понял, что отец меня не заметил, так как он ушел из сада.

Некоторое время я сидел неподвижно, а потом посмотрел на часы и обнаружил, что не двигался 27 минут. И тут я услышал, что отец заводит машину. Я понял, что это его машина, поскольку раньше часто слышал ее звук. Она была совсем близко, и я понимал, что это не соседская машина. Потому что у тех людей, что принимают наркотики, — «Фольксваген», у мистера Томпсона из дома № 40 — «Воксхолл-Кавальер», а у людей, которые живут в доме № 34, — «Пежо», и все они звучат иначе.

А услышав, что машина отъезжает от дома, я

решил, что могу выйти из укрытия.

Теперь мне нужно было подумать, что делать дальше, поскольку я больше не мог жить в нашем доме вместе с отцом. Это опасно.

Так что я принял решение.

Я решил, что пойду и постучусь к миссис Ширз, а потом буду жить с ней, — потому что я знал миссис Ширз и она не была чужой. И раньше я у нее уже оставался — когда на нашей стороне улицы отключилось электричество. Я знал, что на этот раз она меня не прогонит, потому что расскажу ей, кто убил Веллингтона, и тогда она поймет, что я — ее друг. И еще она поймет, что я больше не могу жить с отцом.

Я вынул из коробки для еды лакричные палочки, розовую вафлю и последний мандарин, положил их в карман и спрятал коробку под мешком. Потом я взял клетку с Тоби и свое второе пальто и вылез из-за сарая. Я обошел дом, откинул щеколду на садовой калитке и вышел наружу.

На улице никого не было, так что я перешел на другую сторону, подошел к дому миссис Ширз, постучал в дверь и подождал. И стал думать, что я скажу, когда она откроет дверь.

Но она не отрыла дверь, и тогда я постучал еще раз.

А потом я обернулся и увидел, что по улице идут люди. И я испугался, потому что это были те самые люди, которые живут в соседнем доме и принимают наркотики. Так что я схватил клетку с Тоби, обошел дом миссис Ширз и сел рядом с мусорным ящиком, где эти люди не могли меня увидеть.

И теперь мне нужно было решить, что же делать.

И я начал обдумывать все вещи, которые я мог бы сделать, и рассуждать, что будет правильно, а что — нет.

Я решил, что не могу вернуться домой.

И решил, что не могу жить вместе с Шивон, потому что она учительница и не станет присматривать за мной вне школы. Она ведь не друг и не член семьи.

И решил, что не могу поехать к дяде Терри, поскольку он живет в Сандерленде, а я не знаю, как попасть в Сандерленд. И еще мне не нравится дядя Терри, потому что он курит сигареты и гладит меня по голове.

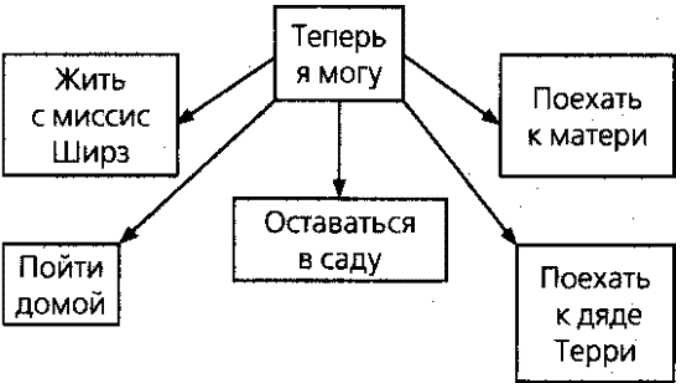
И решил, что не могу пойти жить к миссис Александер, потому что она тоже не друг и не член семьи, пусть даже у нее есть собака. И я не смогу остаться на ночь у нее в доме или восполь-

зоваться ее туалетом, потому что им пользуется миссис Александер, а она — чужая.

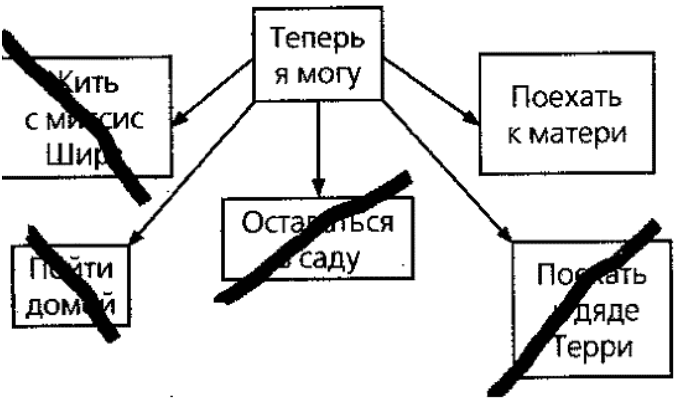
И тогда я подумал, что могу поехать к своей матери, так как она была членом моей семьи. И я знаю, где она живет, потому что помню адрес: 451c Чептер-роуд, Лондон, NW2 5NG. Правда, мать живет в Лондоне, а я никогда раньше не был в Лондоне. Я был только в Дувре, когда мы ехали во Францию, и в Сандерленде, когда навещали дядю Терри, и в Манчестере, когда гостили у тети Руфи, которая болела раком. Только тогда у нее еще не было рака, и мы ездили к ней в гости. А еще я раньше никуда не ходил один — кроме магазина, который находится в конце улицы. И мысль о том, что я отправлюсь куда-то самостоятельно, сильно меня напугала.

Но потом я вспомнил, что иначе мне придется вернуться домой, или остаться там, где я сейчас, или каждую ночь прятаться в саду. И рано или поздно отец меня там найдет. И когда я подумал об этом, мне стало еще страшнее.

Я понял, что ничего не могу сделать, чтобы обезопасить себя. И составил у себя в голове картинку, которая выглядела вот так:



Потом я представил, что перечеркиваю те варианты, которые мне не подходят. Это было похоже на экзамен по математике, когда ты смотришь на вопросы и думаешь, какой из них тебе выбрать. И ты перечеркиваешь те вопросы, на которые не собираешься отвечать, поскольку это значит, что твое решение окончательное и ты не можешь переменить мнение. И это выглядит вот так:



Это значит, что я должен поехать в Лондон и жить с матерью. И я могу отправиться туда на поезде, потому что я очень много знаю о поездах. Я знаю, что нужно посмотреть расписание, потом купить билет, а потом свериться с табло отправления, чтобы выяснить, приехал ли уже нужный поезд. И если он приехал, то нужно пойти на соответствующую платформу и сесть в него. И я могу сесть на поезд на вокзале в Суиндоне, где Шерлок

Холмс и доктор Ватсон останавливались на ланч, кода ехали из Паддингтона в Росс в **«Тайне Боскомской долины»**.

А потом я посмотрел на противоположную стену маленького прохода, который вел к дому миссис Ширз, где я сидел. И увидел круглую крышку от очень старой кастрюли. Она была прислонена к стене и вся покрыта ржавчиной. Она выглядела как поверхность планеты, потому что пятна ржавчины были похожи на очертания стран, континентов и островов.

И тогда я подумал, что я никогда не смогу стать космонавтом, потому что это значит оказаться в сотнях тысяч миль от дома. Поскольку мой дом теперь в Лондоне, он находится примерно в 100 милях отсюда, то это значит, что он в 1000 раз ближе, чем будет мой дом, если я окажусь в космосе. Эти мысли причиняли мне боль. Это напоминало один случай, когда я упал на игровой площадке и порезал колено осколком разбитой бутылки, которую кто-то бросил об стенку. Я содрал лоскут кожи, и мистер Дэвис вынужден был промыть мясо под этим лоскутом дезинфицирующим средством, чтобы убрать грязь и микробов. И это оказалось так больно, что я заплакал. Но на этот раз боль была внутри моей головы. И мне стало

очень грустно, когда я понял, что не смогу стать космонавтом.

И я подумал, что мне нужно быть как Шерлок Холмс и учиться *концентрировать разум усилием воли*, чтобы не замечать, как больно внутри головы.

А потом еще подумал, что если я собираюсь отправиться в Лондон, то мне понадобятся деньги. Мне будет нужна еда, потому что путешествие может оказаться долгим, а я ведь не знаю, как добывать еду. И еще подумал, что нужно найти человека, который согласится приглядеть за Тоби, когда я поеду в Лондон, потому что я не могу взять его с собой.

И тогда я *составил план*. От этого мне стало немного лучше, поскольку у меня в голове образовалось нечто, что имеет порядок и форму, и мне надо просто выполнять инструкции и действовать последовательно.

Я встал и посмотрел, нет ли кого на улице, а потом подошел к дому миссис Александер, который был рядом с домом миссис Ширз, и постучал в дверь.

Миссис Александер открыла дверь и сказала:

— Кристофер, Боже мой, что с тобой стряслось?

А я ответил:

— Не могли бы вы присмотреть за Тоби вместо меня?

Она спросила:

— Кто такой Тоби?

И я сказал:

— Это моя крыса.

А миссис Александер ответила:

— О… О да. Теперь припоминаю. Ты мне говорил.

Тогда я показал ей клетку с Тоби и сказал:

— Вот он.

Миссис Александер сделала шаг назад, чтобы пропустить меня в прихожую.

А я сказал:

— Он ест специальный корм, его можно купить в зоомагазине. А еще он ест печенье, морковку, хлеб, куриные кости. Но ему нельзя давать шоколад, потому что он содержит кофеин и теобромин, которые представляют собой метилксантин и потому в больших количествах ядовиты для крыс. И еще нужно каждый день наливать ему свежей воды. И он не будет возражать против того, чтобы жить в чужом доме, поскольку он животное. Еще он любит выходить из клетки, но, если вы не будете его выпускать, это не страшно.

Тогда миссис Александер спросила:

— А зачем тебе нужно, чтобы кто-нибудь присматривал за Тоби, Кристофер?

Я ответил:

— Я уезжаю в Лондон.

Она спросила:

— И надолго?

Я ответил:

— Пока не поступлю в университет.

Она сказала:

— А ты не можешь взять Тоби с собой?

И я ответил:

— До Лондона далеко, и я не хочу брать его в поезд, потому что он может там потеряться.

Миссис Александер сказала:

— Это верно. — И потом она спросила: — Вы переезжаете?

А я сказал:

— Нет.

Тогда она спросила:

— Так почему же ты едешь в Лондон?

Я ответил:

— Я буду жить с матерью.

Она сказала:

— Ты же говорил мне, что твоя мать умерла.

А я ответил:

— Я думал, что она умерла, но она жива. Отец

обманывал меня. И еще: это он убил Веллингтона.

И миссис Александер сказала:

— О Господи Боже мой!

Я сказал:

— Я буду жить с матерью, потому что отец убил Веллингтона, и он лгал мне, и я боюсь оставаться с ним в доме.

И миссис Александер спросила:

— Твоя мать здесь?

Я сказал:

— Нет. Она в Лондоне.

Она спросила:

— Ты хочешь один поехать в Лондон?

И я ответил:

— Да.

А она сказала:

— Послушай, Кристофер, может, ты зайдешь в дом, присядешь — и мы поговорим? И решим, как лучше всего поступить.

Я ответил:

— Нет. Я не могу зайти внутрь. Вы присмотрите за Тоби?

И она сказала:

— Мне кажется, это не очень хорошая идея, Кристофер.

А я ничего не ответил.

Миссис Александер сказала:

— Где сейчас твой отец, Кристофер?

Я ответил:

— Не знаю.

И она сказала:

— Послушай, может быть, стоит ему позвонить? Я уверена, что он беспокоится о тебе. Мне кажется, произошло какое-то жуткое недоразумение.

Тогда я повернулся и побежал через дорогу, обратно к нашему дому. Я не посмотрел по сторонам, и желтая малолитражка затормозила прямо рядом со мной — так, что шины завизжали по асфальту. А я перебежал на нашу сторону улицы, вошел в сад и заложил за собой щеколду.

Затем я попытался открыть кухонную дверь, но она оказалась заперта. Так что я подобрал кирпич, который лежал на земле, и кинул его в окно. Осколки разлетелись во все стороны, а я просунул руку через разбитое стекло и открыл дверь изнутри.

Я вошел в дом и поставил клетку с Тоби на кухонный стол. Потом побежал наверх, схватил школьную сумку и положил туда немного еды для Тоби, несколько книг по математике, несколько чистых штанов, куртку и чистую рубашку. Потом

спустился, открыл холодильник и положил в сумку пакет апельсинового сока и нераспечатанную бутылку молока. Еще я взял два мандарина, две банки консервированных бобов, пакет сливок и тоже положил в сумку, потому что банки можно вскрыть открывалкой, которая была в моем армейском ноже.

Потом я огляделся и увидел мобильный телефон отца, его бумажник и записную книжку. И я почувствовал, как моя кожа… *холодеет под одеждой* — как у доктора Ватсона в **«Знаке четырех»**, когда он видит на крыше дома Бартоломью Шолто в Норвуде крошечные следы Тонга с Андаманских островов. Я подумал, что отец вернулся и находится где-то в доме. И боль у меня в голове стала гораздо сильнее. Но потом я перебрал картинки в своей памяти и увидел, что его фургона возле дома нет, и значит, он просто забыл телефон, бумажник и записную книжку, когда уезжал. И я взял бумажник и вынул банковскую карточку, потому что так я мог получить деньги. У банковской карты есть PIN-код — это секретный код, который нужно ввести в банкомат, чтобы снять деньги. И отец нигде не записал свой секретный код, хотя люди обычно это делают. Но он просто сказал секретный код мне, потому что

я никогда ничего не забываю. Код был 3558, и я положил карточку себе в карман.

Потом я вынул Тоби из клетки и посадил его в карман пальто, потому что клетка слишком тяжелая, чтобы везти ее с собой в Лондон. А потом я вышел через кухонную дверь обратно в сад.

Я выглянул на улицу, убедился, что никто на меня не смотрит, и пошел к школе. Я туда пошел, потому что знал туда дорогу и думал, что, придя в школу, смогу спросить Шивон, где находится железнодорожный вокзал.

И по мере того как я шел к школе, мне становилось все страшнее и страшнее, поскольку раньше я никогда этого не делал. Но я боялся как бы двумя разными страхами. Один страх — это страх находиться далеко от того места, где я жил, а второй страх — это страх оставаться рядом с отцом. И они были обратно *пропорциональны друг другу*, так что общий страх оставался константой, по мере того как я уходил все дальше от своего дома и от того места, где жил отец. Это выглядело вот так:

Боязнь $_{\text{в целом}}$ ≃ **Боязнь** $_{\text{нового места}}$ x **Боязнь** $_{\text{находиться рядом с отцом}}$ ≃ ≃ **константа.**

Когда я еду на автобусе, я добираюсь от дома до школы за 19 минут. Но когда я прошел то же расстояние пешком, это заняло 47 минут, так что я очень устал. Я надеялся немного побыть в школе, прежде чем отправиться на вокзал: поесть печенья и выпить апельсинового сока. Но в школу заходить было нельзя: когда я подошел поближе, я увидел отцовский фургон, припаркованный на стоянке. Я знал, что это отцовский фургон, потому что на нем была надпись: **«Эд Бун. Ремонт сантехники и нагревательных приборов».** И еще нарисован значок перекрещенных гаечных ключей, вот такой:

И когда я увидел фургон, меня снова вырвало. Но на этот раз я знал, что меня будет тошнить, и поэтому не испачкался. Меня вырвало на стену и

на тротуар, и рвоты было не очень много, потому что я мало ел. А потом мне захотелось свернуться на земле и начать стенать. Но я знал, что если я свернусь на земле и буду стенать, то отец увидит меня, когда выйдет из школы, и увезет домой. Так что я сделал много глубоких вдохов и выдохов, как учила Шивон. И, отсчитав пятьдесят вздохов, я очень сильно сосредоточился на числах и стал возводить их в куб. И от этого мне стало не так больно.

И потом я вытер рвоту с губ и решил, что должен выяснить, как попасть на вокзал. И надо кого-нибудь спросить, лучше женщину. Потому что когда нам в школе рассказывали об опасных незнакомцах, то говорили, что ими бывают мужчины. И я подумал, что нужно найти женщину, поскольку женщины более безопасны.

Так что я вынул свой нож, вытащил лезвие-пилу и опять убрал в карман — в тот, где не было Тоби. Теперь я мог бы ударить того, кто начнет меня хватать. А потом на другой стороне улицы я увидел женщину. Она везла ребенка в прогулочной коляске, рядом шел маленький мальчик с игрушечным слоном. И я решил спросить у нее. На этот раз я посмотрел налево и направо и опять налево — чтобы не попасть под машину. А потом

перешел улицу.

И я спросил женщину:

— Где я могу купить карту?

А она сказала:

— Пардон?

Я повторил:

— Где я могу купить карту?

И я чувствовал, что рука с зажатым в ней ножом начинает дрожать, хотя я ею и не тряс.

А она сказала:

— Патрик, брось немедленно, он же грязный. Карту чего?

Я ответил:

— Карту этой местности.

Она сказала:

— Не знаю. — Потом она спросила: — А куда ты хочешь попасть?

И я сказал:

— На железнодорожный вокзал.

Она засмеялась и сказала:

— Тогда тебе не нужна карта.

А я ответил:

— Нужна, потому что я не знаю, где находится вокзал.

Она сказала:

— Да его отсюда видно.

И я ответил:

— Я его не вижу. И еще мне нужно знать, где там банкомат.

Она указала рукой и сказала:

— Вон. Вот это здание. Со знаком Британской железной дороги наверху. А внизу находится вокзал… Патрик, сколько можно повторять? Я тебе уже тысячу раз говорила: не подбирай ничего с тротуара и не суй в рот.

Я посмотрел в ту сторону, куда она показывала, и увидел здание с надписью наверху. Но оно было слишком далеко, и я не мог прочитать, что там написано. И я сказал:

— Вы имеете в виду это полосатое здание с горизонтальными окнами?

Она ответила:

— Да, именно его.

И я спросил:

— А как туда добраться?

А она сказала:

— Гордон Беннетт. — И потом еще сказала: — Если догонишь вон тот автобус, он тебя привезет куда надо. — И указала на автобус, который отходил от остановки.

Так что я побежал. Но автобусы ходят слишком быстро, а мне нужно было следить, чтобы Тоби

не выпал у меня из кармана. Мне довольно-таки долго удавалось не отстать от автобуса: я пересек 6 перпендикулярных улиц. Но потом автобус повернул, и я больше его не видел.

И тогда я перестал бежать, потому что задыхался и у меня очень болели ноги. Я стоял на улице, где было много разных магазинов, и я вспомнил, что уже бывал здесь, когда мы с матерью ходили за покупками. На улице было множество людей, которые заходили в магазины и выходили из них, но я не хотел, чтобы они меня трогали, так что я отошел на край тротуара. Я не люблю, когда рядом со мной много людей, потому что они очень шумят и ко мне поступает слишком много информации разом, — от этого мне становится трудно думать. Как будто кто-то кричит внутри моей головы.

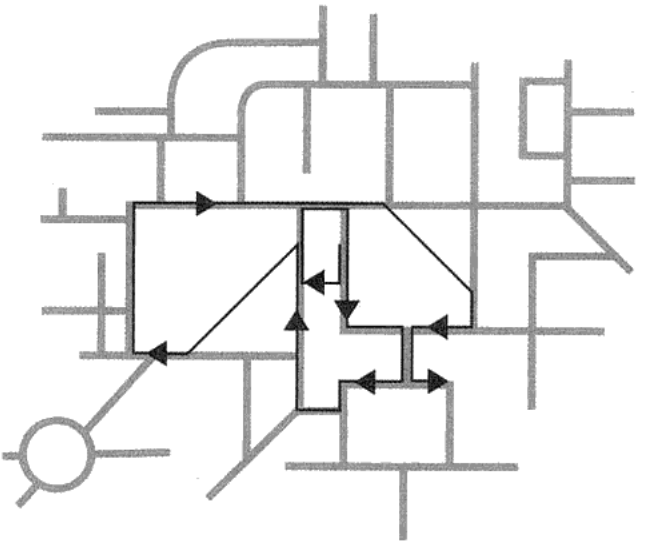
Так что я закрыл уши руками и тихо застонал.

Потом я заметил, что я все еще вижу знак , на который указала мне женщина, и пошел к нему.

А потом знака уже не было видно, и я не запомнил, где он был. И это испугало меня, потому что я потерялся и потому что обычно я ничего не забываю. Обычно я могу составить у себя в голове карту и мысленно отметить красным кре-

стом то место, где я нахожусь, а потом следовать по этой карте. Но сейчас у меня в голове было столько всего перемешано, что я растерялся. Я стоял под бело-зеленой парусиновой крышей около лавки зеленщика. Там в коробках лежали морковки, и лук, и пастернак, и брокколи, а под них были подстелены зеленые меховушки. И я составил план.

Я знал, что вокзал где-то поблизости. А если что-то находится недалеко, то можно это найти, если двигаться по спирали. Нужно идти по часовой стрелке и все время делать поворот направо, пока не придешь в то место, где ты уже был. Потом надо свернуть налево, потом опять все время направо — и так далее. Вот таким образом (это гипотетический план, а не карта Суиндона):



Так я и нашел вокзал. Я стал следовать этим правилам и, по мере того как шел, составлял у себя в голове карту города. Это помогало игнорировать людей и шум вокруг меня.

Я пришел на вокзал.

181

Я вижу все.

Вот почему я не люблю новые места. Если я нахожусь в каком-то месте, где я бывал раньше, — дома, или в школе, или в автобусе, или в магазине, или на улице, я знаю, что там я все видел. И тогда я просто замечаю, если что-то изменилось или передвинулось. Например, однажды в школьном классе со стены упал плакат **«Шекспировский „Глобус“»**. Я это понял, потому что обратно его повесили чуть правее — и слева на стене осталось три маленьких кружочка от кнопок. А на следующей день на нашей улице кто-то написал **«Кукареку»** на фонарном столбе № 437, который находится рядом с домом № 35.

Но по большей части люди ленивы. Они никогда не смотрят на все подряд. Они делают то, что называется *бросить взгляд*. Это как будто их взгляд ударяется обо что-то и продолжает движение дальше, почти в ту же сторону, что и раньше, но не совсем. Вроде как один бильярдный шар ударяется о другой бильярдный шар. И потому у них в голове находится только очень простая

информация. Например, если человек приехал за город, это может выглядеть так:

1. Я стою на траве.
2. По полю ходят коровы.
3. На небе солнце и несколько облаков.
4. В траве видно некоторое количество цветов.
5. В отдалении располагается деревня.
6. В конце поля есть забор, а в нем — ворота.

А потом они перестают что-либо замечать, потому что они начинают думать о чем-то другом, например: «О, здесь очень красиво!» Или: «А выключил ли я газ на кухне?» Или: «Интересно, Джулия уже родила?».[14]

Но если я стою на поле за городом, я замечаю все. Например, я помню, как я стоял на поле в четверг 15 июня 1994 года, потому что мать, отец и я ехали в Дувр, чтобы сесть на паром до Франции. Мы делали то, что отец называл ехать по живописным местам. Это значило, что мы ехали по маленьким дорогам и остановились на ланч в саду паба. А потом мне понадобилось вылезти, чтобы пописать, а неподалеку было поле с коровами. И после того как пописал, я посмотрел на

[14] Примечания: 14
Это все правда, потому что я спрашивал Шивон, о чем думают люди, когда смотрят на разные вещи, и так она мне ответила.

поле. И вот что я заметил:

1. На поле было 19 коров, и 15 из них были черно-белые, а 4 бело-коричневые.

2. В отдалении находилась деревня, и с моего места были видны 31 дом и церковь с квадратной башней и без шпиля.

3. На поле были борозды, и это означало, что в средневековые времена здесь находилось то, что называется *межа*, и люди, которые жили в деревне, должны были проводить эти борозды, чтобы знать, где чья земля.

4. В живой изгороди лежал старый пластиковый пакет, раздавленная банка из-под кока-колы, на которой сидела улитка, и длинный кусок оранжевого шнура.

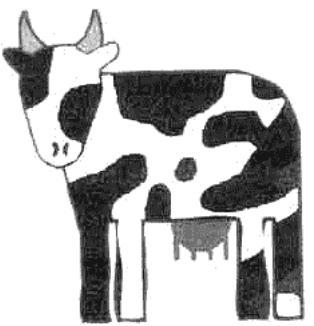
5. Северо-восточный угол поля — самый высокий, а юго-западный — самый низкий (у меня был компас, потому что мы ехали в отпуск и я хотел знать, где находится Суиндон, когда мы будем во Франции). И поле имело легкий уклон вниз от северо-востока, и юго-западный угол оказался несколько ниже, чем мог бы быть, если бы поле было ровным.

6. Я заметил три разновидности травы и цветы двух разных оттенков.

7. Коровы по большей части повернулись мор-

дами в сторону горы.

В этом списке есть еще 30 вещей, которые я заметил, но Шивон сказала, что не надо описывать их все. И это значит, что для меня очень утомительно находиться в новом месте, потому что я вижу все эти вещи. И если потом кто-нибудь меня спросит, как выглядели коровы, я спрошу, которая из них. И потом я мог бы нарисовать их всех и сказать, как были расположены пятна у каждой из них. Вот, например:



И теперь я понимаю, что **в главе 13** сказал неправду. Тогда я сказал, что не могу шутить, но на самом деле я знаю три шутки, которые могу рассказать и понять. И одна из них про корову. А Шивон сказала, что мне не нужно исправлять то,

что я написал в **главе 13**, потому что это не очень важно. Потому что это была не ложь, и потому что теперь я написал пояснение.

А вот шутка про корову.

Трое едут в поезде. Один из них экономист, второй — логик, а третий — математик. И они только что пересекли границу Шотландии (я не знаю, зачем они поехали в Шотландию) и увидели в окно, что на лугу стоит бурая корова (она повернута боком к поезду).

И тогда экономист сказал:

«Посмотрите, в Шотландии водятся бурые коровы».

А логик сказал:

«Нет, мы можем сказать лишь то, что в Шотландии есть, по крайней мере, одна бурая корова».

А математик сказал:

«Нет, мы можем сказать лишь, что в Шотландии есть, по меньшей мере, одна корова, которая является бурой с одного боку».

И это смешно, потому, что экономисты — не настоящие ученые, и потому, что логики мыслят гораздо более четко, но математики — самые лучшие.

И когда я оказываюсь в новом месте, я вижу все и со мной происходит то же самое, что про-

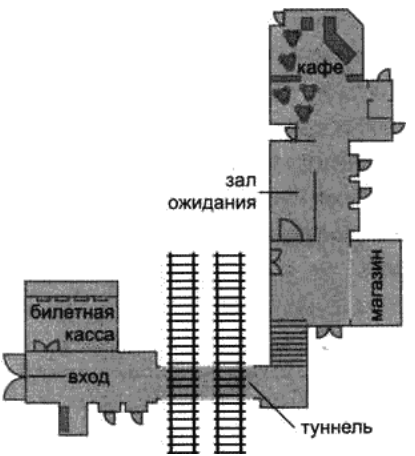
исходит с компьютером, который выполняет много разных операций одновременно. Главный процессор блокируется, потому что у него нет больше памяти. А когда я оказываюсь в новом месте и вдобавок кругом слишком много людей — это еще сложнее. Потому что люди — они не как коровы, или цветы, или трава; они могут разговаривать с тобой и делать разные вещи, которых ты не ожидаешь. Так что тебе приходится замечать все и еще думать о том, что может произойти. Иногда, когда я попадаю в новое место и там много людей, это похоже на сбой в компьютере. Мне приходится зажмуривать глаза, закрывать уши руками и стенать. И это напоминает нажатие клавиш **CTRL** + **ALT** + **DEL**. Это значит, что программы перестают работать, и компьютер выключается и перезагружается. И мне нужно то же самое, чтобы вспомнить, что я делал и что собираюсь делать.

Вот почему я хорошо играю в шахматы и разбираюсь в математике и логике. Потому что большинство людей часто бывают слепы и не замечают очень многих вещей. И поэтому в их головах очень много свободного места и оно заполняется всякими вещами, не связанными друг с другом и глупыми. Вроде: «А выключил ли я газ

на кухне?»

191

Мой игрушечный вокзал представлял собой маленькое здание, состоявшее из двух помещений и коридора между ними. В одном располагалась касса, где можно было покупать билеты, а другое было залом ожидания. Это место, где можно посидеть, если твой поезд еще не пришел. Но вокзал в Суиндоне оказался совсем не таким. Там был туннель, и несколько лестниц, и магазин, и кафе, и зал ожидания. И все это выглядело вот так:



Но это не очень точная карта станции, потому что я был испуган и не слишком хорошо понимал, где что находится. Я нарисовал все так, как запомнил, и это называется *приблизительная схема*.

Я чувствовал себя так, как будто бы стоял на скале, а вокруг дул очень сильный ветер. Голова у меня кружилась, меня подташнивало, потому что вокруг было слишком много людей. Они входили в туннель и выходили из него, весь туннель был заполнен гулким эхом, и в нем пахло туалетом и сигаретами. Так что я встал у стены, рядом с плакатом, который гласил: **«Уважаемые пассажиры! Если вам требуются услуги автостоянки, пожалуйста, обращайтесь по служебному телефону справа от билетной кассы»**. Я ухватился за этот плакат, чтобы не упасть. Мне хотелось пойти домой, но в то же время я боялся идти домой. И я пытался составить план действий, но вокруг было слишком много всего.

Я закрыл уши руками, чтобы не слышать шума и спокойно подумать. Я решил, что должен остаться на вокзале, чтобы попасть в поезд. Хотелось где-нибудь посидеть, но возле входа сесть было негде, так что мне ничего не оставалось, как спуститься в туннель. Поэтому я сказал себе (не вслух, а мысленно): «Я пойду вниз по туннелю, и,

может быть, там найдется место, где можно будет сесть. И тогда я сяду, закрою глаза и подумаю». И я пошел по туннелю, стараясь сосредоточиться на плакате, где было написано: **«Внимание! Работает система скрытого наблюдения»**. И я чувствовал себя так, словно спускаюсь по канату с высокой скалы.

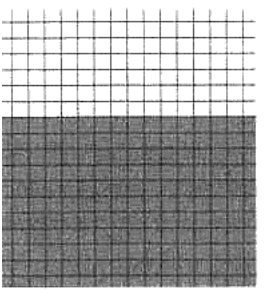
Я дошел до конца туннеля. Там были ступеньки, и я поднялся наверх. Но наверху тоже было очень много людей, и я начал стенать. Потом я увидел магазин и комнату, где стояли стулья. Но в комнате со стульями тоже оказалось много людей, так что я прошел мимо. И я видел разные плакаты: **«Холодное пиво», «Осторожно, пол скользкий», «Ваши 50 пенсов продлят жизнь преждевременно родившегося ребенка на 1,8 секунды», «Изменения в расписании»** и **«Это вкусно! Горячий шоколад со сливками всего за 1,3 фунта», «0870 777 7676», «** **Не курить»** и **«Самый лучший чай»**.

А потом я увидел маленькие столики со стульями. Один столик стоял в углу, и за ним никто не сидел. Так что я сел на стул возле этого столика и закрыл глаза. И засунул руки в карманы, а Тоби забрался по моему рукаву, и я дал ему два шарика крысиной еды. А в другой руке я стиснул свой ар-

мейский нож. И поскольку теперь обе руки у меня были заняты, я больше не мог зажимать уши. И я начал стенать, чтобы заглушить шум, но не слишком громко. Я не хотел, чтобы окружающие это услышали и захотели выяснить, в чем дело.

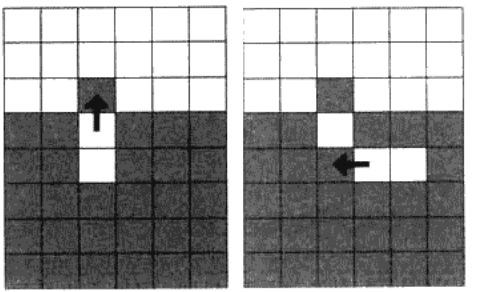
Я попытался подумать, что делать. Но думать не смог, потому что у меня в голове было слишком много других вещей. Так что я начал решать математическую задачу, чтобы немного прочистить мозги.

Задача называлась **«Солдаты Конвея»**. В **«Солдатах Конвея»** есть шахматная доска, которая может быть неограниченно большой, и квадраты на ней раскрашены вот так:

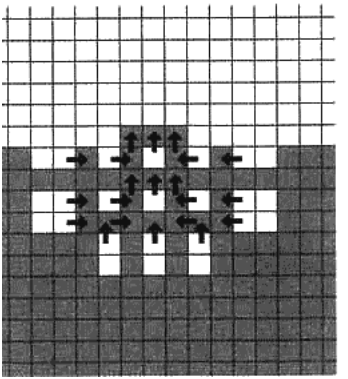


И покрашенную плитку можно передвигать, только если она может прыгнуть через другую

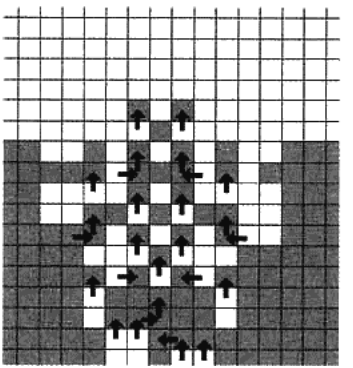
покрашенную плитку горизонтально или вертикально (но не по диагонали), туда, где есть пустой белый квадрат. И когда двигаешь покрашенную плитку таким образом, можно потом передвинуть покрашенную плитку, через которую она перепрыгнула, вот так:



И нужно понять, насколько покрашенные плитки могут отдалиться от изначальной границы, и ты начинаешь делать примерно так:



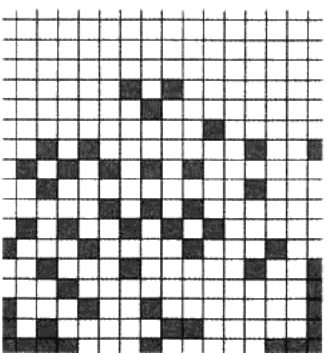
И потом делаешь примерно так:



Я знаю ответ на эту задачу. И я знаю, что, как бы

ты ни передвигал покрашенные плитки, ты никогда не продвинешь покрашенную плитку более чем на четыре квадрата выше первоначальной горизонтальной линии. Но это очень хорошая математическая задача, и можно решать ее в голове, когда не хочется думать ни о чем другом. Ее можно сделать любой степени сложности, какая тебе требуется, потому что доска может быть неограниченно больших размеров, а движения могут представлять любую комбинацию.

И у меня получилось вот что:



А потом я поднял глаза и увидел, что прямо передо мной стоит полисмен. Он спросил:

— Есть кто дома?

Но я не понял, что он имеет в виду.

Потом он спросил:

— С тобой все в порядке, молодой человек?

Я посмотрел на него и подумал, как будет правильнее ответить. И сказал:

— Нет.

А он сказал:

— Ты выглядишь очень утомленным.

У полицейского на пальце было золотое кольцо, а на нем — волнистые буквы, но я не мог разглядеть, что там написано.

Потом он сказал:

— Леди из кафе говорит, что ты сидишь здесь уже 2½ часа, и, когда она попыталась поговорить с тобой, ты был словно в трансе. — Затем он спросил: — Как тебя зовут?

Я сказал:

— Кристофер Бун.

А он спросил:

— Где ты живешь?

И я сказал:

— Рэндольф-стрит, 36.

И мне стало лучше, потому что мне нравятся полицейские и он задавал простые вопросы. И я задумался, сказать ли ему, что отец убил Веллингтона, и арестует ли он тогда отца.

Тогда он спросил:

— Что ты здесь делаешь?

А я ответил:

— Мне нужно было тихо посидеть и подумать.

Он сказал:

— Ладно, давай зайдем с другой стороны. Что ты делаешь на вокзале?

И я ответил:

— Я еду к матери.

Он сказал:

— К матери?

И я ответил:

— Да, к матери.

А он спросил:

— Когда отходит твой поезд?

Я сказал:

— Не знаю. Она живет в Лондоне. И я не знаю, где поезд в Лондон.

И он спросил:

— Стало быть, ты не живешь с матерью?

Я сказал:

— Нет. Но теперь я буду с ней жить.

И тогда он сел рядом со мной и спросил:

— Так где живет твоя мама?

А я ответил:

— В Лондоне.

И он сказал:

— Да-да, но где именно в Лондоне?

Я ответил:

— 451с Чептер-роуд, Лондон NW2 5NG.

А он сказал:

— Боже! А это еще что такое?

Я посмотрел вниз и ответил:

— Это моя ручная крыса Тоби.

Потому что Тоби выглядывал из моего кармана и смотрел на полисмена.

И полисмен сказал:

— Ручная крыса?

И я сказал:

— Да, ручная крыса. Он очень чистый, и у него нет бубонной чумы.

А полисмен сказал:

— Ну, это не подлежит сомнению.

И я сказал:

— Да.

Потом он спросил:

— Ты купил билет?

И я сказал:

— Нет.

А он спросил:

— У тебя есть деньги на билет?

И я сказал:

— Нет.

А он спросил:

— Тогда как же ты собираешься ехать в Лондон?

И я не знал, что ответить, потому что у меня была банковская карточка, взятая у отца, а я знал, что красть вещи — это незаконно. Но со мной разговаривал полицейский, а полицейским нужно всегда отвечать правду. Так что я сказал:

— У меня есть банковская карточка. — И я вынул ее из кармана и показал ему.

И это была белая ложь.

Но полисмен спросил:

— Это твоя карточка?

И тогда я подумал, что он может арестовать меня, и сказал:

— Нет. Это отцовская.

Он переспросил:

— Отцовская?

И я подтвердил:

— Да, отцовская.

И он сказал:

— Понятно.

Но сказал он это очень медленно и потер нос большим и указательным пальцами.

Тогда я прибавил:

— Он сказал мне код.

И это была еще одна белая ложь.

А он спросил:

— Так почему бы тебе не снять в банкомате деньги, а?

Я сказал:

— Вы не должны меня трогать.

А он спросил:

— Зачем мне тебя трогать?

Я ответил:

— Не знаю.

И он сказал:

— Я и не собирался.

А я сказал:

— Я получил предупреждение из-за того, что ударил полицейского, но я не хотел ему повредить. И если я опять это сделаю, у меня будут большие неприятности.

Он посмотрел на меня и спросил:

— Ты это серьезно?

И я ответил:

— Да.

А он сказал:

— Я тебя провожу.

Я спросил:

— Куда?

А он сказал:

— К кассам. — И он показал направление.

И потом мы пошли обратно через туннель, но на этот раз я не так сильно боялся, потому что со мной был полисмен.

И я вставил карточку в банкомат. Отец иногда позволял мне это делать, когда мы вместе ездили за покупками. И в банкомате появилась надпись: **«Введите свой персональный код»**, и я набрал **3558** и нажал «Ввод», и банкомат написал: **«Пожалуйста, введите сумму»**, и там был выбор:

← 10	20 →
← 50	100 →
	Иная сумма

(Допускается сумма, кратная десяти) →

Я спросил полицейского:

— Сколько стоит билет до Лондона?

И он ответил:

— Что-то около двадцати соверенов.

Я спросил:

— Это фунты?

И он сказал:

— Боже мой! — и начал смеяться.

Но я не смеялся, потому что мне не нравится, когда люди надо мной смеются, даже если они полицейские.

А потом он перестал смеяться и сказал:

— Да. Это двадцать фунтов.

Так что я нажал **50**, и из машины выпали пять десятифунтовых бумажек и квитанция, и я положил банкноты, и квитанцию, и карточку в карман.

А потом полицейский сказал:

— Ладно, думаю, мне пора идти.

Я спросил:

— А где можно купить билет на поезд?

Это потому, что если ты потерялся и тебе нужен совет, то можно спросить полисмена.

Он сказал:

— А ты въедливый тип.

А я повторил:

— Где можно купить билет на поезд? — поскольку он не ответил на мой вопрос.

И он ответил:

— Вон там, — и указал на большую стеклянную залу по другую сторону вокзала. И потом он еще сказал: — Ты уверен, что отдаешь себе отчет в

своих действиях?

А я сказал:

— Да. Я еду в Лондон, чтобы жить со своей матерью.

Он спросил:

— У твоей матери есть телефонный номер?

И я сказал:

— Да.

Он спросил:

— А ты можешь мне его назвать?

И я сказал:

— Да. 0208 887 8907.

А он сказал:

— И ты сумеешь позвонить своей матери, если у тебя будут какие-то проблемы, да?

Я ответил:

— Да, — потому что я знал, что можно позвонить из телефонного автомата, если у тебя есть деньги, а деньги у меня были.

И он сказал:

— Ну, ладно тогда.

И я пошел к билетным кассам, а когда обернулся, то увидел, что полисмен все еще стоит и смотрит на меня, и поэтому я чувствовал себя спокойно. А в зале с билетными кассами был длинный стол и окошко. И еще там был мужчи-

на, который стоял перед окошком, и мужчина, который сидел за окошком, и я сказал мужчине за окошком:

— Я хочу поехать в Лондон.

А человек перед окошком сказал:

— С твоего позволения, — и отвернулся, так что оказался ко мне спиной.

А человек за окошком дал ему маленький кусок бумаги, чтобы мужчина его подписал. И он подписал и вернул бумагу обратно в окошко, и человек за окошком дал ему билет. И потом человек перед окошком посмотрел на меня и сказал:

— А ты какого хрена пялишься? — И затем он ушел.

И у него была прическа, состоявшая из множества коротких косичек, как у некоторых чернокожих людей, но он был белый. А косички обозначают, что вы никогда не моете голову, и волосы выглядят как старые веревки. И еще на нем были красные штаны со звездами. А я сжимал в кармане свой нож на тот случай, если бы он ко мне притронулся.

И теперь больше никого не было у окошка, и я сказал человеку за ним:

— Я хочу поехать в Лондон.

И я не боялся, пока я был с полицейским, но

я обернулся и увидел, что теперь он ушел. И тогда мне снова стало страшно, и я постарался вообразить, будто играю в компьютерную игру, которая называется **«Поезд в Лондон»**. И это похоже на **«Мист»** или **«Одиннадцатый час»**, где нужно решать всякие задачи, чтобы перейти на следующий уровень, и я мог выключить ее в любой момент.

А человек спросил:

— Только туда или туда и обратно?

Я сказал:

— Что значит *туда или туда и обратно*?

Он ответил:

— Ты собираешься ехать в один конец или ты хочешь съездить и потом вернуться?

А я сказал:

— Я собираюсь там остаться, когда приеду.

А он спросил:

— И надолго?

Я ответил:

— Пока не поступлю в университет.

И он сказал:

— Значит, в один конец. — И потом он сказал: — Это будет стоить семнадцать фунтов.

И я дал ему пятьдесят фунтов, а он вернул мне обратно тридцать и сказал:

— Мне столько не надо.

И потом он дал мне маленький желто-оранжевый билет и три фунта монетами, и я положил все это в карман, где уже лежал мой нож. А билет мне не понравился, потому что он был наполовину желтый, но мне пришлось оставить его у себя, поскольку это был мой билет на поезд.

И потом человек за окошком сказал:

— А теперь отойди от кассы.

Я спросил:

— Когда поезд в Лондон?

Он посмотрел на свои часы и сказал:

— Платформа 1, через пять минут.

А я спросил:

— Где платформа 1?

А он указал направление и сказал:

— По подземному переходу и вверх по лестнице. Там написано.

И подземный переход означал туннель, потому что я видел, куда указывает человек, и я вышел из здания касс. Но это было совсем не похоже на компьютерную игру, потому что я находился в самом центре всего этого. И все надписи словно кричали у меня в голове, и кто-то толкнул меня, когда проходил мимо, и я издал звук, похожий на собачий лай, чтобы его отпугнуть.

Мысленно я нарисовал на полу большую красную линию, которая начиналась от моих ног и вела через туннель. И пошел по этой красной линии, говоря: «Левой, правой, левой, правой, левой, правой». Это потому, что иногда, когда я испуган или злюсь, мне становится легче, если я использую что-нибудь, что имеет в себе ритм, вроде музыки или барабанного боя. Этому меня научила Шивон.

Я поднялся по лестнице и увидел надпись, которая гласила: **«←Платформа 1»**, и ← указывала на стеклянную дверь, так что я прошел через нее. Меня опять толкнул какой-то мужчина с чемоданом, и я опять издал звук, похожий на собачий лай, а он сказал:

— Смотри, куда прешь.

Но я сделал вид, что он всего лишь один из демонов-стражей в игре **«Поезд в Лондон»**.

А потом я пришел на платформу, и там стоял поезд. И я увидел человека с газетой и сумкой гольф-клуба, который заходил в одну из дверей поезда. И он нажал на большую кнопку рядом с дверями, и от этого они открылись, потому что двери были электронные. И мне это понравилось. А потом двери закрылись за ним.

Я посмотрел на свои часы и увидел, что прошло

3 минуты с тех пор, как я вышел из билетных касс. Это значило, что поезд отходит через 2 минуты.

И тогда я подошел к дверям и нажал на большую кнопку. Двери открылись, и я вошел.

Теперь я был в поезде, который шел в Лондон.

193

Когда я играл со своим игрушечным поездом, я составил расписание поездов, потому что я люблю расписания. А расписания я люблю, потому что мне нравится знать, когда что произойдет.

И когда я еще жил с отцом и думал, что мать умерла от сердечного приступа, у меня был распорядок дня, который тоже — расписание. Вот распорядок дня на понедельник, и он тоже *приблизительный.*

7.20. *Подъем*

7.25. *Умыться и почистить зубы*

7.30. *Покормить Тоби и налить ему свежей воды*

7.40. *Завтрак*

8.00. *Надеть школьную форму*

8.05. *Собрать сумку*

8.10. *Почитать книгу или посмотреть телевизор*

8.32. *Сесть на школьный автобус*

8.43. *Проехать мимо магазина тропических рыб*

8.51. *Приехать в школу*

9.00. *Школьное собрание*

9.15. *Первый утренний урок*

10.30. *Перемена*

10.50. *Урок рисования с миссис Питерс*[15]

12.30. *Ланч*

13.00. *Первый дневной урок*

14.15. *Второй дневной урок*

15.30. *Сесть в автобус до дома*

15.59. *Выйти из автобуса около дома*

15.50. *Выпить соку и поесть*

15.55. *Покормить Тоби*

16.00. *Выпустить Тоби из клетки*

16.18. *Посадить Тоби в клетку*

16.20. *Посмотреть телевизор или видео*

17.00. *Почитать книгу*

18.00. *Выпить чаю*

18.30. *Посмотреть телевизор или видео*

19.00. *Позаниматься математикой*

---

[15] Примечания: 15

На уроках рисования мы занимаемся рисованием, но первый утренний урок, первый дневной урок и второй дневной урок могут быть разными. Мы занимаемся чтением, или проходим тесты, или ухаживаем за животными, или рассказываем, что делали в выходные дни, или занимаемся математикой и правописанием, или осваиваем социальные навыки, когда нам рассказывают об опасных незнакомцах, о деньгах или о личной гигиене.

20.00. *Принять ванну*
20.15. *Переодеться в пижаму*
20.20. *Поиграть в компьютер*
21.00. *Посмотреть телевизор или видео*
21.00. *Выпить соку и поесть*
21.30. *Лечь спать*

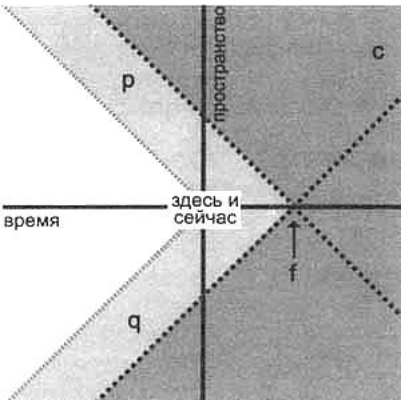
А в выходные я составляю свой собственный распорядок дня, записываю на куске картона и вешаю на стену. Там написаны всякие вещи, вроде: **«Покормить Тоби»**, или: **«Позаниматься математикой»**, или: **«Сходить в магазин за конфетами».** И это одна из причин, почему мне не понравилось во Франции. Потому что когда люди в отпуске, у них нет распорядка дня, и, когда мы были во Франции, я просил мать и отца каждое утро говорить мне, что именно мы будем сегодня делать. И от этого мне становилось лучше.

Потому что время — это совсем не то, что пространство. И если ты оставил где-то какой-то предмет, например транспортир или печенье, то у тебя в голове будет карта местности, и ты сумеешь понять, куда ты что положил. И даже если у тебя нет карты, ты все равно сумеешь отыскать этот предмет, потому что он реально

существует в пространстве. А расписание — это карта времени. И время — это не как сад, или земля, или дорога в школу. Времени будто бы и нет. Потому что время — это просто обозначение того, как изменяются разные вещи, как Земля оборачивается вокруг Солнца, и перемещаются атомы, и тикают часы, и день сменяет ночь, и наступает пора вставать или ложиться в постель. Это похоже на понятия **запад** или **северо-восток**, которые перестанут существовать, когда Земля упадет на Солнце и погибнет. Потому что это всего лишь связь между Северным полюсом и Южным, которая показывает, как соотносятся между собой, например, Могадишу, Сандерленд и Канберра.

И во времени нет фиксированных размеров, вроде расстояния от нашего дома до дома миссис Ширз или соотношения между 7 и 865. Тут все зависит от того, насколько ты разбираешься в том или ином вопросе. И если ты улетаешь на космическом корабле и движешься с околосветовой скоростью, то по возвращении можешь обнаружить, что вся твоя семья умерла, а ты все еще молод и находишься в далеком будущем, хотя, согласно твоим часам, прошло всего лишь несколько дней или несколько месяцев.

И поскольку ничто не может перемещаться быстрее света, мы можем узнать только о части вещей, которые происходят во Вселенной, вот так:



И это схема, которая представляет собой все и везде. Будущее находится справа, а прошлое — слева, а градиент линии **c** — это скорость света. И мы ничего не можем знать о событиях, которые происходят в серой зоне, несмотря на то что некоторые из них уже случились. Но если мы обращаемся к **f**, то можем узнавать о событиях и вещах, которые происходят в более светлых зонах **p** и **q**.

И это значит, что время — тайна, и оно не материально, и никто еще не разгадал, что же это такое на самом деле. И если вы заблудились во времени, это все равно что заблудиться в пустыне, только вы не увидите эту пустыню, потому что она не материальна.

И вот почему мне нравятся расписания. Потому что они внушают уверенность, что вы не заблудитесь во времени.

197

В поезде было много людей, и мне это не понравилось, потому что я не люблю, когда вокруг много незнакомых людей. А в замкнутом пространстве с чужими людьми мне еще хуже. Поезд — это замкнутое пространство, потому что, когда он движется, из него нельзя выйти. И я вспомнил, как однажды ехал домой из школы на машине, потому что автобус сломался. Тогда мать приехала забрать меня, а миссис Питерс попросила ее взять в машину Джека и Полли, потому что их родители не смогли за ними приехать. Мать согласилась. Но в машине я начал кричать, потому что там было слишком много людей, а Джек и Полли — не из моего класса. И Джек часто ударяется головой о разные предметы и издает всякие звуки, будто животное. И я попытался выбраться из машины, но она двигалась слишком быстро, и потому я упал на дорогу, и пришлось накладывать швы мне на голову. Для этого мне сбрили волосы, и они выросли до прежней длины только через три месяца.

Так что я очень тихо стоял в вагоне и не дви-

гался с места.

А потом я услышал, как кто-то сказал:

— Кристофер.

И я подумал, что это какой-нибудь знакомый, например учитель из школы или кто-то с нашей улицы, но я ошибся. Это опять был полисмен.

— Еле успел, — сказал он, очень тяжело дыша, и оперся руками о коленки.

Я ничего не ответил.

Он сказал:

— Твой отец у нас в участке.

Я подумал, он сейчас скажет, что они арестовали отца за убийство Веллингтона, но он этого не сделал.

Он сказал:

— Отец тебя ищет.

И я ответил:

— Я знаю.

А он сказал:

— Тогда почему же ты едешь в Лондон?

Я ответил:

— Потому что я хочу жить с матерью.

А он сказал:

— Ну что ж, я думаю, у твоего отца есть собственное мнение на этот счет.

И тогда я подумал, что он собирается отвести

меня обратно к отцу, и это меня испугало, потому что он был полицейским, а полицейские всегда делают только то, что нужно. Так что я побежал, но он меня схватил, и я закричал. И тогда он меня отпустил. И сказал:

— Ну ладно, давай не будем устраивать здесь бардак. — И потом он еще сказал: — Я отведу тебя в полицейский участок, и там ты, я и твой папа спокойно сядем и поговорим о том, что происходит.

Я сказал:

— Я буду жить с матерью в Лондоне.

А он ответил:

— Не прямо сейчас.

Я спросил:

— Вы арестовали отца?

Он сказал:

— Арестовал? За что?

И я ответил:

— Он убил собаку. Садовыми вилами. Собаку звали Веллингтон.

Полисмен переспросил:

— Он убил собаку?

И я сказал:

— Да. Убил.

А он сказал:

— Ну, это мы тоже обсудим. — И потом он сказал: — Ладно, пацан, я думаю, на сегодня тебе приключений достаточно.

Он протянул руку и опять притронулся ко мне, и я снова закричал, а он сказал:

— Слушай, мартышка, ты будешь делать то, что я тебе говорю, или мне придется…

Тут поезд дернулся и тронулся.

А полицейский сказал:

— Вот дерьмо.

И потом он посмотрел на потолок и сложил ладони перед ртом, как делают люди, когда они молятся Богу, и очень громко задышал, издавая горлом свистящий звук. А потом перестал это делать, потому что поезд опять дернулся, и ему пришлось схватиться за одну из петель, свисавших с потолка.

И он сказал:

— Не двигайся.

А потом вынул свою рацию, нажал на кнопку и сказал:

— Роб?… Да, это Найджел. Я уехал на этом чертовом поезде. Да. Даже не… Слушай, он останавливается в Дидкот-Паркуэй. Так что, если ты отправишь туда кого-нибудь с машиной, чтобы меня встретить… Спасибо. Скажи этому джентль-

мену, что мы задержали его сына, но его еще нужно доставить обратно, а это займет некоторое время. Ладно? Отлично… — Потом он выключил рацию и сказал: — Пойдем присядем, — и указал на два длинных сиденья одно напротив другого. А потом сказал: — Давай приземляйся. И без глупостей, понял?

А люди, которые сидели на этих сиденьях, поднялись и ушли, потому что он был полицейским. И мы сели друг напротив друга.

И он сказал:

— Вот черт.

И я стал думать, поможет ли мне полисмен найти дом № 451с по Чептер-роуд, Лондон, NW2 5NG.

А потом я выглянул в окно. Мы проезжали мимо фабричных зданий и небольших дворов, где стояли старые машины. И там было четыре крытых фургона, две собаки и белье, вывешенное для просушки.

То, что я видел за окном, напоминало карту, только она была трехмерная и очень большая. На самом деле это была не карта, а та самая местность, карта которой составляется. И там было так много разных вещей, что у меня заболела голова, и я закрыл глаза. Но потом я опять их открыл, потому что у меня было такое чувство,

словно я лечу по воздуху — только недалеко от земли. И я подумал, что летать — это хорошо.

А потом начался пригород, и там были поля, коровы, лошади, мост, ферма, дома и много маленьких дорог, по которым ехали машины. И тогда я подумал, что в мире есть тысячи и тысячи миль рельсов для поездов. И эти рельсы проложены мимо домов, и дорог, и рек, и полей. И когда я это понял, я начал думать, как много в мире людей. И у всех есть дома, машины, домашние животные, одежда, и они все едят ланч и спят, и у них есть имена, и для них проложены все эти дороги, по которым можно путешествовать. От этих мыслей у меня опять заболела голова, так что я снова закрыл глаза и начал стенать.

А когда я открыл глаза, то увидел, что полицейский читает газету, которая называется «Сан», и на первой странице была картинка: мужчина и дама в нижнем белье.

И тогда я опять занялся математикой, высчитывая квадратное уравнение по формуле:

$$X = \frac{-b \pm \sqrt{(b^2 - 4ac)}}{2a}$$

А потом мне захотелось в туалет, но я ведь был в поезде. И я не знал, сколько еще ехать до Лондона, и чувствовал, что не могу терпеть. Тогда я начал постукивать костяшками пальцев по стеклу, отбивая ритм, чтобы отвлечься и не думать о том, как мне хочется писать, так что я посмотрел на часы и подождал 17 минут. Но когда я хочу писать, мне нужно сходить в туалет как можно скорее, и поэтому, когда я дома или в школе, я всегда писаю, прежде чем сесть в автобус. И вот почему я упустил немного мочи, и штаны у меня стали мокрыми.

А полисмен посмотрел на меня и сказал:

— О Господи, да ты... — И потом он отложил газету и сказал: — Черт побери! Да сходи ты в туалет, Бога ради!

А я ответил:

— Но я же в поезде.

Он сказал:

— Знаешь ли, здесь есть туалеты.

А я спросил:

— Где туалет в поезде?

Он указал и сказал:

— Вон в ту дверь. Но я буду за тобой приглядывать, понял?

И я сказал:

— Нет, — поскольку я знал, что значит *приглядывать*, но полицейский не сможет меня видеть, пока я буду в туалете.

А он сказал:

— Черт возьми, иди в туалет!

Так что я встал с места и закрыл глаза так, что между моими ресницами остались только совсем маленькие щелки, и я не мог видеть других людей. И я пошел к двери, а когда я вышел, то увидел справа еще одну дверь, и она была полуоткрыта, и на ней было написано: **«Туалет»**, так что я вошел внутрь.

А внутри было просто ужасно, потому что там на сиденье лежали какашки и кругом очень сильно ими пахло — как было в туалете в школе, когда Джозеф там обкакался.

И мне не хотелось пользоваться этим туалетом, потому что все эти какашки принадлежали чужим людям и были коричневого цвета. Но делать нечего, я и в самом деле очень сильно хотел писать. Так что я закрыл глаза и пописал, а поезд трясло и качало, и потому часть мочи попала на сиденье и на пол. Но я вытер свой пенис туалетной бумагой и попытался помыть руки, но кран не работал. Так что я плюнул себе на руки, вытер их бумажным полотенцем и выкинул его

в унитаз.

А потом я вышел и увидел, что напротив туалета находятся две полки, а на них лежат чемоданы и разные сумки. И когда я посмотрел на них, я вспомнил, как дома иногда залезал в сушильный шкаф, и там мне было спокойно, я чувствовал себя в безопасности. И тогда я залез на среднюю полку и поставил один из чемоданов поперек, наподобие двери, так что он закрывал меня. И было темно, и я был совсем один, и я не слышал, как разговаривают люди. От этого мне стало гораздо спокойнее, и это было чудесно.

И я решил еще несколько квадратных уравнений:

$$\mathbf{0 = 437x^2 + 103x + 11}$$

и

$$\mathbf{0 = 79x^2 + 43x + 2089.}$$

Я сделал некоторые коэффициенты очень большими, так что уравнения было трудно решать.

А потом поезд начал замедлять движение, и кто-то вышел из вагона, встал рядом с полкой и постучал в дверь туалета. Это был полисмен, и он сказал:

— Кристофер!.. Кристофер!.. — Потом он открыл дверь туалета и сказал: — Вот дьявол.

Он стоял совсем рядом со мной, так что я видел его рацию и дубинку, которая висела на ремне, и чувствовал запах его лосьона после бритья. Но полицейский меня не видел, и я не откликнулся, поскольку не хотел, чтобы он отвел меня к отцу.

И он ушел очень быстро.

Тут поезд остановился совсем, и я подумал, не Лондон ли это. Но не двинулся с места, поскольку боялся, что полицейский меня найдет.

А потом пришла дама в шерстяном свитере, на котором были нарисованы цветы и пчелы. Она взяла сумку, стоявшую рядом с моей головой, и сказала:

— Что это ты тут сидишь в темноте?

Но я ничего не ответил.

А она сказала:

— Кажется, там, на платформе, тебя кто-то ищет.

Но я продолжал молчать.

И она сказала:

— Ладно, дело твое. — И ушла.

Потом мимо прошли еще три человека, в том числе чернокожий мужчина в длинной белой одежде. Он поставил большой пакет на полку над

моей головой, но меня не увидел.

А потом поезд опять пошел.

199

Люди верят в Бога, потому что мир очень сложный. И люди думают, что всякие сложные вещи, вроде белки-летяги, или человеческого глаза, или мозга не могли возникнуть случайно. Но если бы люди мыслили логически, они бы заметили, что могут задавать этот вопрос только потому, что это уже произошло и они существуют. И во Вселенной есть миллиарды планет, где жизнь так и не развилась, только на тех планетах нет разумных существ, которые могли бы это заметить. Это похоже на то, как если бы все в мире подкидывали монетки и кто-нибудь выбросил бы 5698 орлов подряд. Но были бы еще миллионы людей, которые не выбросили 5698 орлов.

На Земле жизнь возникла благодаря цепочке случайностей. Но эти случайности совершенно особенные, и для того, чтобы появилась жизнь, должно существовать три условия. Вот такие:

1. Организмы должны уметь воспроизводить себя (это называется **репликация**).

2. Когда они это делают, должны происходить небольшие ошибки (это называется **мутация**).

3. Их потомки должны сохранять в себе эти ошибки (это называется **наследственность**).

Эти условия очень редко выполняются, но они возможны, и тогда возникает жизнь. И необязательно, что эти живые организмы будут похожи на носорогов, или на китов, или на людей. Они могут выглядеть как угодно. Но на Земле все произошло именно так, как произошло.

Некоторые люди сомневаются, что, например, глаз возник случайно. Потому что глаз должен был развиться из чего-то другого, очень похожего на глаз; если бы этого не случилось из-за генетической ошибки, то какая была бы польза от половины глаза? Хотя половина глаза тоже полезна, потому что половина глаза означает, что животное увидит половину животного, которое хочет его съесть, и уйдет с дороги. Или оно может съесть животное, которое имеет треть глаза или 49 % глаза, потому что оно не убежало. А животное, которое съели, не сможет иметь детей, потому что оно съедено.

А люди, которые верят в Бога, думают, что Бог поместил людей на Земле, поскольку решил, что человеческие существа — самые лучшие из всех животных. Но люди такие же животные, как и все остальные. И однажды они могут развиться в

других животных, которые будут умнее людей. И те посадят людей в зоопарк, как мы сажаем шимпанзе и горилл. Или люди подхватят болезнь и умрут, или они слишком сильно загрязнят окружающую среду и тем самым убьют сами себя. И тогда в мире останутся только насекомые, и они будут самыми лучшими животными.

211

Я начал думать, не пора ли мне выйти из поезда, потому что, может быть, он уже остановился в Лондоне. А если поезд уедет куда-то еще, то я окажусь в месте, где я никого не знаю.

Потом кто-то пошел в туалет, кто-то из него вышел, но они меня не видели. Я чувствовал запах какашек, но не такой сильный, как внутри туалета.

Я закрыл глаза и решил еще несколько математических задач, и в это время не думал, куда я еду.

Потом поезд снова остановился, и я опять подумал, что нужно слезть с полки, взять свою сумку и выйти. Но я не хотел, чтобы полицейский нашел меня и отвел к отцу, и потому остался на полке, и меня по-прежнему никто не видел.

А потом я вспомнил, что в одном классе в нашей школе на стене висела карта Англии, Шотландии и Уэльса, и на ней было показано, где находятся все города. Я представил ее у себя в голове, и там были Суиндон и Лондон, и вот как она выглядела:

В тот момент, когда поезд отправился из Суиндона, я посмотрел на часы, и тогда было **12.59**. А первая остановка была в **13.16**, то есть через 17 минут. А сейчас было **13.39**, и это значило, что после остановки прошло еще 23 минуты после остановки. И я решил, что мы должны уже подъезжать к морю, если только поезд не сделал большую дугу. Но я не знал, ехал он по большой дуге или нет.

Затем было еще 4 остановки, и 4 человека пришли и взяли сумки с полок, но никто не трогал большой чемодан, который меня закрывал. И только один человек заметил меня. Это был мужчина в костюме, и он сказал:

— А это, черт возьми, что такое?

И еще шесть человек сходили в туалет, но они не какали, поэтому я не чувствовал запаха, и это было хорошо.

А потом поезд остановился. К полкам подошла леди в желтом непромокаемом плаще и взяла большой чемодан. Она спросила:

— Это ты его передвинул?

Я сказал:

— Да.

И она ушла.

Через некоторое время к полке подошел мужчина и сказал:

— Эй, Барри, поди-ка сюда! Глянь: тут поездной эльф.

К нему подошел другой мужчина, встал рядом и сказал:

— Ну, мы оба выпили.

И первый мужчина сказал:

— Может, накормить его орехами?

А второй мужчина сказал:

— Сам ты орехами.

И первый сказал:

— Ладно, пошли. Давай, шевели жопой. Мне нужно выпить пива, а то я вконец протрезвею.

И они оба ушли.

А потом поезд остановился и больше не двигал-

ся, и я ничего не слышал. Так что я решил слезть с полки, взять свою сумку и посмотреть, по-прежнему ли полицейский сидит на своем месте.

Я слез с полки и заглянул за дверь, но полицейского в вагоне не было. Не было там и моей сумки, в которой лежала еда для Тоби, учебники по математике, чистые штаны, куртка, рубашка, апельсиновый сок, молоко, мандарины, сливки и бобы.

Потом я услышал шаги и оглянулся. И увидел полицейского, но не того, что ехал со мной в поезде. Я его увидел через дверь — он шел по соседнему вагону и заглядывал под сиденья. И я решил, что уже не так сильно люблю полицейских, как раньше. И вышел из поезда.

Поезд стоял в огромном помещении, и там было очень шумно. Все звуки многократно отдавались эхом, и мне пришлось опуститься на колени, поскольку я почувствовал, что сейчас упаду. Я стоял на коленях и думал, что делать дальше. И решил идти вперед по ходу поезда, потому что если это действительно конечная остановка, то это значит, что Лондон там, впереди.

Так что я встал на ноги и представил себе большую красную линию на полу. И эта линия вела вдоль поезда, к воротам, которые были в дальнем

конце помещения. И я пошел по линии, говоря:

— Левой, правой, левой, правой, левой, правой, — как уже делал раньше.

И когда я подошел к воротам, какой-то мужчина сказал мне:

— Ты здесь совсем один, сынок? Я думаю, кто-то должен тебя сопровождать.

Я спросил:

— Кто должен меня сопровождать? — И подумал о матери. Я подумал, что, может быть, полицейский из Суиндона позвонил ей по номеру, который я ему назвал.

Но мужчина сказал:

— Полисмен.

Я ответил:

— Я знаю.

И он сказал:

— Хорошо. — И потом он еще сказал: — Тогда ты подожди здесь, а я пойду и позову кого-нибудь. — И направился к поезду.

А я продолжал идти. И опять ощутил, как у меня в груди будто бы надувается шар. Мне стало больно, и я закрыл уши руками, встал у стены маленького магазина, где было написано: **«Бронирование отелей и театральных билетов. Тел.: 0207 402 5164»**, — и начал стенать, чтобы

перекрыть шум. Я оглядел помещение и стал читать надписи, чтобы понять, Лондон ли это. Надписи гласили:

> Кондитерские изделия *Аэропорт Хитроу* Камера хранения *БЫСТРАЯ ЕДА!* Суши Автобусная стоянка В. Г. Смит Мезонин Хитроу-Экспресс Клиника Первый класс Зал отдыха ЖЕЛОБА easyCar.com *Безумный Епископ* Пиво Fuller's London Pride Dixons Низкие цены Паддингтонское пиво на станции Паддингтон Билеты Такси 🚹 🚺 Туалет Первая помощь Истборн Террас ■■jkhgингтон■Выход ***Прэд-стрит*** Лаун *Сюда пожалуйста* Наверх Сэйнсберис ⓘ Информация **Great Western First** Ⓟ Закрыто Магазин Трикотаж Заказ билетов 🚭 Печенье от Милли *Кофе* ФЕРГИ ОСТАЕТСЯ В МАНЧЕСТЕР ЮНАЙТЕД Свежая выпечка Холодные напитки Оплата штрафа Внимание **Пирожки** Платформы 9–14 ***Свежий Кингбургер*** *Кафе-бар* Поездки и туры *Специальное предложение* 75 ЛУЧШИХ АЛЬБОМОВ Ивнинг Стандард

Но через несколько секунд это выглядело вот так:

Кондитероу ☠☠ Камера ❍о Аэропнения БЫСКам ЕДуши Авто-Смит✳сто В Гянка. МезоКлиник ХитроклассПресс Зал от ОБАeasy 🗎🕳 Car. *Епископ*.com✞ Безумное Пи ⊢🗺 LondRride 💣во ller'sxons ❧Низстанцены Паддингтон-Паддингто🗲💻 Билетакси 🏰 Туапом Перощь🏭 ИстПрэд Лаун■■jkhгингтон Ыход-стрит-Террас🏈🖬 СюдаНав 🕮пжалста ◑ерхнсберис ⓘstern✎First рацияКрыто℗ . Триказин 🕘казка лета ✂⊗отКоф ☹ МиллеФЕР ✈ ☠ЧЕРМАН Свежо🔥 Холпи печка 🍺➲одные натки 🕓плашарф ♓Внима ❼ирожк ПлатНИЕ ♍формы свежие 9–14 📻Кин-Бурфебар ⌖ ездкитуры ☠Спецальние75 ложе БОМОВ 🗎Лучше-Стандарт Иви

Это потому, что вокруг было слишком много всего, и мой мозг не работал как следует. И это так сильно меня напугало, что я снова закрыл глаза и медленно досчитал до 50, но больше уже не возводил числа в куб. Я стоял на одном месте. Я опять открыл в кармане свой армейский нож и крепко его сжал, и тогда мне стало немного спокойнее.

Потом я сложил ладонь трубочкой, открыл глаза и посмотрел сквозь эту трубочку так, чтобы

видеть только одну надпись зараз. И через некоторое время я нашел знак «Информация», это было написано над маленьким окошком.

Тут ко мне подошел мужчина. На нем была синяя куртка, и синие брюки, и коричневые ботинки, а в руке он держал книгу. И он сказал:

— Ты что, потерялся?

Так что я вынул свой армейский нож.

А он сказал:

— Ого! Ого!

И он вскинул руки и растопырил пальцы так, как будто хотел протянуть их ко мне и сказать, что он меня любит. Но он поднял сразу обе руки, а отец и мать никогда так не делали, и потому я не понял, что он имел в виду.

А потом мужчина отступил назад и ушел.

Так что я пошел к окошку **«Информация»**. Сердце у меня в груди очень сильно стучало, а в ушах шумело, как будто я был около моря. И, подойдя к окошку, я спросил:

— Это Лондон?

Но за окошком никого не было.

А потом кто-то пришел туда и сел. Это была чернокожая дама с длинными ногтями, покрашенными в розовый цвет, и я спросил:

— Это Лондон?

А она сказала:

— Конечно, милый.

Я сказал:

— Это Лондон?

А она ответила:

— Да-да, он самый.

Тогда я спросил:

— Как мне найти 451c Чептер-роуд, Лондон, NW2 5NG?

Она сказала:

— Это где?

И я сказал:

— 451c Чептер-роуд, Лондон, NW2 5NG. Иногда это пишется как *«451c Чептер-роуд, Уиллзден, Лондон, NW2 5NG»*.

И дама сказала:

— Подземкой до Уиллзден-Джанкшн, милый. Или до Уиллзден-Грин. Это должно быть где-то там.

А я сказал:

— Что такое подземка?

Она сказала:

— Ты это серьезно?

А я ничего не ответил.

И она сказала:

— Вон туда. Видишь большую лестницу с эска-

латорами? Видишь надпись? Написано: «Метро». Сядешь на ветку Бейкерлу до Уиллзден-Джанкшн или на Джубили до Уиллзден-Грин. С тобой все в порядке, милый?

Я посмотрел туда, куда она показывала. Там была широкая лестница, ведущая вниз, внутрь земли. А над ней был нарисован знак:

И я подумал: «*Я могу это сделать.* Потому что до сих пор я все делал правильно, и теперь я в Лондоне, и здесь я найду свою мать». И еще я подумал, что люди — это как коровы на лугу, и нужно просто смотреть прямо перед собой и, мысленно нарисовав красную линию на полу, все время по ней идти.

И я пошел через это просторное помещение в сторону эскалаторов. В кармане я сжимал свой армейский нож, а другой рукой придерживал

Тоби, чтобы точно знать, что он не убежал.

А *эскалаторы* — это такие лестницы, но они двигались, и люди наступали на них, и лестницы везли их вниз. И я засмеялся, потому что никогда раньше ничего подобного не видел. Это напоминало фантастические фильмы про будущее. Но мне не хотелось пользоваться эскалатором, и я пошел по лестнице.

Потом я оказался в более маленьком помещении под землей, где было много людей, и еще там стояли колонны, а у их подножий светились голубые огни. Это мне тоже понравилось, но мне не нравились люди — их было слишком много. А потом я увидел фотокабину, похожую на ту, в которую я заходил 25 марта 1994 года, когда мне нужно было сделать фотографию на паспорт. Я вошел в кабину, потому что она была похожа на сушильный шкаф, и там было спокойно и тихо. Я спрятался за занавеской, а потом выглянул оттуда и стал осматриваться.

Я увидел, что люди суют билеты в серые ворота и проходят сквозь них. Некоторые покупали билеты в больших черных машинах, прикрепленных к стене.

Я долго наблюдал за ними. Я видел, как сорок семь человек купили билеты, и запомнил, что на-

до делать. Потом представил себе красную линию на полу и пошел к стене. На стене висел плакат, а на нем — перечень мест, куда можно ехать, и названия были расположены в алфавитном порядке. Я нашел на нем Уиллзден-Грин, и рядом было написано: «2,20 фунта». Потом я подошел к одной из черных машин, и там увидел маленький экран, где было написано: **«Выберите тип билета»**. Я нажал кнопку, которую нажимали большинство людей. Около нее было написано: **«Один взрослый — 2,20»**, и на экране появилась надпись: **«Опустите 2,20»**, и я опустил в щель 3 монеты по 1 фунту. Раздалось звяканье, и на экране появилась надпись: **«Возьмите билет и сдачу»**. На дне машины лежал билет и монеты в 50 пенсов, в 20 пенсов и в 10 пенсов. Я положил монеты в карман и пошел к серым воротам, засунул билет в щель, его затянуло внутрь, и он выскочил с другой стороны ворот. И кто-то сказал:

— Проходи.

Тогда я опять издал звук, похожий на собачий лай, и пошел вперед. Ворота открылись, и я вынул из них свой билет, как это делали другие. Мне понравились серые ворота, потому что это тоже было похоже на фантастический фильм про будущее.

Потом нужно было решить, в какую сторону идти. Я встал около стены, чтобы люди меня не толкали, а на стене была схема, и я увидел надписи **«Линия Бейкерлу»** и **«Кольцевая линия»**, но нигде не было линии Джубили, о которой говорила дама. Так что я решил сесть на линию *Бейкерлу до Уиллзден-Джанкшн*.

И еще там была схема линии Бейкерлу, и она выглядела вот так:

Я увидел слова **«Уиллзден-Джанкшн»** и пошел туда, куда указывала стрелка. Я прошел через левый туннель, и внизу, посередине туннеля, увидел стенку; люди огибали ее справа и слева и шли дальше. И я опять свернул налево, потому

что туда поворачивал мой туннель. Там были еще одни ворота и надпись: **«Линия Бейкерлу»**. Стрелка указывала на эскалаторы, так что мне пришлось встать на движущуюся лестницу. Там был резиновый поручень, и я ухватился за него. Но он тоже двигался, так что я не упал. А другие люди стояли слишком близко от меня, и мне хотелось их ударить, чтобы они ушли. Но я помнил, что мне вынесено предупреждение, и потому не бил их.

Я спустился к самому низу эскалатора, и мне пришлось с него спрыгнуть. Я пошатнулся и врезался в какого-то человека, и он сказал:

— Эй, полегче!

Внизу было два разных туннеля, и возле одного было написано: **«Север»**, и я пошел туда, потому что **Уиллзден** был в верхней части схемы — там, где на картах всегда находится север.

И я оказался на другой станции, совсем крошечной, и она находилась в туннеле. Там была только одна колея, а стены — выгнутые и покрытые разными надписями. Надписи гласили: **«Выход»**, **«Лондонский музей транспорта»**, **«Настало время выбрать карьеру»**, **«Ямайка»**, **«Британские железные дороги»**, **«Не курить»**, **«Проходите вперед»**, и опять **«Проходите вперед»**, и еще раз

«Проходите вперед», «Куинз-Парк, пересадка», «Хаммерсмит», «Линия Сити» и **«Ты мне ближе, чем моя семья»**.

Там было множество людей, все они толпились на маленькой станции. И поскольку все это находится под землей, то здесь не было даже окон. Мне не понравилась эта станция, так что я нашел сиденье — скамейку — и сел на краешек.

Потом на станцию пришло еще больше людей. И кто-то сел на другой край моей скамейки. Это была дама с черным портфелем, в фиолетовых туфлях и с брошью в виде попугая. А толпа все прибывала, и на станции оказалось даже больше людей, чем на предыдущей. Их стало столько, что я уже не видел стен, и подол чьего-то пальто коснулся моего колена. Меня затошнило, и я начал стенать — очень громко. И дама, которая сидела на скамейке, поднялась и ушла, и больше туда никто не садился. А я чувствовал себя так же, как в тот день, когда у меня был грипп. Тогда я весь день лежал в постели, и у меня все болело, и я не мог ни ходить, ни есть, ни спать, ни заниматься математикой.

А потом раздался лязг, который бывает, когда люди сражаются на мечах. Я ощутил сильное дуновение ветра, послышался рев, и я закрыл

уши руками. А рев звучал все отчетливее, и я стал стенать еще громче, но не мог его заглушить. Мне казалось, что маленькая станция разваливается на куски или же где-то неподалеку произошел сильный пожар и я сейчас умру. Потом рев превратился в грохот и визг и постепенно стал стихать и наконец прекратился совсем. Но я по-прежнему держал глаза закрытыми, потому что так было спокойнее; я не хотел знать, что происходит. Я слышал, как люди двигаются, перемещаются, а потом стало тише, и тогда я открыл глаза. Сначала я ничего не мог разглядеть, потому что людей было все еще слишком много, но потом увидел, что все они заходят в поезд, которого раньше здесь не было. Оказывается, то, что ревело, — это был поезд. Пот собирался где-то у меня под волосами и стекал по лицу. Я уже даже не стенал, а скулил, как собака, которая поранила лапу. И когда я услышал этот звук, то вначале даже не понял, что сам его издаю.

А потом двери поезда закрылись, и состав двинулся. И опять заревел, но на этот раз не так громко. Мимо меня проехали пять вагонов и скрылись в туннеле, который находился в конце маленькой станции.

Я очень сильно дрожал, и мне хотелось вер-

нуться обратно домой. Но вспомнил, что не могу вернуться домой, потому что там отец, который обманул меня и убил Веллингтона. И это значит, что тот дом больше не мой дом. Мой дом теперь находится на 451с Чептер-роуд, Лондон, NW2 5NG. И когда я это осознал, мне стало страшно, потому что мне в голову пришла мысль: *«Я хочу снова оказаться дома»* — применительно к моему прежнему дому, который мне больше домом не был. И я испугался, так как это значило, что мои мозги работают как-то неправильно.

А потом на маленькую станцию опять пришли люди, ее опять заполонила толпа. И снова послышался рев, и я закрыл глаза. Я опять покрылся потом, и меня затошнило, и ощущение надувающегося воздушного шара в груди было таким сильным, что стало трудно дышать. А потом люди ушли, и станция опять опустела. Потом опять наполнилась людьми, пришел еще один поезд, и я опять слышал рев. И опять чувствовал себя так, словно у меня грипп.

Если у тебя ломается компьютер, ты просто вынимаешь штепсель из розетки, и компьютер больше не действует, потому что он как бы спит. И я тоже хотел пойти спать, потому что тогда ни о чем не нужно думать, и я бы не чувствовал, как

мне больно. Но сейчас мне некуда было пойти спать, и я просто сидел на скамейке. И ничего не мог сделать — только сидеть на одном месте, ждать и ощущать боль.

223

И вот еще одно описание, поскольку Шивон говорила, что в книге нужно делать описания. Так что я опишу рекламу, которая была нарисована на стенке поезда и оказалась у меня прямо перед глазами. Вообще-то их было много, но я почти не обращал на них внимания, потому что думал, что умираю. Реклама гласила:

Незабываемый

отпуск ***в Куони,***

Малайзия

А под надписью располагалась большая фотография, изображавшая двух орангутангов. Они висели на ветке, за их спинами виднелись деревья, но листья были расплывчатыми, потому что камера фокусировалась на орангутангах, а не на листьях. Орангутанги находились в движении.

А слово *орангутанг* образовалось из малазийского слова ***ōrangh ̃utan***, что означает *лесной человек*.

Реклама — это картинки или телевизионные ролики, которые нужны, чтобы заставить людей

покупать разные вещи: машины, сникерсы или Интернет-провайдеров. А эта реклама нужна для того, чтобы люди ехали в Малайзию — например, в отпуск. Малайзия — это в Южной Азии, и она состоит из полуострова Малакка, где находятся Сабах, Саравак и Лабуан. Ее столица — Куала-Лампур. Самая высокая точка Малайзии — это гора Кинабалу, которая имеет высоту 4101 метр. Но всего этого в рекламе не было.

Шивон говорит, что люди ездят в отпуск, чтобы увидеть что-то новое и расслабиться. Но я подумал, что вокруг и без того очень много разных вещей. В одном только нашем доме этих вещей так много, что, если думать о каждой из них, это займет годы. И еще: вещи интересуют тебя потому, что о них можно раздумывать, а не потому, что они новые. Например, Шивон показала мне, как можно получить мелодичный звук, если намочить палец и потереть им о край тонкого стакана. А еще можно налить в разные стаканы разное количество воды, и тогда звук каждого из них будет отличаться от предыдущего, потому что у них окажется разная *резонирующая частота*. И на них даже можно сыграть мелодию вроде **«Трех слепых мышек»**. А ведь у многих дома есть тонкие стаканы, но они ничего об этом не знают.

В рекламе говорилось:

Малайзия — истинное лицо Азии.

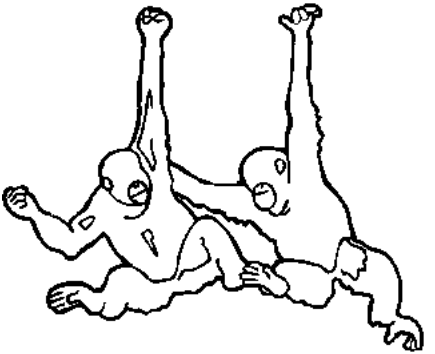
Роскошные и пьянящие ароматы. Малайзия — страна контрастов. Здесь древние традиции соседствуют с красотой природы и ультрасовременными мегаполисами. Прогулки по городу и отдых на жарком пляже — все это Малайзия. Стоимость путевки 575 фунтов.

Позвоните нам по 01306 74700 или посетите наш сайт на www.kuoni.co.uk.

Малайзия — дверь в новый мир.

И там были нарисованы еще три картинки — правда, очень маленькие: дворец, еще один дворец и пляж.

А орангутанги выглядели так:



227

Я долго сидел с закрытыми глазами и не смотрел на часы. А поезда приходили и уходили, и в их движении был ритм — как в барабанном бое. Это было — как считать или говорить: «Левой, правой, левой, правой, левой, правой…» И я повторял у себя в голове: «Поезд приехал. Поезд остановился. Поезд уехал. Тишина. Поезд приехал. Поезд остановился. Поезд уехал». Я представлял, что в мире нет больше ничего, кроме этих поездов. Обычно я не воображаю себе вещи, которые не происходят на самом деле, поскольку это ложь и это пугает меня. Но сейчас я предпочитал воображать то, чего не было, вместо того чтобы смотреть на поезда, приезжающие на станцию и уезжающие с нее. Потому что это было гораздо страшнее.

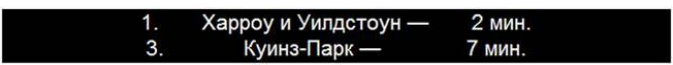
Так что я не открывал глаз и не смотрел на часы; я будто находился в темной комнате с закрытыми шторами. Я ничего не видел, как бывает, когда просыпаешься ночью — и нет ничего, кроме звуков у тебя в голове. И от этого мне стало лучше, потому что я представил, будто маленькой

станции не существует, а я лежу дома в постели и нахожусь в безопасности.

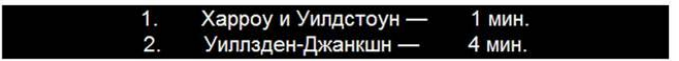
А потом промежутки тишины между двумя поездами начали становиться все дольше и дольше. И я слышал, что раз за разом на станцию приходит все меньше людей. Тогда я открыл глаза и посмотрел на часы. Они показывали 20.07, и это значило, что я сижу здесь уже почти 5 часов. Но эти 5 часов прошли незаметно, разве что у меня болел живот, я проголодался и хотел пить.

Вдруг я понял, что Тоби исчез. У меня в кармане его больше не было, и мне не хотелось, чтобы он убежал, потому что я находился не в доме отца и не в доме матери. Здесь некому его покормить, к тому же он мог запрыгнуть в вагон, уехать на поезде неизвестно куда и пропасть совсем.

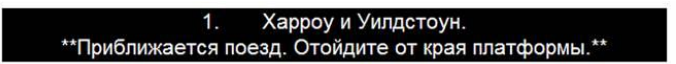
Я поднял глаза и увидел, что на потолке висит большая черная коробка. А на коробке была надпись, и она гласила:



А потом нижняя линия мигнула и исчезла, на ее месте возникла другая надпись, и там было сказано:



А потом надпись снова изменилась и стала вот такой:



И я снова услышал звук, похожий на лязг мечей, и рев приближающегося к станции поезда. Тогда я подумал, что где-то стоит большой компьютер, который знает, где находится каждый из поездов. И передает информацию в черные коробки на

маленьких станциях, чтобы сообщить, когда поезд придет. И мне стало лучше, потому что в этом была упорядоченность и все шло по расписанию.

Очередной поезд подошел к маленькой платформе и остановился. В него вошли пять человек, а потом прибежал еще один и тоже вошел в поезд. А семь человек вышли из поезда. Потом двери автоматически закрылись, и поезд ушел. И когда прибыл следующий поезд, я уже не так боялся, поскольку видел, как появляется надпись: **Приближается поезд**, и знал, что должно произойти.

Потом я решил, что нужно поискать Тоби. На станции оставалось всего три человека, так что я встал и огляделся. Я посмотрел вниз и вверх, заглянул в проход, ведущий в туннель, но Тоби нигде не было. Тогда я подошел к краю платформы и посмотрел вниз, где были рельсы. И там я увидел двух мышей — черного цвета, потому что они были покрыты грязью. Это мне понравилось, поскольку я люблю мышей и крыс. Но Тоби там не было, так что я продолжал его искать.

А потом я увидел Тоби. Он тоже был внизу, на рельсах. Я понял, что это Тоби, потому что он был белый с большим коричневым пятном в форме яйца на спине. И тогда я слез с платформы

на рельсы и пошел к нему. А Тоби ел фантик от конфеты. И кто-то сверху крикнул:

— Боже мой! Ты что творишь?

Я наклонился, чтобы поймать Тоби, но он убежал. Я пошел следом за ним, говоря: «Тоби… Тоби… Тоби…»

И я протягивал к нему руку, чтобы Тоби мог ее понюхать и узнать меня.

Кто-то сверху сказал:

— Блин, вылезай оттуда.

Я поднял глаза и увидел мужчину в зеленом плаще и черных ботинках. А между брюками и ботинками у него виднелись носки, и они были серые, с узором в виде ромбиков.

Я позвал:

— Тоби… Тоби…

Но он опять убежал.

Тогда мужчина в серых носках попытался схватить меня за плечо, но я закричал. А потом до меня донесся звук, похожий на лязг мечей, и Тоби опять начал убегать. Но теперь он бежал в другую сторону, и, когда он оказался у меня под ногами, я схватил его за хвост.

А мужчина в серых носках сказал:

— Господи! О Господи!

А потом до меня донесся рев. Я поднял Тоби и

схватил его обеими руками, но он укусил меня за большой палец. Из пальца потекла кровь, и я закричал, а Тоби попытался выпрыгнуть у меня из рук.

Рев становился все громче. Я обернулся и увидел, что из туннеля приближается поезд, и сейчас он переедет меня, и я погибну. Так что я попытался забраться на платформу, но она оказалась слишком высокой, а руки у меня были заняты, потому что я держал Тоби.

А мужчина в серых носках схватил меня и потащил вверх. Я закричал, но он меня не отпустил и продолжал тянуть. Он вытащил меня на платформу, и мы оба упали. Я продолжал кричать, потому что он очень сильно стиснул мне плечо, мне было больно. Потом к станции подошел поезд, а я вскочил и побежал обратно к скамейке. И посадил Тоби в карман пальто. Он сидел там очень тихо и не шевелился.

А мужчина в серых носках подошел ко мне и сказал:

— Что за херню ты здесь устроил?

Я ничего не ответил.

Тогда он спросил:

— Зачем ты это сделал?

Двери поезда открылись, из них начали вы-

ходить люди, и среди них была леди, которая подошла к нам и встала рядом с мужчиной в серых носках. У леди был гитарный футляр, похожий на тот, что есть у Шивон.

Я ответил:

— Я искал Тоби. Это моя ручная крыса.

А мужчина в серых носках сказал:

— Блин… Вот блин.

Леди с гитарным футляром спросила:

— С ним все в порядке?

А мужчина в серых носках сказал:

— С ним-то? По чистой случайности. Господи Боже мой! Ручная крыса! О черт, мой поезд. — Он побежал к поезду, ткнулся в закрывшиеся двери, и поезд ушел, а мужчина в серых носках сказал: — Блин.

Леди с гитарным футляром спросила:

— С тобой все в порядке?

Она притронулась к моей руке, и я опять закричал.

А она сказала:

— Тихо-тихо-тихо.

На футляре у нее была наклейка, и вот такая:

Я сидел на полу, так что леди опустилась на одно колено и спросила:

— Я могу тебе чем-то помочь?

И если бы она была учительницей из нашей школы, я бы ответил: «Где найти 451с Чептер-роуд, Уиллзден, Лондон NW2 5NG?» Но леди была чужой, так что я сказал:

— Отойдите подальше от меня, — потому что мне не нравилось, что она стоит так близко. И еще я сказал: — У меня есть нож, а в нем лезвие-пила, и им можно отрезать пальцы.

А леди ответила:

— Ладно, парнишка. Я думаю, что твой ответ можно расценивать как «нет».

Она поднялась на ноги и ушла.

А мужчина в серых носках сказал:

— Да он сумасшедший. Боже ты мой…

Он прижимал к лицу носовой платок, и на платке была кровь.

А потом пришел еще один поезд. Мужчина в серых носках и леди с гитарным футляром вошли в него и уехали.

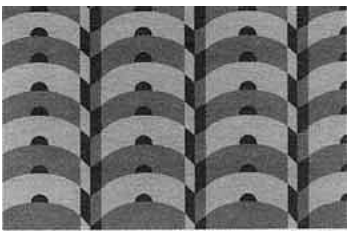
Потом я пропустил еще восемь поездов и решил, что мне тоже нужно сесть в поезд и подумать, что делать дальше.

Так что я вошел в следующий поезд. А Тоби опять попытался выбраться из кармана, поэтому я вынул его и стал держать в руке.

В вагоне было одиннадцать человек, и мне не нравилось находиться в замкнутом помещении и в туннеле вместе с одиннадцатью людьми, так что я сосредоточился на предметах в вагоне. И там была реклама: **«53 963 коттеджа для отдыха в Скандинавии и Германии»**, **«Витабиотики»**, **«3435»** и **«За фальшивый билет штраф 10 фунтов»**, **«Золото и Бронза»**, **EPBIC**, **«Пососи мой шланг»**, ⚠ **«Осторожно, двери закрываются автоматически»**, **CON IC** и **«Поговори с миром»**.

А на стенах вагона был узор, который выглядел вот так:

На сиденьях тоже был узор, и он выглядел вот так:



Поезд сильно качался из стороны в сторону, и мне пришлось взяться за поручень. А потом мы въехали в туннель, и стало очень шумно. Я закрыл глаза и почувствовал, что кровь бьется в жилах на шее сбоку.

А потом мы выехали из туннеля и оказались на другой маленькой станции, которая называлась Уорвик-авеню. Название было написано на стене большими буквами, и мне это понравилось, поскольку я предпочитаю знать, где нахожусь.

На всем пути до Уиллзден-Джанкшн я засекал время, за которое поезд преодолевал переезд от станции до станции, и все временные отрезки делились на 15, вот так:

Паддингтон 0.00
Уорвик-авеню 1.30
Мейда-Вейл 3.15
Килберн-Парк 5.00
Куинз-Парк 7.00
Кенсал-Грин 10.30
Уиллзден-Джанкшн 11.45

Потом поезд остановился на **Уиллзден-Джанкшн**, двери автоматически открылись, и я вышел из вагона. А затем двери закрылись, и поезд ушел. Все люди, которые тоже вышли из поезда, направились вверх по лестнице и по мосту, и скоро на станции осталось только два человека. Один из них был пьяный, у него были коричневые пятна на пиджаке и ботинки от разных пар. Он что-то пел, но я не мог разобрать слов. А второй мужчина был индус. Он сидел за маленьким окошком в стене, и это был магазин.

Мне не хотелось ни с кем общаться, потому что я устал и проголодался, и сегодня я уже достаточно разговаривал с чужими. Незнакомцы опасны,

и чем больше ты с ними общаешься, тем больше вероятность, что случится какая-нибудь беда. Но я не знал, как попасть на 451с Чептер-роуд, Уиллзден, Лондон NW2 5NG, и вынужден был кого-нибудь спросить.

Так что я подошел к человеку в маленьком магазине и сказал:

— Где 451с Чептер-роуд, Уиллзден, Лондон MW2 5NG?

А он взял маленькую книгу, протянул мне и сказал:

— Два девяносто пять.

Книга называлась **«Весь Лондон. Атлас улиц. География города».**

И мужчина в магазинчике спросил:

— Так покупаешь или нет?

Я ответил:

— Не знаю.

Он сказал:

— Тогда убери от нее свои грязные пальцы, лады? — И забрал у меня книгу.

А я спросил:

— Где находится 451с Чептер-роуд, Уиллзден, Лондон NW2 5NG?

Мужчина ответил:

— Так ты купи лондонский атлас. Там все напи-

сано. Я тебе не энциклопедия.

Я спросил:

— Это лондонский атлас? — и указал на книгу.

А он ответил:

— Нет. Это зеленый крокодил.

Тогда я опять спросил:

— Это лондонский атлас? — потому что книга была непохожа на крокодила, и я решил, что неверно понял мужчину, поскольку у него был акцент.

И он сказал:

— Да, это лондонский атлас.

Я спросил:

— Можно его купить?

А продавец ничего не ответил.

Тогда я снова спросил:

— Можно его купить?

И он сказал:

— Два девяносто пять, но деньги вперед. Наскребешь? — И тогда я понял, что он имел в виду 2,95 фунта, когда говорил *два девяносто пять*.

Я вытащил деньги и заплатил ему 2,95, а он дал мне взамен книгу, и это было точно так же, как в магазине в Суиндоне. Я отошел и сел на пол возле стены — подальше от мужчины в грязной одежде, который тоже сидел привалившись к

стене. И открыл книгу.

В книге была большая карта Лондона и разных его частей: **Эбби-вуд, Поплар, Актон, Станмор**. И я увидел заголовок: **КЛЮЧ К СТРАНИЦАМ**. Карта была покрыта координатной сеткой, и каждый квадрат был помечен двумя разными числами. Уиллзден находился в квадрате **42** и **43**. Я решил, что числа — это номера страниц, где можно найти нужный участок Лондона. Карта была разделена на равные части и помещена на разных страницах — так, чтобы все это можно было оформить в виде книги. И мне это понравилось.

Но Уиллзден-Джанкшн не было на страницах 42 и 43, и тогда я начал искать его по спирали — так же, как искал вокзал в Суиндоне. Только на этот раз я не шел ногами, а водил пальцем по карте.

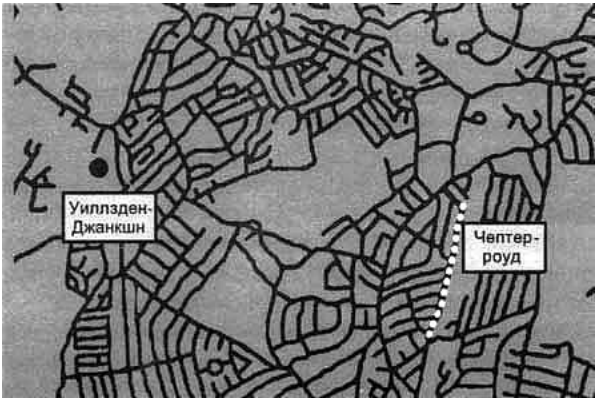
А мужчина в разных ботинках встал передо мной и сказал:

— Большая шишка. О да. Ни за что. Проклятый враль. Проклятый долбаный враль.

Потом он ушел.

Я долго искал Чептер-роуд, потому что ее не было на странице 58. Она оказалась на странице 42, в квадрате 5C.

Вот как выглядят улицы между Уиллзден-Джанкшн и Чептер-роуд:



И вот как я должен был идти:

Так что я поднялся по лестнице, прошел по мо-

сту, вставил свой билет в серые ворота и вышел на улицу. Там стоял автобус и большие машины с надписью: **«Английские, шотландские и уэльские железные дороги»**, но они были желтыми. Я посмотрел по сторонам и увидел, что уже стемнело, но кругом было множество ярких огней. Я слишком долго не был на свежем воздухе и теперь почувствовал тошноту. Так что мне пришлось прикрыть ресницы, чтобы видеть только дорогу. И я знал, что мне нужно идти по улице **Оук-лейн**.

Шивон говорила, что необязательно описывать все происходящее. Достаточно описать вещи и события, которые показались мне интересными.

Я пришел на 451с Чептер-роуд, Лондон NW2 5NG, и это заняло у меня двадцать семь минут. Я нажал кнопку звонка, возле которого было написано: **«Квартира С»**, но мне никто не ответил. А единственная интересная вещь, которая мне встретилась по дороге, — это группа из восьми мужчин, одетых в костюмы викингов и шлемы с рогами, и все мужчины громко кричали. Но это были не настоящие викинги, поскольку викинги жили примерно 2000 лет назад.

А потом мне опять понадобилось пописать, так что я свернул в проход возле автосервиса,

который назывался **Burdett Motors** и который был закрыт. Мне не нравилось то, что я делаю, но, с другой стороны, не хотелось снова намочить штаны.

Больше ничего интересного не было.

Я решил подождать снаружи и очень надеялся, что мать не уехала в отпуск. Поскольку это означало бы, что она может отсутствовать больше недели. Но я старался об этом не думать, потому что не мог вернуться в Суиндон.

Так что я сел на землю около мусорных баков — в маленьком сквере перед 451с Чептер-роуд, Лондон NW2 5NG, а рядом рос большой куст. Потом в сквер пришла дама, она несла ящик с металлической решеткой вместо одной из стенок и с ручкой сверху. Такие ящики люди используют, когда нужно, к примеру, отвезти кошку к ветеринару, но я не разглядел, была ли там кошка. А на ногах у дамы были туфли с высокими каблуками, и она меня не заметила.

Потом начался дождь. Я промок и начал дрожать, поскольку мне стало холодно.

В 23.32 я услышал голоса людей, идущих по улице.

Один голос сказал:

— Мне плевать, кажется тебе это смешным

или нет.

Это был женский голос.

И еще один голос ответил:

— Джуди, послушай. Я прошу прощения.

Это был мужской голос.

А женский голос сказал:

— Что ж, может, тебе стоило подумать, прежде чем выставить меня полной идиоткой.

И тогда я понял, что женский голос — это голос матери.

Потом мать вошла в сквер, а с ней был мистер Ширз — второй голос принадлежал ему.

Тогда я встал на ноги и сказал:

— Тебя не было дома, поэтому я тебя ждал.

Мать сказала:

— Кристофер.

А мистер Ширз сказал:

— Что?

А мать обняла меня и повторяла:

— Кристофер. Кристофер. Кристофер.

Но я оттолкнул ее, потому что она ко мне прикоснулась. И я так сильно подался назад, что упал на землю.

И мистер Ширз спросил:

— Дьявол, что здесь происходит?

А мать сказала:

— Прости меня, Кристофер. Я забыла.

Я лежал на земле. Мать подняла правую руку и растопырила пальцы так, чтобы я мог соприкоснуться с ней подушечками, но тут я заметил, что Тоби выпрыгнул у меня из кармана, и нужно было его ловить.

А мистер Ширз сказал:

— Полагаю, это означает, что Эд тоже где-то здесь.

Сквер был окружен стеной, так что Тоби не сумел далеко убежать. Он тыкался в угол стены, но не мог залезть по ней достаточно быстро. Поэтому я схватил его, засунул обратно в карман и сказал:

— Он голодный. У тебя есть какая-нибудь еда, которая ему подходит? И еще нужно немного воды.

А мать спросила:

— Кристофер, где твой отец?

Я ответил:

— Думаю, он в Суиндоне.

И мистер Ширз сказал:

— Ну, слава Богу.

А мать спросила:

— Но как же ты сюда попал?

От холода мои зубы начали стучать друг об

друга, и я никак не мог это остановить. Я сказал:

— Я взял бумажник отца и вынул оттуда банковскую карту. И мне помог полисмен, но потом он хотел отвести меня обратно к отцу. Полисмен был со мной в поезде, а потом его там не было.

И мать сказала:

— Кристофер, да ты весь дрожишь. Роджер, ну что ты стоишь… — А потом она сказала: — Боже, Кристофер… Я не… Я просто подумать не могла… Почему ты приехал сюда… один?

А мистер Ширз сказал:

— Ну, что, может, войдем внутрь? Или так и будем торчать здесь всю ночь?

Я сказал:

— Я буду жить с тобой, потому что отец убил Веллингтона садовыми вилами, и я его боюсь.

А мистер Ширз сказал:

— Ну ни фига себе.

И мать сказала:

— Роджер, я тебя умоляю. Пошли в дом, Кристофер, ты же весь мокрый.

Так что я встал с земли, а мать сказала:

— Иди за Роджером.

И я пошел за мистером Ширзом вверх по лестнице, на лестничную площадку и к двери, на которой было написано: «Квартира С». Мне было

страшно входить в квартиру, поскольку я не знал, что там внутри, но мать сказала:

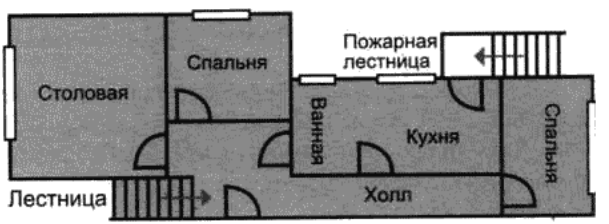
— Заходи быстро, не то околеешь от холода.

Я не знал, что такое *околеешь*, и вошел внутрь.

Потом мать сказала:

— Я приготовлю тебе ванну.

А я начал обходить квартиру, поскольку мне нужно было составить в голове карту, чтобы чувствовать себя в безопасности. А квартира выглядела вот так:



Мать велела мне снять одежду и залезть в ванну. Она дала мне полотенце, фиолетовое с зелеными цветами по краям, и сказала, что я могу его использовать. Еще она налила в блюдце воды для Тоби и дала ему немного овсяных хлопьев. Я выпустил Тоби, так что он мог свободно бегать по ванной комнате, и он накакал на полу под раковиной. Я собрал какашки и выбросил в унитаз, а

потом опять залез в ванну, потому что там было хорошо и тепло.

Потом мать пришла в ванную, присела на краешек унитаза и сказала:

— Ты в порядке, Кристофер?

Я ответил:

— Я очень устал.

А она сказала:

— Я понимаю, милый. — И потом она еще сказала: — Ты очень смелый.

Я ответил:

— Да.

А она сказала:

— Ты так ни разу и не написал мне.

Я ответил:

— Знаю.

Она спросила:

— Почему ты не писал мне, Кристофер? Я посылала тебе письма. Я стала уже думать, что произошло что-нибудь ужасное или что вы переехали и я никогда больше вас не найду.

И я ответил:

— Отец сказал мне, будто ты умерла.

Она спросила:

— Что-что?

Я ответил:

— Он сказал, что ты легла в больницу, потому что у тебя плохо с сердцем. И потом у тебя случился сердечный приступ, и ты умерла. И он держал все эти письма у себя в шкафу в спальне, в ящике для рубашек. Я их обнаружил, потому что искал книгу про убийство Веллингтона, которую я писал. И отец не показывал мне эти письма, а прятал их в ящик для рубашек.

И мать сказала:

— О Боже мой!..

Потом она долго ничего не говорила, а издавала протяжные скулящие звуки, как какое-нибудь животное в программе о природе, которые показывают по телевизору.

Мне это не понравилось, поскольку звуки были слишком громкими, и я спросил:

— Зачем ты так делаешь?

Мать некоторое время ничего не отвечала, а потом сказала:

— О, Кристофер, прости меня.

Я ответил:

— Ты не виновата.

И тогда она сказала:

— Ублюдок. Какой же ублюдок! — И потом, через некоторое время, она еще сказала: — Кристофер, позволь подержать тебя за руку. Один

раз. Ради меня. Пожалуйста. Я не буду сильно сжимать. — И она протянула руку.

А я сказал:

— Мне не нравится, когда люди меня трогают.

И тогда она убрала руку и сказала:

— Ладно. Нет. Все в порядке. — А потом она сказала: — Давай-ка вынем тебя из ванны и вытрем, ладно?

Я вылез из ванны и вытерся фиолетовым полотенцем. Но здесь не было ни одной пижамы, так что я надел белую футболку и желтые шорты. Они принадлежали матери, но я не стал возражать, потому что очень устал. А пока я одевался, мать пошла на кухню и подогрела немного томатного супа, потому что он был красного цвета.

Потом я услышал, что кто-то открывает дверь квартиры, и послышался странный мужской голос, так что я запер дверь ванной. И снаружи был слышен спор, и мужской голос сказал:

— Мне нужно с ним поговорить.

А мать ответила:

— Ему уже достаточно на сегодня.

Мужчина сказал:

— Я понимаю. Но мне необходимо с ним переговорить.

Тогда мать постучалась в дверь и сказала, что

пришел полисмен, который хочет со мной поговорить. Еще она сказала, что не позволит ему меня забрать, и дала слово. Так что я взял Тоби и открыл дверь.

И там стоял полицейский. Он спросил:

— Ты Кристофер Бун?

Я это подтвердил.

И он сказал:

— Твой отец утверждает, что ты убежал из дому. Это правда?

Я ответил:

— Да.

Тогда полицейский спросил:

— Это твоя мама? — И он указал на мать.

Я сказал:

— Да.

А он спросил:

— Почему ты убежал?

Я ответил:

— Потому что отец убил собаку по имени Веллингтон. И я его боюсь.

Полицейский сказал:

— Да, так мне и объяснили. — И потом он сказал: — Не хочешь ли вернуться в Суиндон к отцу? Или ты предпочитаешь остаться здесь?

Я ответил:

— Я останусь здесь.

Тогда он сказал:

— А вы что об этом думаете?

А я ответил:

— Я хочу остаться здесь.

И полисмен сказал:

— Помолчи. Я обращаюсь к твоей маме.

А мать сказала:

— Он сказал Кристоферу, что я умерла.

И полисмен ответил:

— Так… Ладно. Давайте не будем препираться и выяснять, кто что кому сказал. Я лишь хочу знать, не возражаете ли вы, чтобы…

Мать ответила:

— Разумеется, он может остаться.

Тогда полицейский сказал:

— Ну, раз так, мне здесь больше делать нечего. Эта проблема вне моей компетенции.

Я спросил:

— Вы хотите увезти меня обратно в Суиндон?

И он сказал:

— Нет.

И я был счастлив, потому что теперь мог жить с матерью.

А полицейский сказал:

— Если ваш муж будет вести себя агрессивно,

достаточно позвонить нам. В ином случае это ваше личное дело.

Затем полицейский ушел, а я стал есть свой томатный суп. Мистер Ширз вытащил из свободной комнаты какие-то коробки, надул матрас и положил его на пол. Я лег на этот матрас и уснул.

А проснулся я оттого, что в комнате кричали люди, и времени было 2 часа 31 минута ночи. Один из голосов принадлежал отцу, и я испугался. Но на двери комнаты был замок.

Отец кричал:

— Я буду разговаривать с ней, нравится тебе это или нет! И ты не имеешь права мне указывать, как себя вести, черт возьми!

Мать кричала:

— Роджер, не надо, перестань!..

А мистер Ширз кричал:

— Я не позволю, чтобы со мной разговаривали подобным тоном! Да еще в моем собственном доме…

Отец кричал:

— Я буду с тобой разговаривать так, как ты того заслуживаешь!

А мать кричала:

— Ты не имеешь права сюда вторгаться!

Отец кричал:

— Не имею права? Не имею права? Он мой сын, черт возьми! Или ты забыла?

А мать кричала:

— Боже мой! О чем ты думал, когда говорил ему всю эту чушь?

Отец кричал:

— О чем я думал? Это ты его бросила, черт возьми!

И мать кричала:

— И ты решил просто-напросто вычеркнуть меня из его жизни?

А мистер Ширз кричал:

— Давайте успокоимся! Все.

Отец кричал:

— Ну, что ж, ты добилась, чего хотела!

И мать кричала:

— Я писала ему каждую неделю! Каждую неделю!

Отец кричал:

— Писала ему? Какая на хрен польза от твоих писем?

А мистер Ширз кричал:

— Черт! Вот черт!

И отец кричал:

— Я для него готовил! Я его обстирывал! Я проводил с ним все выходные! Я за ним ухаживал,

когда он болел! Я водил его к врачу! Я места себе не находил, когда он где-то шлялся по ночам! Я ездил в школу каждый раз, когда он устраивал драку! А ты? Написала ему несколько гребаных писем?

А мать кричала:

— И ты решил, что это нормально — вот так вот просто взять и сказать, что его мама умерла?

А мистер Ширз кричал:

— Сейчас не время!

Отец кричал:

— А ты вообще заткни пасть, или я!..

И мать кричала:

— Эд, ради Бога!..

А отец сказал:

— Я хочу его видеть. И если вы попробуете меня остановить…

И потом он вошел ко мне в комнату. Но я уже держал свой армейский нож с обнаженным лезвием-пилой — на случай, если он попытается меня схватить.

Мать тоже вошла в комнату и сказала:

— Все в порядке, Кристофер. Я не позволю ему ничего сделать. Все будет хорошо.

А отец опустился, на колени около кровати и сказал:

— Кристофер?

Но я не ответил.

Тогда он сказал:

— Кристофер, пожалуйста… пожалуйста, прости меня. За все. За Веллингтона. За письма. За то, что вынудил тебя сбежать. Я не хотел… Я обещаю, что больше никогда ничего такого не сделаю. Эй! Ну давай же, малыш!

И он поднял правую руку и растопырил пальцы так, что я мог коснуться подушечек. Но я этого не сделал, потому что мне было страшно.

И отец сказал:

— Черт… Кристофер, пожалуйста.

И я увидел, что у него по лицу текут слезы.

Некоторое время все молчали, а затем мать сказала:

— Я думаю, тебе лучше уйти.

Но она это сказала отцу, а не мне.

И потом пришел полисмен, поскольку мистер Ширз позвонил в полицейский участок. Полицейский велел отцу успокоиться и увел его из квартиры.

А мать сказала:

— Спи. Все будет хорошо, я обещаю.

И тогда я снова уснул.

229

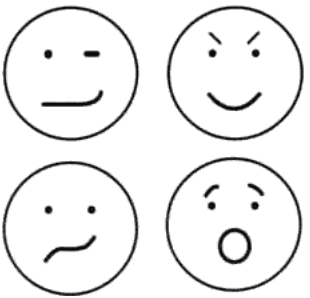
Когда я спал, мне приснился один из моих любимых снов. Иногда я вижу его днем, но тогда это называется не сон, а грёзы. Но и по ночам он мне тоже часто снится.

И в этом сне почти все на земле мертвы, потому что заразились вирусом. Но это похоже не на обычную болезнь, а скорее на компьютерный вирус. Люди заражаются, если слышат, что говорят заболевшие, и видят выражение их лиц. Таким образом человек может заразиться, даже если просто увидит носителя болезни по телевизору, а это значит, что вирус распространяется очень быстро и охватывает весь мир.

И если человек подхватил вирус, то он просто сидит на диване и ничего не делает. Он перестает есть и пить и в конце концов умирает. У этого сна бывают разные вариации, как бывает, когда смотришь две разные версии фильма, как, например, **«Бегущий по лезвию бритвы»**. И в некоторых версиях сна вирус заставляет людей разбиваться на машинах, или входить в море и тонуть, или прыгать в реку. Я думаю, что эти

версии даже лучше, поскольку тогда нигде не остается мертвых человеческих тел.

И в мире выживают только те люди, которые никогда не смотрят в человеческие лица и не знают, что обозначают эти картинки:



И это всякие особенные люди, вроде меня. Они живут сами по себе, и я никогда не смогу их увидеть, потому что они ведут себя как окапи в джунглях Конго. Окапи — это такая разновидность антилопы. Она очень пугливая и очень редкая.

Теперь я могу идти куда угодно и знаю, что никто не придет поговорить со мной, или притронуться ко мне, или задать мне вопрос. А если я не хочу никуда идти, то могу остаться дома и есть брокколи, апельсины и лакричные палочки.

Или неделями играть в компьютерные игры. Или просто сидеть в углу комнаты и тереть фунтовой монетой по волнистому радиатору. И не нужно ехать ни в какую Францию.

Я выхожу из дома отца и иду по улице. Везде очень тихо, даже в самый разгар дня, и нет никаких звуков, кроме пения птиц и шума ветра. Лишь иногда в отдалении я слышу грохот рушащихся зданий. Или, если я стою рядом со светофором, то до меня доносятся тихие щелчки — когда переключается цвет.

Я вхожу в чужие дома и играю там в детектива. А если дверь заперта, то разбиваю окно, чтобы попасть внутрь. И поскольку люди мертвы, для них это уже не имеет значения. Я захожу в магазины и беру то, что мне нравится, — розовые бисквиты, малину и манговые конфеты. Или компьютерные игры, книги и видеокассеты.

Потом я вынимаю из отцовского фургона лестницу и забираюсь на крышу. А оказавшись на ее краю, перекидываю лестницу через щель и перебираюсь на соседнюю крышу, поскольку во сне можно делать все, что угодно.

А затем я нахожу чьи-то ключи от машины. Я сажусь в машину и еду. И если я даже во что-нибудь врежусь — это не имеет значения. Потом

я подъезжаю к морю, останавливаю машину и вылезаю, и там идет дождь. И я беру в магазине мороженое и ем его, а потом гуляю по пляжу. Пляж покрыт песком, а рядом находятся высокие скалы. На вершине одной из них стоит маяк, но свет в нем не горит, поскольку смотритель маяка тоже мертв.

Я стою у линии прибоя, а волны накатывают на мои ботинки. Я не купаюсь, потому что в море водятся акулы. Стою и смотрю на горизонт. Потом вынимаю длинную металлическую линейку и держу ее напротив линии между морем и небом. И тогда я вижу, что линия эта изогнута, а значит, Земля круглая. А прибой накатывается на мои ноги и откатывает назад ритмично, как музыка или бой барабана.

Я захожу в дом каких-то людей, которые тоже мертвы, и беру там сухую одежду, а потом возвращаюсь в дом отца. Только теперь это уже не дом отца, он мой. Я готовлю себе «Гоби алу» с красным пищевым красителем и смешиваю клубничный коктейль. Потом смотрю видеофильм про Солнечную систему, играю в компьютерные игры и отправляюсь в постель.

А потом сон кончается, и я чувствую себя счастливым.

233

На следующее утро мать приготовила мне на завтрак жареные помидоры, открыла банку зеленых бобов и разогрела их в кастрюле.

Во время завтрака мистер Ширз сказал:

— Ну, ладно, он может остаться на несколько дней.

А мать ответила:

— Он может оставаться столько, сколько потребуется.

Мистер Ширз сказал:

— В этой квартире и двоим-то тесно, не говоря уже о троих.

А мать ответила:

— Вообще-то, он понимает то, что ты говоришь. Ты в курсе?

Тогда мистер Ширз сказал:

— И что теперь делать? Здесь нет подходящей школы. Мы оба целыми днями на работе. Это просто смешно.

А мать ответила:

— Роджер, хватит.

И она налила мне красного травяного чая с

сахаром, но мне он не понравился.

А потом мать сказала:

— Ты можешь оставаться тут сколько захочешь.

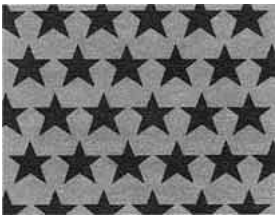
И мистер Ширз ушел на работу, а мать позвонила в свой офис и взяла то, что называется отгул *по семейным обстоятельствам*, как бывает, когда в семье кто-нибудь болен или умер.

Потом она сказала, что мы должны пойти купить мне какую-нибудь одежду, пижаму, зубную щетку и белье. Так что мы вышли из квартиры и пошли по главной дороге, которая называлась Хилл-лейн A4088, и там было очень много народу. Мы сели на автобус № 266 до торгового центра Брент-кросс. Там тоже оказалось много людей, и мне стало страшно. Так что я лег на пол возле отдела ручных часов и стал кричать. И тогда мать отвезла меня домой на такси.

Потом она поехала обратно в торговый центр, чтобы купить мне одежду, пижаму, зубную щетку и белье, а я оставался в свободной комнате. Мне не хотелось находиться в одной комнате с мистером Ширзом, потому что я боялся его.

Потом мать вернулась домой. Она принесла мне клубничный коктейль и показала новую пижаму, которую она купила, — с узором из

синих пятиконечных звезд на сиреневом фоне, вот таким:



Я сказал:

— Мне нужно вернуться в Суиндон.

А мать ответила:

— Кристофер, но ты ведь только что приехал.

Я сказал:

— Мне нужно вернуться, поскольку я должен сдать экзамен по математике на уровень А.

Мать спросила:

— Ты сдаешь на уровень А?

И я ответил:

— Да. Экзамен будет на следующей неделе — в среду, в четверг и в пятницу.

И мать сказала:

— Боже!..

Я сказал:

— Преподобный Питерс будет меня куриро-

вать.

А мать ответила:

— Да, это было бы здорово.

Я сказал:

— Я хочу получить степень А, и поэтому мне нужно обратно в Суиндон. Только я не хочу видеть отца, так что я должен поехать в Суиндон с тобой.

Мать закрыла руками лицо и стала тяжело дышать.

А потом сказала:

— Боюсь, это невозможно.

А я сказал:

— Но я должен ехать.

Мать сказала:

— Давай поговорим об этом в другой раз, ладно?

Я ответил:

— Ладно. Но мне нужно в Суиндон.

А она сказала:

— Кристофер, пожалуйста.

И я выпил свой коктейль.

Позже, в 22.31, я вышел на балкон, потому что хотел посмотреть на звезды. Но звезд не было видно из-за туч и из-за того, что называется световой завесой. Это когда огни фонарей, фары

машин, прожекторное освещение и свет из домов отражаются от крошечных частиц облаков и закрывают дорогу звездному свету. Так что я вернулся обратно в дом.

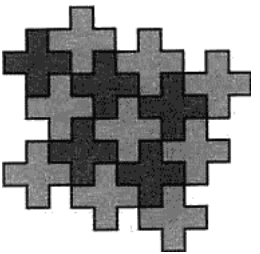
Но я не мог спать. В 2.07 я вылез из кровати, потому что боялся мистера Ширза. Так что я спустился по лестнице и вышел через наружную дверь на Чептер-роуд. На улице никого не было, и там стало гораздо тише, чем днем, пусть даже в отдалении я слышал шум машин и сирены, так что мне стало спокойнее. Я шел по Чептер-роуд и смотрел на машины и телефонные провода на фоне оранжевых облаков. Еще я смотрел на те вещи, которые были в садах перед домами, и видел там игрушечного гнома, кастрюлю, маленький пруд и плюшевого медведя.

Потом я услышал, что по улице идут двое людей, так что присел между прицепом и фургоном «Форд-транзит». А люди разговаривали не на английском языке, и они меня не заметили.

Мне понравилось место между прицепом и фургоном, так что я долго там просидел. А потом я выглянул и обнаружил, что единственные цвета, которые можно увидеть, — это оранжевый и черный и всякие их смешения. Так что я не мог понять, какого цвета были бы эти машины при

дневном освещении.

И я задумался, можно ли разложить эти цвета мозаичными крестами, и составил у себя в голове картинку:



А потом я услышал голос матери. Она кричала:

— Кристофер!.. Кристофер!..

Мать бежала по улице, и я вышел из своего укрытия. Она подбежала ко мне и сказала:

— Господи Боже… — Она остановилась, ткнула в меня пальцем и сказала: — Если ты еще раз так поступишь… Богом клянусь, Кристофер, я тебя люблю, но… Я не знаю, что я сделаю.

И она заставила меня пообещать, что я больше не буду выходить из квартиры один, поскольку в Лондоне много чужих людей и им нельзя доверять. На следующий день мать опять пошла в магазин и велела мне дать слово, что я не стану

открывать входную дверь, даже если кто-нибудь в нее позвонит. Потом она вернулась и принесла немного корма для Тоби и три видеокассеты с фильмом **«Звездный путь»**. И я смотрел кассеты в гостиной, пока не вернулся мистер Ширз, а после этого опять ушел в свободную комнату. И мне хотелось, чтобы на 451с Чептер-роуд, Лондон NW2 5NG, был сад, но сада не было.

А еще через день матери позвонили из офиса, где она работала, и сказали, что они нашли человека на ее место. И мать очень сильно рассердилась. Она кричала, что это незаконно, и она стала ругаться, но мистер Ширз сказал:

— Не дури. Боже мой, в чем проблема? Ты же знала, что это временная работа.

А потом мать пришла ко мне в комнату — перед тем как я улегся в постель. И я сказал:

— Мне нужно ехать в Суиндон, чтобы сдать на уровень А.

А мать ответила:

— Кристофер, не сейчас. Твой отец постоянно звонит мне и угрожает судом. Вдобавок у меня нет работы, и я сижу на шее у Роджера. Мне не до того, понимаешь?

Я сказал:

— Но мне нужно ехать, потому что мы так до-

говорились. И преподобный Питерс согласился меня курировать.

А мать ответила:

— Послушай, но ведь это всего лишь экзамен. Я позвоню в школу. Мы можем все перенести, и ты сдашь его позже.

Я сказал:

— Я не могу сдать его позже. Мы уже договорились. И миссис Гаскойн сказала, что мы можем воспользоваться школьным классом.

Мать сказала:

— Кристофер, я только что как-то наладила свою жизнь. Но я могу все потерять, понимаешь? Так что просто дай мне немного…

Потом она замолчала, закрыла рот рукой, поднялась на ноги и вышла из комнаты. А я почувствовал боль в груди, как уже было в метро, от мысли, что не поеду в Суиндон и не получу степень А.

А на следующее утро я выглянул в окно, чтобы посчитать машины на улице и решить, будет ли это **довольно хороший день**, или **хороший день**, или **очень хороший день**, или **черный день**, но здесь это было совсем не то, что ехать в школу на автобусе, поскольку здесь можно смотреть в окно сколько угодно и наблюдать за машинами сколь-

ко захочешь. Я смотрел в окно три часа и увидел пять красных машин подряд и четыре желтые машины подряд, что означало **хороший день** и **черный день** одновременно, так что система здесь не работает. Но когда я сосредотачивался на счете машин, я не думал об экзамене на уровень А и о боли в груди.

А днем мать отвезла меня на такси в Хампстед-Хит, и мы сели на вершине холма и стали смотреть на самолеты, которые летели в аэропорт Хитроу. Мать купила у мороженщика красный фруктовый лед и дала его мне. Потом мать сказала, что собирается позвонить миссис Гаскойн и договориться, чтобы я сдавал экзамен на уровень А в следующем году. Так что я выкинул фруктовый лед и долго кричал, а боль в груди была такой сильной, что мне стало трудно дышать. Какой-то мужчина подошел к нам и спросил, все ли в порядке, а мать сказала:

— А вам-то что за дело?

И он ушел.

Потом я устал кричать, и мать отвезла меня домой на такси. А на следующий день была суббота, и мать велела мистеру Ширзу сходить в библиотеку и взять книг по математике и по другим наукам. Он принес три книги. Они назывались

«100 математических задач», **«Происхождение Вселенной»** и **«Ядерная энергия»**. Но это были книги для детей и не очень хорошие. Так что я не стал их читать, а мистер Ширз сказал:

— Приятно знать, что люди ценят твою заботу.

Я ничего не ел с того момента, как выкинул красный фруктовый лед, так что мать нарисовала для меня картинку со звездами, как она делала, когда я был маленьким, и наполнила мерный стаканчик детским питанием с клубничной добавкой. (Я получал бронзовую звезду, если выпью 200 мл, серебряную звезду за 400 мл и золотую звезду за 600 мл.)

А когда мать и мистер Ширз стали ссориться, я взял из кухни маленький радиоприемник, сел в пустой комнате, поставил его на полпути между двумя станциями и слушал белый шум. Я очень сильно отвернул громкость и прижал приемник к уху, так что звук наполнил мою голову. И это было больно, но оттого я не чувствовал другой боли — в груди — и не слышал, как мать ругается с мистером Ширзом. И не думал о том, что я не сдам свой экзамен, или о том, что на 451c Чептерроуд, Лондон NW2 5NG нет сада, или о том, что я не вижу звезд.

А потом был понедельник. Поздним вечером

мистер Ширз пришел ко мне в комнату, и он пил пиво, поскольку от него пахло точно так же, как пахнет от отца, когда он пьет пиво с Родри. И мистер Ширз сказал:

— Считаешь себя умником — да, черт тебя побери? Ты что же, никогда-никогда не задумываешься о других людях хотя бы на секундочку, а? Могу поклясться: ты очень собой доволен, верно?

Потом вошла мать и вытолкала его из комнаты.

Она сказала:

— Кристофер, извини. Пожалуйста, извини.

На следующее утро, когда мистер Ширз ушел на работу, мать упаковала свою одежду в два чемодана и велела мне спуститься вниз и отнести Тоби в машину. А сама она положила чемоданы в багажник, и мы поехали. Но это была машина мистера Ширза, и я спросил:

— Ты угоняешь машину?

Она ответила:

— Просто одалживаю.

Я спросил:

— Куда мы едем?

А мать ответила:

— Домой.

Я спросил:

— Ты имеешь в виду Суиндон?

Она ответила:

— Да.

И я спросил:

— Там будет отец?

А она ответила:

— Пожалуйста, Кристофер, отстань от меня ненадолго, ладно?

Я сказал:

— Я не хочу быть с отцом.

И она сказала:

— Просто… просто… Все будет хорошо, Кристофер. Все будет в порядке.

И я спросил:

— Мы возвращаемся в Суиндон, так что я смогу сдать экзамен?

А мать сказала:

— Что?

И я сказал:

— Я собираюсь завтра сдавать экзамен по математике.

А мать говорила очень медленно, и она сказала:

— Мы возвращаемся в Суиндон, потому что если мы еще хоть ненадолго останемся в Лондоне…

то кто-нибудь пострадает. Я не имею в виду тебя.

Я спросил:

— А кого ты имеешь в виду?

Она ответила:

— Помолчи немного.

Я спросил:

— Сколько времени я должен молчать?

А она сказала:

— Господи Боже мой!.. — И потом она сказала: — Полчаса, Кристофер. Помолчи полчаса.

Так мы ехали в Суиндон, и весь путь занял 3 часа и 12 минут. Нам пришлось остановиться на бензоколонке, и мать купила мне молочную плитку, но я не стал ее есть. Потом мы попали в большую пробку, поскольку другие водители приостанавливали свои машины, чтобы посмотреть на аварию, произошедшую на соседней полосе. Я попытался вывести формулу возникновения дорожных пробок, чтобы определить, образуется ли пробка только в том случае, если водители начинают ехать медленнее, чем нужно. И еще: каким образом на образование пробки могут повлиять: а) плотность потока машин, б) скорость движения и в) то, насколько быстро останавливаются водители, когда видят тормозные огни впередистоящей машины.

Но я очень устал, поскольку предыдущую ночь не спал, а думал о том, что я не сдам экзамен по математике. Так что я уснул.

А потом мы приехали в Суиндон. Мать взяла ключи от дома, мы вошли внутрь, и она сказала:

— Эй!

Но никто не отозвался, потому что времени было только 13.23. В доме мне стало очень страшно, но мать сказала, что я буду в безопасности, так что я пошел в свою комнату и закрыл дверь. Я вытащил Тоби из кармана и позволил ему бегать по комнате, а сам сел играть в **«Сапера»** и прошел **экспертный уровень** за 174 секунды — что на 75 секунд медленнее, чем мой лучший результат.

Потом времени стало 18.35, и я услышал, что вернулся отец. Тогда я придвинул к двери кровать, чтобы он не мог попасть в мою комнату. Отец вошел в дом, и они с матерью стали кричать друг на друга.

Отец кричал:

— Какого хрена ты здесь делаешь?

А мать кричала:

— Это и мой дом тоже, если ты забыл.

И отец кричал:

— А этот твой пижон что, тоже здесь?

Тогда я взял свои барабаны бонго, которые мне

купил дядя Терри, опустился на колени в углу комнаты и уткнул голову в стену. И в течение часа стучал в барабаны и стенал, а потом в комнату вошла мать и велела отцу уйти. Она сказала, что отец некоторое время будет ночевать у Родри, а мы в ближайшие недели найдем себе новое жилье и переедем туда.

Потом я вышел в сад и нашел клетку Тоби возле сарая. Я ее вычистил и посадил туда Тоби.

И спросил мать, можно ли мне завтра сдать экзамен на уровень А.

А она сказала:

— Прости, Кристофер.

Я спросил:

— Мне можно будет сдать экзамен на уровень А?

Она ответила:

— Ты меня совсем не слушаешь… да, Кристофер?

Я сказал:

— Я тебя слушаю.

И мать ответила:

— Я же тебе объясняла. Я звонила твоей директрисе и сказала ей, что ты в Лондоне. Мы договорились, что ты будешь сдавать экзамен в следующем году.

Я сказал:

— Но теперь я здесь и могу его сдать.

А мать ответила:

— Прости, Кристофер. Я просто пыталась решать проблемы по мере их поступления. И не сделать хуже.

И тогда у меня снова начала болеть грудь, я сплел руки и стал раскачиваться взад-вперед и стенать.

Мать сказала:

— Я же не знала, что мы приедем сюда.

Но я продолжал стенать и качаться взад и вперед.

А мать сказала:

— Брось. Этим ты делу не поможешь.

Потом она спросила, не хочу ли я посмотреть видео из серии **«Голубая планета»** о жизни подо льдом Арктики или о миграциях горбатых китов. Но я ничего не ответил, поскольку узнал, что не буду сдавать экзамен на уровень А. И я ощущал себя так, как бывает, если прижать ноготь большого пальца к батарее, когда она действительно горячая. Тогда внутри постепенно вздымается боль, от которой хочется кричать, и она продолжается даже после того, как ты убираешь ноготь от батареи.

Потом мать приготовила мне немного моркови и брокколи с кетчупом, но я не стал есть.

Я не спал и эту ночь.

На следующий день мать отвозила меня в школу на машине мистера Ширза, поскольку мы пропустили автобус. Когда мы стояли возле машины, через дорогу переходила миссис Ширз, и она сказала матери:

— У тебя чертовски крепкие нервы.

А мать сказала:

— Полезай в машину, Кристофер.

Но я не мог сесть в машину, поскольку дверца была заперта.

А миссис Ширз сказала:

— Итак, в итоге он и тебя тоже бросил.

Мать залезла в машину, отперла заднюю дверь, так что я тоже смог сесть, и мы поехали.

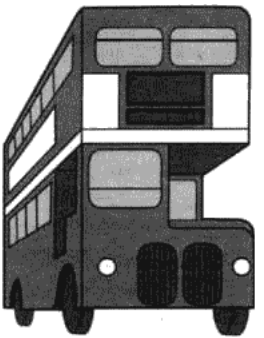
Когда мы приехали в школу, Шивон сказала:

— Значит, вы и есть мама Кристофера?

Еще Шивон сказала, что рада снова меня видеть, и спросила, все ли со мной в порядке. И я ответил, что устал. И мать объяснила, что я расстроился, узнав, что не буду сдавать экзамен на уровень А, и потому не ел и не спал как следует.

Потом мать уехала, а я нарисовал автобус, используя перспективу, и это отвлекло меня от

боли в груди. Автобус выглядел вот так:



После ланча Шивон сказала, что она говорила с миссис Гаскойн и что у той еще есть билеты для моего экзамена по математике.

Я спросил, есть ли еще возможность сдать экзамен на уровень А.

А Шивон сказала:

— Думаю, да. Днем мы позвоним преподобному Питерсу и спросим, готов ли он прийти курировать тебя. А миссис Гаскойн напишет письмо в экзаменационную комиссию и сообщит, что ты все-таки готов сдать экзамен. Я надеюсь, что они это одобрят, но пока мы не знаем наверняка. — Потом она молчала несколько секунд. — Полагаю, лучше тебе это сказать именно сейчас. Так что у

тебя есть возможность как следует все обдумать.

Я спросил:

— Что обдумать?

Шивон ответила:

— Действительно ли ты этого хочешь, Кристофер.

Я задумался над вопросом, но не был уверен в ответе. Я хотел сдать экзамен на уровень А, но я очень устал, и мозги не работали как следует. Когда я попытался припомнить разные вещи, вроде логарифмических формул, у меня ничего не вышло, и тогда мне стало страшно.

А Шивон сказала:

— Ты не обязан это делать, Кристофер. Если ты откажешься, никто не станет сердиться. И это не будет неправильно, или нечестно, или глупо. Поступай так, как считаешь нужным, и все будет хорошо.

Тогда я ответил:

— Я хочу это сделать.

Потому что мне не нравится исключать из своего расписания вещи, которые я уже запланировал. И если я так поступаю, мне делается плохо.

А Шивон сказала:

— Ладно.

Потом она позвонила преподобному Питерсу. В 15.27 он пришел в школу и сказал:

— Ну-с, молодой человек, вы готовы?

Я отправился в класс, где мы обычно занимаемся рисованием, и стал решать **задание 1** моего экзамена. А преподобный Питерс был куратором. Он сидел за столом, читал книгу под названием **«Цена ученичества»** Дитриха Бонхёффера и ел сандвич. А в середине экзамена преподобный Питерс вышел на улицу и выкурил сигарету, но он все равно смотрел на меня через окно и следил, чтобы я не списывал.

Когда я открыл задание и прочитал его, то понял, что не могу ответить ни на один вопрос; и еще я начал задыхаться. Мне хотелось стукнуть кого-нибудь или ударить своим армейским ножом, но здесь не было никого, кроме преподобного Питерса. А он очень высок ростом. И потом, если я стукну его или ударю ножом, то он откажется быть моим куратором на оставшуюся часть экзамена.

Так что я начал делать глубокие вдохи и выдохи, поскольку Шивон говорила, что надо так поступать, если хочется кого-нибудь ударить. Я отсчитал пятьдесят вдохов и пятьдесят выдохов и, пока считал, возводил в куб все положитель-

ные числа по порядку, вот так:

1, 8, 27, 64, 125, 261, 343, 512, 729, 1000, 1331, 1728, 2197, 2744, 3375, 4096, 4913... и т. д.

От этого мне стало немного спокойнее, но на экзамен отводилось 2 часа, и двадцать минут уже прошло. Так что следовало работать очень быстро, и уже не оставалось времени как следует проверить ответы.

А вечером, после того как я пришел домой, вернулся отец, так что я начал кричать, но мать сказала, что она не позволит случиться ничему плохому. Тогда я вышел в сад, лег на землю и стал смотреть на звезды в небе. И ни о чем не думал.

Через некоторое время из дома вышел отец и долго смотрел на меня. А потом пнул ногой забор и ушел.

И этой ночью я спал, поскольку теперь я сдавал экзамен по математике. А на ужин я съел немного шпинатного супа.

На следующий день я решал **задание 2**, а преподобный Питерс читал **«Цену ученичества»** Дитриха Бонхёффера, но на этот раз он не курил сигарет. И перед экзаменом Шивон велела мне сходить в туалет, а потом, во время экзамена, как следует сосредоточиться и успокоиться.

Вечером этого дня я сидел у себя в комнате и играл на компьютере в **«Одиннадцатый час»**, и в это время около дома остановилось такси. В такси был мистер Ширз. Он вылез наружу и выкинул на лужайку перед домом большую картонную коробку. В коробке лежали вещи матери. Там был фен, немного белья, шампунь L'Oreal, коробка мюсли и две книги — **«Диана. Ее правдивая история»** Эндрю Мортона и **«Соперники»** Джилли Купер. И моя фотография в серебряной рамке. Когда мистер Ширз кинул коробку, фотография выпала, и стекло разбилось.

Потом он вынул из кармана ключи, сел в свою машину и уехал, а мать выскочила из дома, выбежала на дорогу и закричала:

— И чтоб я тебя больше не видела, черт бы тебя побрал!

А потом она схватила коробку мюсли и кинула вслед машине. Коробка ударилась о багажник, и, когда это произошло, мистер Ширз выглянул в окно.

На следующий день я решил **задание 3**, а преподобный Питерс читал «Дейли мейл» и выкурил три сигареты.

А в **задании 3** был мой любимый вопрос.

Докажите, что:

треугольник со сторонами, которые могут быть выражены формулами $n^2 + 1$, $n^2 — 1$ и $2n$ (где $n > 1$), является прямоугольным.

Докажите, что обратная теорема неверна.

И я хотел описать, как я отвечал на этот вопрос, но Шивон сказала, что это неинтересно. А я сказал, интересно. И Шивон ответила, что люди не станут читать в книге ответы на математические вопросы, но я могу поместить ответ в *приложение*. Приложение — это дополнительная глава в конце книги, которую люди могут прочитать, если захотят. Так я и сделал.

После этого у меня уже не так сильно болело в груди и дышать стало легче. Но я ощущал слабость, потому что не знал, хорошо ли я выполнил задания экзамена и согласится ли экзаменационная комиссия учесть мой экзамен после того, как миссис Гаскойн сказала им, что я не буду его сдавать.

Самое лучшее — это когда знаешь, что должно произойти что-то хорошее. Например, что случится затмение или что на Рождество тебе подарят микроскоп. И плохо, если ты знаешь, что должны произойти неприятные вещи. Например, что нужно идти к зубному врачу или ехать во Францию. Но я думаю, еще хуже — это когда не

знаешь, что именно должно случиться: плохое или хорошее?

Этим вечером отец опять пришел домой. Я сидел на диване, смотрел **«Дуэль университетов»** и отвечал на всякие научные вопросы. Отец остановился в дверях гостиной и сказал:

— Не надо кричать, Кристофер, ладно? Я не причиню тебе вреда.

Мать подошла и встала рядом с ним, так что я не стал кричать.

Потом отец подошел немного ближе и присел на корточки — как с собакой, когда человек хочет показать, что у него нет агрессивных намерений.

И отец сказал:

— Я хотел узнать, как прошел экзамен.

А мать сказала:

— Расскажи ему, Кристофер.

Но я по-прежнему ничего не отвечал.

Тогда мать сказала:

— Пожалуйста, Кристофер.

Так что я ответил:

— Я не знаю, правильно ли я ответил на вопросы, поскольку очень устал и ничего не ел. И поэтому не мог думать как следует.

Отец кивнул. И некоторое время он молчал, а

потом сказал:

— Спасибо.

Я спросил:

— За что?

А он ответил:

— Просто… спасибо. — И потом он сказал: — Я очень горжусь тобой, Кристофер. Очень горжусь. Я уверен, что ты все сделал хорошо.

Затем он ушел, и я досмотрел **«Дуэль университетов»**.

А на следующей неделе отец сказал матери, что она должна переехать. Но мать не могла этого сделать, поскольку у нее не было денег, чтобы заплатить за съем квартиры. И я спросил: может быть, полиция арестует отца за убийство Веллингтона? Поскольку, если его посадят в тюрьму, мы сможем жить в его доме. Но мать ответила, что полиция могла бы арестовать отца только в том случае, если бы миссис Ширз *подала заявление*. Это значит, что ты требуешь ареста какого-нибудь человека. Потому что полиция не арестовывает за мелкие преступления, пока кто-нибудь не заявит. Мать сказала, что убийство Веллингтона — это мелкое преступление.

Но потом все стало в порядке, потому что мать нашла себе работу в садовом центре, а доктор

дал ей специальные таблетки, чтобы принимать каждый день и не чувствовать себя печальной. Только иногда от них у матери кружилась голова, и она начинала падать, если вставала слишком резко.

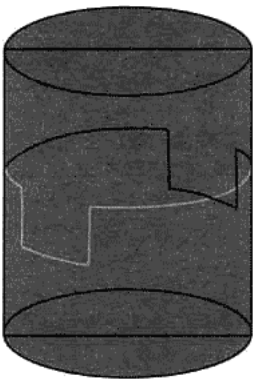
Мать переехала в комнату, которая находилась в большом доме из красного кирпича. Кровать была в том же помещении, что и кухня, и мне это не понравилось. А коридор оказался выкрашен в коричневый цвет, и там были туалет и ванная, которыми пользовались еще и другие люди. Мать должна была мыть их перед тем, как я туда ходил, потому что иначе я не стал бы ими пользоваться. Иногда я мочился в штаны, потому что туалет был занят другими людьми. В коридоре пахло мясной подливой и хлоркой; такую же хлорку использовали для чистки туалетов в школе. А внутри комнаты пахло носками и сосновым освежителем воздуха.

Я не хотел узнавать результаты экзамена по математике. Когда я начинал думать о будущем, в голове не складывалось ясной картинки, и от этого мне становилось страшно. Так что Шивон посоветовала не думать о будущем. Она сказала:

— Лучше думай о сегодняшнем дне. Думай о вещах, которые уже случились. Особенно о хо-

роших вещах.

Одна из хороших вещей — мать купила мне деревянную головоломку, вот такую:



Нужно было отделить верхнюю часть от нижней части, и это оказалось трудно.

Другая хорошая вещь — я помогал матери красить комнату в **бежевый цвет**. Правда, еще я покрасил свои волосы, и мать хотела отмыть их специальным шампунем. Но я не позволил, так что краска оставалась у меня на волосах еще пять дней, а потом я срезал эти пряди ножницами.

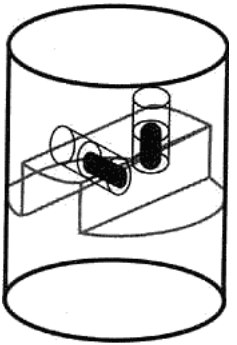
Но плохих вещей было больше, чем хороших.

Например, мать возвращалась с работы только в 17.30, так что между 15.49 и 17.30 я должен был

идти в дом отца, поскольку мне не позволялось оставаться одному и мать сказала, что у меня нет выбора. Поэтому я придвигал кровать к двери — на случай, если отец попытается войти. Иногда он пытался разговаривать со мной через дверь, но я не отвечал. А иногда я слышал, что он садится на пол около моей двери и сидит подолгу.

Еще одна плохая вещь: Тоби умер, потому что ему было два года и семь месяцев, а это очень много для крысы. И я хотел его похоронить, но у матери не было сада. Так что я похоронил его в большом пластмассовом коробе с землей, который используется для рассады растений. Я сказал, что я хочу другую крысу, но мать ответила, что мы не можем ее держать, поскольку комната слишком мала.

И я разгадал головоломку, потому что я понял, что там внутри есть два болта и полые трубки с металлическими штырями, вот такие:



И нужно повернуть головоломку так, чтобы обе палочки выскользнули из трубок и не пересеклись между двумя кусками головоломки, и тогда их можно разделить.

Однажды, когда мать забирала меня из дома отца после работы, он спросил:

— Кристофер, можно с тобой поговорить?

Я ответил:

— Нет.

Мать сказала:

— Ничего-ничего. Я буду рядом.

Я ответил:

— Я не хочу разговаривать с отцом.

Тогда отец сказал:

— Давай заключим договор. — Он взял кухонный таймер, сделанный в виде большого

помидора, и включил его. Таймер начал тикать, а отец сказал: — Пять минут, ладно? По часам. Потом ты можешь уйти.

Так что я сел на диван, он сел в кресло, а мать стояла в холле. Отец сказал:

— Кристофер, послушай… Так больше не может продолжаться. Не знаю, как ты, но я… мне очень больно. Ты приходишь в этот дом, но отказываешься со мной разговаривать… Ты должен научиться доверять мне… И не важно, сколько времени это займет. Пусть будет хотя бы минута в один день, две в другой, три в следующий… и все вместе займет год — не имеет значения. Потому что это важно. Важнее всего на свете.

Потом отец оторвал маленький кусочек кожи около ногтя большого пальца левой руки.

И он сказал:

— Давай назовем это… назовем это проектом. Который мы будем реализовывать вместе. Ты станешь проводить со мной немного больше времени, и я… я докажу, что мне можно доверять. И поначалу будет трудно, потому что… потому что это сложный проект. Но потом станет лучше, я обещаю. — Отец потер виски кончиками пальцев и сказал: — Ты не обязан отвечать прямо сейчас. Просто подумай об этом. И… э… у меня есть для

тебя подарок. Чтобы доказать, что я говорю правду. И чтобы попросить прощения. И потому что… Ладно, ты поймешь, что я имею в виду.

Он встал с кресла, вышел в кухонную дверь и оставил ее открытой. В кухне на полу стояла картонная коробка, из которой торчало одеяло. Отец нагнулся, запустил руки в коробку и вынул маленькую, песочного цвета собаку.

Потом отец вернулся в гостиную и дал собаку мне. Он сказал:

— Ему два месяца. Это золотистый ретривер.

Собака уселась у меня на коленях, и я погладил ее.

И некоторое время никто ничего не говорил.

Потом отец сказал:

— Кристофер, я никогда больше не причиню тебе боли.

И потом опять никто ничего не говорил.

Потом мать вошла в комнату и сказала:

— Боюсь, ты не сможешь забрать его с собой. Наша лачуга слишком мала. Но пока он может пожить здесь, у отца. А ты будешь приходить и гулять с ним, когда захочешь.

Я спросил:

— У него есть имя?

И отец ответил:

— Нет. Ты сам решишь, как его назвать.

А собака стала жевать мой палец.

Прошло 5 минут, и помидор зазвонил. Так что мы с матерью поехали обратно к ней домой.

А на следующей неделе была гроза, и молния ударила в большое дерево в парке около дома отца, и оно упало. Тогда пришли люди, стали обрезать ветви пилами и потом увезли поленья на грузовике. И остался только черный заостренный обугленный пень.

Я узнал результат своего экзамена по математике: я получил степень А. И от этого я чувствовал себя

Пса я назвал Сэнди. Отец купил ему ошейник и поводок, мне разрешалось гулять с ним до магазина и обратно. И он играл резиновой костью.

Мать заболела гриппом, и потому мне пришлось провести три дня с отцом и жить у него дома. Но я не боялся, потому что Сэнди спал около моей двери и залаял бы, если бы кто-нибудь по-

пытался войти ко мне среди ночи. А отец устроил в саду огород, и я ему помогал. Мы посадили морковь, фасоль и шпинат, и, когда они созреют, я соберу их и съем.

Еще мы с матерью пошли в магазин и купили книгу, которая называется **«Высшая математика для степени А»**, и отец сказал миссис Гаскойн, что я буду сдавать экзамен на будущий год, и она ответила:

— Ладно.

Так что я собираюсь сдать экзамен по высшей математике и получить степень А. А через два года я сдам экзамен по физике и тоже получу степень А.

И когда я это сделаю, то поеду в другой город и поступлю в университет. И это будет не в Лондоне, потому что мне не нравится Лондон, а университеты есть во многих местах, и не обязательно в больших городах. Я буду жить в доме с садом и собственным туалетом и заберу туда Сэнди, свои книги и свой компьютер.

И потом я получу Почетную Степень Первого Класса и стану ученым.

Я знаю, что смогу это сделать, потому что я сумел самостоятельно съездить в Лондон и потому что я сумел выяснить, кто убил Веллингтона.

Еще я нашел свою мать, я был смелым, я написал книгу, и это значит, что я могу все.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Вопрос

Докажите, что:

треугольник со сторонами, которые могут быть выражены формулами $n^2 + 1$, $n^2 — 1$ и $2n$ (где $n > 1$) является прямоугольным.

Докажите, что обратное утверждение неверно.

Ответ

Сперва мы должны определить, какова самая длинная сторона треугольника со сторонами, которые выражены формулами $n^2 + 1$, $n^2 — 1$ и $2n$ (где $n > 1$).

$n^2 + 1 — 2n = (n — 1)^2$.

Если $n > 1$, то $(n — 1)^2 > 0$.

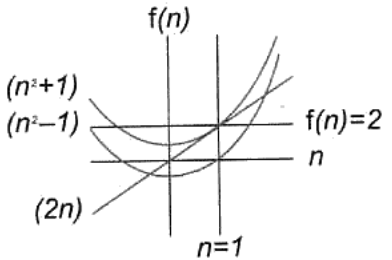
Следовательно, $n^2 + 1 — 2n > 0$.
Следовательно, $n^2 + 1 > 2n$.

Сходным образом $(n^2 + 1) — (n^2 — 1) = 2$.

Следовательно, $n^2 + 1 > n^2 — 1$.

Это значит, что $\mathbf{n^2 + 1}$ является самой длинной из сторон треугольника со сторонами, которые могут быть выражены формулой $\mathbf{n^2 + 1}$, $\mathbf{n^2 — 1}$ и $\mathbf{2n}$ (где $\mathbf{n > 1}$).

Для наглядности можно показать это на следующем графике (хотя это ничего не доказывает):



Согласно теореме Пифагора, если сумма квадратов катетов (двух более коротких сторон) равна квадрату гипотенузы (длинной стороны), треугольник является прямоугольным. Следовательно, чтобы доказать, что треугольник прямоугольный, нам нужно показать, что это тот самый случай.

Сумма квадратов двух более **коротких сторон** равна $\mathbf{(n^2 — 1)^2 + (2n)^2}$.

$(n^2 — 1)^2 + (2n)^2 = n^4 — 2n^2 + 1 + 4n^2 = n^4 + 2n^2 + 1.$

Квадрат гипотенузы равен $(n^2 + 1)^2$.

$(n^2 + 1)^2 = n^4 + 2n^2 + 1.$

Таким образом, сумма квадратов коротких сторон равна квадрату длинной стороны. Следовательно, треугольник является прямоугольным.

А утверждение, обратное утверждению: «Треугольник со сторонами, которые могут быть выражены формулами $n^2 + 1$, $n^2 — 1$ и $2n$ (где $n > 1$) прямоугольный», — это: «Прямоугольный треугольник имеет стороны, которые могут быть выражены формулами $n^2 + 1$, $n^2 — 1$ и $2n$ (где $n > 1$)».

И это значит, что нужно найти треугольник, который будет прямоугольным, но стороны которого не могут быть выражены формулами $n^2 + 1$, $n^2 — 1$ и $2n$ (где $n > 1$).

Итак, пусть гипотенуза прямоугольного треугольника **ABC** будет **AB**.

Пусть $AB = 65$.

Пусть $BC = 60$.

Тогда

$$CA = \sqrt{(AB^2 - BC^2)} =$$
$$= \sqrt{(65^2 - 60^2)} = \sqrt{(4225 - 3600)} = \sqrt{(625)} = 25.$$

Пусть $AB = n^2 + 1 = 65$.

Тогда

$$n = \sqrt{(65 - 1)} = \sqrt{64} = 8.$$

Следовательно,

$$(n^2 - 1) = 64 - 1 = 63 \neq BC \neq CA = 25.$$

И

$$2n = 16 \neq BC = 60 \neq CA = 25$$

Следовательно, треугольник ABC является прямоугольным, но его стороны не могут быть выражены формулами $n^2 + 1$, $n^2 - 1$ и $2n$ (где $n > 1$). Что и требовалось доказать.